Энн Леки

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Космоопера, фокусирующаяся на героях,
от яркой звезды научной фантастики.

Library Journal

Происхождение
Энн Леки

Аннотация
Энн Леки. Происхождение
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Благодарности

Аннотация

Новый роман Энн Леки о власти, привилегиях и правах, дающихся по праву рождения, возвращает нас во вселенную империи Радч.

Ингрей получает единственный шанс обеспечить свою будущую карьеру и вернуть бесценные утраченные артефакты, принадлежавшие ее народу. Для этого ей нужно освободить похитителя, вытащить его с планеты-тюрьмы, откуда еще никто не возвращался.

Ингрей с ее должником прилетают домой и оказываются в самом центре межгалактического конфликта, разворачивающегося на планете, раздираемой политическими интригами. Им придется выработать новый план, чтобы спасти будущее не только Ингрей, но ее семьи и мира в целом, пока оно не рассыпалось в прах.

Энн Леки
Происхождение

Глава 1

— Неожиданные осложнения, — сказало темно-серое нерезкое пятно. Оно сидело напротив в метре от Ингрей, точно в таком же голубом кресле.

По крайней мере, так казалось. Ингрей точно знала, что если протянет руку, то коснется лишь гладкой твердой стены. И слева стена, там — координатор. Худощавая фигура, завернутая в коричневый, золотой и фиолетовый шелк, с гладко зачесанными и заплетенными в косицу волосами, с темными бесстрастными глазами. Следит за разговором. Слушает.

Настоящими были лишь бежевые стены справа и за спиной. Хотя столик, стоявший у кресла Ингрей, золоченый графин с шербетом и изящный стеклянный поднос с пирожными в форме розовых лепестков, видимо, тоже настоящие. Не зря же в самом начале ей предложили угоститься, правда, Ингрей слишком нервничала, чтобы даже думать о еде.

— Неожиданные осложнения, — повторило темно-серое пятно, — которые привели к непред-

виденным расходам. Нам приходится просить вас заплатить больше, чем мы условились.

Безликий партнер по переговорам не мог разглядеть Ингрей, она представлялась ему таким же темно-серым размытым пятном. Он сидел в точно такой же комнатке где-то на станции. И даже если бы на лице Ингрей отразились смятение и отчаяние, он не смог бы заметить их. Координатор видело лица обоих. Но не выдаст ее, даже если определит хоть какую-то реакцию на ее лице, она была в этом уверена. Пока еще.

— Неожиданные осложнения меня не касаются, — сказала она как можно спокойнее и увереннее. — Цену мы оговорили заранее.

Их услуги стоили ровно столько, сколько у нее было, у Ингрей осталась лишь одежда, которую она носила, и билет домой, купленный заранее.

— Непредвиденные расходы слишком велики, и их придется кому-то возместить, — сказало темно-серое пятно. — Пока они не будут оплачены, посылку не доставим.

— Ну и не доставляйте, — ответила Ингрей как можно беззаботнее. Руки ее неподвижно лежали на коленях. Ей захотелось сжать в горсти сине-голубой шелк пышных юбок, ухватиться за что-то прочное и безопасное. А ведь казалось, что она

давно рассталась с этой детской привычкой. — В таком случае вы вообще ничего не получите. Конечно, расходы придется кому-то возместить, но это не моя забота.

Она подождала ответа. Координатор промолчало. Ингрей напомнила себе, что если сделка все-таки не состоится, то серое пятно потеряет гораздо больше, чем она. После оплаты услуг координатора, которая не зависит от исхода переговоров, она может просто забрать остаток сбережений и вернуться домой, на Хвай. Денег у нее будет намного меньше, чем вначале, что правда, то правда, и возможно, ей придется с этим смириться и инвестировать то, что осталось. Если она потеряет работу, нужно будет задействовать все связи, чтобы найти новую.

Ингрей представила себе ледяное разочарование в глазах приемной матери. Нетано Аскольд не тратит время и силы на детей-неудачников, не имеющих честолюбия.

Представила самодовольный триумф сводного братца Данака. Даже если бы все планы Ингрей осуществились, она вряд ли смогла бы занять место любимца Нетано, но, по крайней мере, смогла бы уйти от Аскольдов, зная, что унизила заносчивого братца, и заставила бы их всех,

включая Нетано, обратить внимание на нее, Ингрей. Кроме того, ее бы заметили и другие могущественные и влиятельные люди. Но если сделка не состоится, то ничего не выйдет, даже крошечной победы над братцем не одержать.

Серое пятно и координатор все еще молчали. От пряного запаха шербета скрутило живот. Ничего не получится.

А может, и ладно? В конце концов, чего она добивалась? Дурацкий был план. Невозможный. Даже если сделка состоялась бы, шансы у нее почти нулевые. И что она вообще тут забыла? На миг ей вдруг показалось, что она шагнула с обрыва и вот-вот полетит вниз.

Ингрей могла бы разом все закончить. Сказать, что сделка отменяется, заплатить причитающееся координатору и отправиться домой с оставшимися деньгами.

Пятно, сидевшее напротив, недовольно вздохнуло.

— Что ж, хорошо. Сделка состоится. Но отныне мы знаем, как следует относиться к хваленому нелицеприятию и принципам справедливости Тира.

— Условия были ясны с самого начала, — ровным голосом ответило координатор. — Оплата

оговорена, и если вы сочли ее недостаточной, то могли бы сразу потребовать больше или отказаться от сделки. На данном этапе сделки мы всегда придерживаемся этого непоколебимого принципа во избежание недоразумений. И я вам уже объясняло. Если бы вы сразу сообщили об отсутствии понимания или о несогласии с нашей политикой, я бы не позволило вести дальнейшие переговоры, так как это повредило бы нашей репутации, потому что мы нелицеприятны и справедливы в решении споров.

Серое пятно промолчало.

— Я проверило сумму оплаты и товар, — все так же спокойно и ровно сказало координатор. — Они соответствуют договору.

У Ингрей все еще оставался шанс. Она все еще могла отказаться от задуманного, но она проговорила:

— Очень хорошо.

О, всемогущие силы, что же она натворила!

Передача посылки должна была состояться в маленькой комнатке, огороженной стеной из орхидей, поднимающихся из запутанного лабиринта корней. Женщина в коричнево-фиолетовом пиджаке и саронге стояла у серого, видавшего виды контейнера для пересылки,

около двух метров в длину и одного в высоту, который абсолютно не вписывался в роскошное великолепие интерьера в пастельных тонах.

— Кажется, произошло какое-то недопонимание, светлость, — сказала Ингрей. — Я ждала человека.

Она оценила размер и форму контейнера, и вдруг до нее дошло, что в нем вполне может поместиться тело.

Полнейший провал! Страх, который Ингрей впервые почувствовала, когда серое пятно затребовало большую плату, усилился. Женщина, стоявшая у дальнего конца контейнера, не шевельнулась, даже не взглянула на нее и, не моргнув глазом, важно сказала:

— Мы не принимаем участия в похищениях или работорговле, светлость.

Ингрей моргнула. Вздохнула поглубже, не зная, как поступить.

— Можно открыть контейнер? — наконец спросила она.

— Он ваш. Можете поступать с ним, как заблагорассудится, — ответила женщина, но даже не двинулась с места.

Ингрей понадобилось несколько минут, чтобы разобраться с замками на крышке контейнера.

Когда они, глухо щелкая, открылись один за другим, Ингрей осторожно, чтобы не уронить, толкнула тяжелую крышку в сторону. Внутри блеснуло что-то гладкое и темное. Капсула жизнеобеспечения. Она сдвинула крышку еще на несколько сантиметров. Наклонилась, чтобы рассмотреть приборную панель. Синие и зеленые огоньки сообщили, что капсула работает и ее обитатель жив. Ингрей не смогла сдержаться и с облегчением выдохнула.

Наверное, так даже лучше. Всякие объяснения можно отложить на потом, а пока нужно привезти человека на корабль, на котором она втайне от всех забронировала два места. Она вернула крышку в прежнее положение и закрыла замки.

— Прошу прощения, — сказала она женщине в коричнево-фиолетовом саронге. — Я не ожидала, что… посылка придет в такой упаковке. Вряд ли я смогу в одиночку с ней справиться. Можно у вас одолжить тележку?

Она понятия не имела, как затащить контейнер на тележку. А если они и за это потребуют деньги, то ей и заплатить-то нечем. Тогда придется открыть капсулу здесь и сейчас и надеяться, что ее обитатель захочет выйти и вообще сможет передвигаться.

— Или вы доставите его на мой корабль?

Не меняя выражения лица, женщина прикоснулась к контейнеру, издавшему щелчок, и тот слегка наклонился в сторону Ингрей.

— С момента передачи посылки получателю мы уже не заботимся о ее сохранности и не несем никакой ответственности, — сказала женщина. — Возможно, это не слишком удобно, но зато помогает избежать недоразумений. Вам придется вывезти его самой. Когда вы покинете нашу территорию и подключите связь, сможете найти наиболее удобный маршрут для объектов такого размера.

Наверное, у контейнера имелись какие-то особые приспособления, потому что он хоть и был тяжелым, но парил легко, его лишь иногда заносило. Ингрей понадобилось время, чтобы сообразить, как катить его вперед, чтобы он не отклонялся в сторону. Вытолкав его из не особо заметных ворот в широкий, ярко освещенный коридор, облицованный красно-черной плиткой, она чуть не потеряла контроль над контейнером, потому что моргнула, чтобы подключить связь. У нее перед взором тут же появился целый ряд оповещений и новостей. На удивление длинный список, хотя Ингрей поставила фильтр на все

местные новости, кроме совсем срочных. Самые большие и яркие — настолько большие, что волей-неволей пришлось просмотреть их, отчаянно пытаясь при этом удержать контейнер, чтобы он не врезался в стенку, — сообщали о местных событиях. Крупным шрифтом: «В Тир прибыла дипломатическая миссия Гек», а рядом помельче: «Совет Тир Сииласа одобрил запрос на провизию, горючее и ремонт». Еще бы он не одобрил! Гек заключили соглашение с опасными и загадочными Пресгер. И что бы там ни говорили о том, каким образом им это удалось, нарушать его никому не хотелось.

Из-за того что Ингрей уделила внимание заголовку, на нее обрушилось целое облако дополнительной информации и частных мнений. «Необходимо провести конклав по вопросу наглого захвата власти радчааи», — кричали одни. «Разумный ИИ сделал шаг вперед. Неужели это начало конца человечества?» — вопрошали другие. Тихий голос нашептывал в ухо, что лапшичная неподалеку, в которой Ингрей обедала раз шесть с момента прибытия, открылась и очереди почти нет. Давным-давно Ингрей установила эту напоминалку и благополучно о ней забыла. Она не завтракала и от пирожных, пред-

ложенных координатором, отказалась. Так что мысль о лапшичной выглядела заманчиво.

Только времени на еду не осталось. Корабль, на котором она забронировала место, уходил через три часа, и ей требовалось заранее подняться на борт. И даже если бы у нее были время и деньги, то Ингрей вряд ли смогла бы стоять в очереди с этим контейнером. И управлять-то им едва получалось. Моргнув, Ингрей закрыла все сообщения, вывела маршрут на корабль и поспешила вперед. Поесть можно и на борту.

Предложенный маршрут позволял ей держаться подальше от самых перегруженных мест на станции, хотя даже в «менее перегруженных» районах все равно было тесновато. Поначалу Ингрей смущалась и опасалась, что, толкая по коридорам станции контейнер размером с капсулу жизнеобеспечения, она привлечет к себе нежелательное внимание, но толпа без слов и взглядов сама собой расступалась, обтекая ее. Не она одна тащила на себе странный груз. Ингрей пришлось аккуратно объехать целую пирамиду из ящиков с луком, которая, по всей видимости, катилась сама по себе без сопровождающего. Потом Ингрей на несколько секунд застряла позади огромного мешка, но, когда он задвигался, она

поняла, что это человек, который, судя по росту и необходимости носить скафандр, прибыл из мира с низкой гравитацией.

Ей пришлось полчаса дожидаться грузового подъемника, а затем ехать зажатой между его задней стенкой и контейнером. Она пожалела, что, продав всю одежду, оставила себе лишь неудобные, хоть и прилично выглядевшие сандалии, шелковый пиджак и пышные юбки — все ради того, чтобы смотреться насколько возможно серьезнее и по-деловому. Бессмысленная затея. Координатору до ее внешнего вида дела не было, поскольку она все равно заплатила, а тот, с кем она заключала сделку, вообще не мог ее увидеть. Выйдя из подъемника, она заткнула юбки за пояс, сняла сандалии и положила их на контейнер вместе с сумочкой, в которой теперь хранились все ее пожитки — идентификационная табличка и средства личной гигиены. Кое-как лавируя между невнимательными путешественниками, она вытолкнула груз в длинный терминал прибытия и убытия, ведущий к докам. Моргнув, чтобы посмотреть на часы, Ингрей убедилась, что у нее достаточно времени, чтобы успеть на корабль. Тот, как и ожидалось, находился очень далеко от подъемника, на котором она приехала,

совсем в другом конце терминала. Уставшая, раздраженная и встревоженная, она наконец-то добралась до нужного отсека. Как правило, она путешествовала между системами на больших пассажирских лайнерах и в Тир прилетела на таком же. Но вот обратный билет на лайнер, даже самый дешевый, позволить себе не смогла. Ингрей знала, что полетит на маленьком грузовом корабле с несколькими дополнительными каютами для пассажиров, что по пути домой будет тесно и совсем не роскошно, но она даже не подумала, как разместится в каюте с огромным контейнером. Если бы это был пассажирский лайнер, то ее, скорее всего, встретили бы члены команды и отнесли бы контейнер к ней в каюту или в грузовой отсек. Но ее никто не встречал. А сама Ингрей вряд ли смогла бы пропихнуть груз через воздушный шлюз.

Пока она размышляла, из шлюза вышел мужчина. Невысокий, серьезный, но было в его квадратном лице что-то безотчетно странное: то ли форма носа, то ли размер рта. Зачесанные назад волосы, заплетенные в десятки мелких косичек, свисали на спину. Одетый в лунги из серо-зеленой полосатой материи, темно-серую куртку и босой, мужчина в сравнении с мест-

ными обитателями, которые всегда наряжались на важные деловые встречи, выглядел весьма неформально, хотя и абсолютно респектабельно.

— Вы — Ингрей Аскольд?

— А вы, должно быть, капитан Уйсин, — сказала Ингрей. Она забронировала каюту в кассе дока Тир Сииласа много дней тому назад, еще до того, как корабль сюда прибыл. — Или лучше называть вас капитан Тик?

Когда встречаешь людей со всех концов Вселенной, трудно понять, где имя, а где фамилия, и тем более как человек предпочитает, чтобы к нему обращались.

— Как хотите, — ответил капитан Уйсин. — Вы не сообщили насчет крупногабаритного багажа, светлость.

— Не сообщила. Сама такого не ожидала.

Капитан Уйсин немного помолчал. Наверное, ждал, что она еще скажет.

— Он не поместится в пассажирском отсеке, светлость. Его нужно отправить в грузовой. Доступ к нему на нижнем уровне. Только он опечатан, и я не открою его прежде, чем увижу официально зарегистрированную опись содержимого.

Ингрей никогда не слышала о такой описи и о

том, что она может понадобиться. Но опять-таки она не собиралась брать с собой багаж.

— Я не могу… Я не могу оставить его здесь. У нас есть время, чтобы открыть доступ к грузовому отсеку?

Нужно было хоть наскоро перекусить утром, подумала она. Ингрей казалось, что она стоит спокойно, но, наверное, ее рука, лежавшая на контейнере, дернулась, потому что ящик покатился вперед. Она еле успела схватить его.

Капитан Уйсин вытянул руку и остановил контейнер.

— Времени достаточно. Рейс отложен. Вы что, не проверяете уведомления? Мы пробудем здесь еще два дня.

— Два дня!

Это невозможно! Она вывела все уведомления и сразу же нашла информацию о задержке рейса, могла бы и раньше увидеть, если бы проверила личные сообщения.

«Капитан Тик Уйсин. Неизбежная задержка. В связи с текущими событиями».

Текущие события. Ну конечно! Ингрей открыла последние новости, внимательно просмотрела сообщения о дипломатической миссии Гек. Там говорилось, что расписание прилетов и отлетов

изменено для обеспечения удобства и безопасности гостей. Только она не удосужилась об этом прочитать.

С таким не поспоришь, тут ничто не поможет. Даже если бы Ингрей путешествовала с Нетано Аскольд, которая часто требовала (и получала!) различные привилегии, то и это бы не помогло. И не только потому, что здесь чужая система.

Гек — представители другой расы, не человеческой. Насколько Ингрей знала, они почти никогда не покидали пределов своего мира и теперь вылетели лишь для того, чтобы урегулировать различные вопросы с другой расой, Пресгер. Раньше, до заключения соглашения, Пресгер разрушали корабли и станции людей, уничтожали пассажиров и жителей просто из прихоти. И ничто не могло остановить их. Ничто, кроме заключенного договора, который от имени всего человечества подписала правительница радчааи Анаандер Мианнаи. Видимо, Пресгер не понимали, что среди людей тоже есть разные народы, живущие в разных системах со своими правительствами, а может, им было все равно. Но как бы люди ни относились к тому, что радчааи взяли на себя такие полномочия, никто не хотел, чтобы Пресгер снова начали убивать.

Со временем Гек стали третьей стороной, подписавшей соглашение, а совсем недавно к нему присоединилась еще одна раса — Рррррр. Теперь же появилась третья нечеловеческая раса, желающая подписать договор, и Прессгер созвали конклав, чтобы рассмотреть и решить этот вопрос. Наверняка во всех отдаленных уголках космоса, населенных людьми, имелось по этому поводу собственное мнение, им хотелось знать детали, чтобы понять, как решения конклава скажутся на их будущем. И только Ингрей относилась к этому абсолютно безразлично.

— Я не могу ждать два дня, — сказала она.

Капитан Уйсин ничего не ответил, не стал повторять очевидное — ожидание неизбежно, и он не контролирует ситуацию. Руку с крышки контейнера он тоже не убрал. Мудрое решение, потому что Ингрей не знала, как отключить приспособление.

— Я просто не могу.

— Почему? — серьезно спросил он.

С чего ему проникаться ее личными проблемами? Ингрей закрыла глаза. Только не плакать! Открыла, вздохнула и сказала:

— Сегодня утром я потратила все, что у меня было.

— На мели, значит. — Капитан Уйсин бросил быстрый взгляд на ее сумку, пиджак и сандалии, лежавшие на контейнере.

— Я уже два дня ничего не ела.

Нужно было позавтракать или хотя бы съесть пирожные во время встречи с координатором.

— Подождать-то все равно можно, — заметил капитан Уйсин. — Лишь бы вода была. А что насчет вашего приятеля?

Ингрей нахмурилась.

— Какого приятеля?

— Того, кто путешествует с вами. Может, он вам чем-то подсобит?

— Гм…

Капитан Уйсин ждал, не связывая себя никакими обязательствами. До Ингрей дошло, что оплата груза стоит меньше пассажирского билета. Возможно, ей даже хватит на то, чтобы пару раз поесть до отлета.

— Пока вы думаете об этом, — сказал капитан, — давайте посмотрим опись содержимого контейнера.

Ингрей запаниковала и стала лихорадочно сочинять аргументы, чтобы объяснить, почему ей не нужно ничего показывать. Но затем вспомнила, что координатор наверняка знало,

что ей понадобится, чтобы забрать контейнер с собой. Она вывела все личные сообщения и нашла опись.

— Только что переслала ее вам, — сказала Ингрей.

Капитан Уйсин моргнул и уставился в пустоту.

— Различные биовещества. — Он посмотрел на Ингрей. — В контейнере такого размера и формы? Простите, светлость, но я же не вчера вылупился. Мне придется использовать свое право на личный досмотр содержимого, как это указано в договоре на перевозку. Иначе я не приму контейнер на борт.

Проклятье!

— Здесь находится человек, с которым я путешествую.

— В контейнере?

Похоже, капитана это совсем не удивило.

— В капсуле жизнеобеспечения, которая лежит в контейнере. Не знала, что оно будет в таком виде. Думала, просто встречу его, приведу сюда и… — Она запнулась, не зная, как еще объяснить.

— У вас есть разрешение на вывоз этого человека с Тир Сииласа? И прежде чем вы что-либо скажете: я в курсе, что подобное разрешение не

всегда необходимо по закону. Но это мое требование.

— Разрешение провести кого-то на ваш корабль? — нахмурилась Ингрей, окончательно сбитая с толку. — Но вы же не спрашивали подобного у меня. И не просили такого для… моего приятеля.

Не меняясь в лице, капитан Уйсин сказал:

— Я не собираюсь перевозить кого-то против воли. И в договоре о перевозках это указано.

Конечно же, Ингрей его прочитала, она же не дура, только вот не запомнила. Даже не подумала, что будут сложности.

— Я всегда могу спросить вас, желаете ли вы покинуть Тир Сиилас и полететь на Хвай…

— Да!

— …и вы можете мне ответить, — закончил он серьезным спокойным голосом. — А человек в капсуле не может сказать, хочет ли полететь туда, куда вы его везете. Не сомневаюсь, что у вас есть веская причина провезти его на борт в капсуле жизнеобеспечения. Но я хотел бы убедиться в том, что это его веская причина, а не ваша.

— Но…

Он уже сказал, что дело не в законах Тир Сииласа. И если капитан вернет деньги, она сможет

найти другой корабль, только снова придется иметь дело с кассой дока и платить им за услуги, а средств нет. Если ей и удастся договориться самой, на это потребуется время. Возможно, очень много времени.

Она вздохнула.

— Я не знаю, почему оно в капсуле жизнеобеспечения. — На самом деле у нее были некоторые соображения, только в споре с капитаном Уйсином они не помогли бы. — Я пошла встречать, а его доставили в таком виде.

— Может, оно там по медицинским причинам?

— Если и так, то я не знаю, — честно ответила она.

— Оно не оставило вам никаких сообщений или указаний на этот счет?

— Нет.

— Что ж, светлость. Предлагаю открыть капсулу и спросить его самого. Мы можем вернуть его обратно, если оно захочет.

— Что? Прямо здесь?

Отсек не был отгорожен, и обитатель капсулы мог почувствовать себя неудобно, оказавшись в таком унизительном положении. По крайней мере, так Ингрей думала. Пока она катила контейнер сюда, она решила, что лучше отсрочить

их знакомство и неизбежные объяснения.

— Правила для крупногабаритного багажа существуют не ради развлечения. Поднять контейнер на борт можно исключительно через доступ к грузовому отсеку. И какие бы у вас ни были очевидные причины, я не могу с ними согласиться.

Если бы этим делом занималась Нетано, приемная мать Ингрей, она бы наверняка достала нужное разрешение. Или купила бы билет на другой корабль, где капитан и члены экипажа по какой-то причине оказались бы у нее в долгу или под ее влиянием.

Данак, ее сводный братец, скорее всего, стал бы угрожать капитану Уйсину, или очаровал бы его, или дал взятку, но так или иначе заставил бы сделать то, что ему нужно. Может, она должна блефовать? Или расплакаться — она уже и так готова.

Только вряд ли это сработает, судя по тому, как капитан отреагировал на заявление, что она два дня не ела. Нужно что-то сделать, нужно пробраться на корабль и протащить человека в капсуле. Другого выбора нет, иных путей тоже нет. Иначе придется остаться на станции без средств и голодать до конца жизни.

Только не плакать!

— Послушайте, — сказала она. — Мне нужно вам кое-что объяснить.

Капитан Уйсин уже описал ей худший вариант. Вряд ли что-то изменится, если они откроют капсулу. Ингрей оглянулась на вход в отсек: в коридоре никого не было. Посмотрела на капитана, вздохнула.

— Я заплатила, чтобы вытащить этого человека от «Милосердного устранения».

На лице капитана Уйсина не появилось ни проблеска понимания. Она использовала термин, известный всем жителя Хвай, говорящим на бантийском. Может, он языка не знает? Ингрей попыталась найти эквивалент на йиирском, который употреблялся на Тире, — на нем она и говорила с капитаном Уйсином, — но такого слова просто не было. Здесь, на Тире Сииласе, за любое преступление налагался штраф. Во всех учебниках йиирского и даже в новостях о преступлениях и наказаниях использовался лишь такой термин. Она нашла словарь и принялась его просматривать. Бесполезно.

— Понимаете, когда кто-то нарушает закон, снова и снова совершает преступления или когда делает что-то настолько ужасное, что нельзя

позволить ему повторить… В общем, таких посылают в «Милосердное устранение».

— Вы имеете в виду тюрьму? — спросил Уйсин.

Краем глаза Ингрей нашла в словаре слово и его значение.

— Нет, не в тюрьму! У нас нет тюрем. Это специальное место. Где такие люди находятся вдали от всех. Они могут делать там все, что захотят, ходить, куда захотят, понимаете? Но они должны оставаться там. Когда туда попадаешь, назад уже не вернуться, потому что с юридической точки зрения ты мертв. Просто убивать их физически было бы неправильно.

— Значит, вы отдали все, что у вас было, а судя по вашей одежде и манерам — немало, чтобы вытащить вашего приятеля из очень хорошо охраняемой тюрьмы с названием, которое звучит как эвфемизм уничтожения вредителей.

— Оно не мой приятель! Мы с ним даже не знакомы. Я была с ним на одних и тех же мероприятиях. Пару раз. Но лично мы не встречались.

— Что оно натворило? — спросил капитан Уйсин.

— Это Палад Будраким.

Она многозначительно подмигнула. Неужели она и впрямь это сказала? А что делать? Другого

выбора нет.

После бесконечно долгого молчания капитан Уйсин спросил:

— По-вашему, я должен знать это имя?

— А вы не знаете? — удивилась Ингрей. — Совсем?

— Совсем.

— Палад Будраким — ребенок Этьята Будракима, пролокутора Третьей ассамблеи на Хвай.

Никакой реакции.

— Пролокутор — это…

— Да, — спокойно сказал капитан Уйсин. — Пролокутор руководит заседанием Ассамблеи и является ее представителем перед Высшей ассамблеей. Я бывал на станции Хвай несколько раз и смотрел местные новости. В курсе, кто такое Дикат, пролокутор Первой ассамблеи. Его именем подписаны разные правила, которые мне приходится соблюдать, когда я швартуюсь там. Но я ничего не знаю о Третьей ассамблее.

Теперь стало понятней. Станция Хвай и несколько внешних хвайских станций и межсистемных шлюзов находились под властью Первой ассамблеи. Не удивительно, что капитан Уйсин слышал о ней, хотя и не следил за делами других ассамблей, которые размещались непо-

средственно на Хвай. Ингрей моргнула и набрала воздуха.

— Пролокутор Будраким занимает это место уже не одно десятилетие. Несколько лет назад прошли выборы. Они были очень напряженными. Он едва не проиграл. Именно поэтому… Палад стало… ну… одним из его приемных детей. Этьят Будраким наполовину гарседдианин.

— Он и миллиард других людей, которые считают, что быть гарседдианином очень трагично и романтично, — презрительно сказал капитан. — Из всех бесчинств радчааи это самое отвратительное. Радчааи уничтожили всех до единого и оставили после себя сожженную безжизненную систему, потому что гарседдиане — единственные, кто смог им противостоять. Такие люди, как ваш пролокутор Будраким, любят хвастаться либо доблестными предками, либо заслуживающими сочувствия, в зависимости от того, что им требуется в данный момент. Их счастье, что ни то ни другое доказать невозможно. Дайте угадаю, он наверняка потомок Избирателя, который успел тайно покинуть систему, прежде чем радчааи ее сожгли.

— Но ведь все так и есть! — с жаром сказала Ингрей. — И доказательства у него есть. Часть

внутренней обшивки челнока, на котором улетел его предок, рубаха с пятнами крови. И много чего еще. Украшения и с полдюжины маленьких пятиугольных жетонов с изображением цветов, видимо, от какой-то игры. Вообще-то у него все это было, но доказательства украли. Неужели вы в самом деле ничего не слышали?

— В самом деле, — саркастично отозвался капитан Уйсин.

Можно подумать, что это событие, которое занимало умы всех, кого только знала Ингрей, и долго мелькало в новостях системы Хвай, казалось ему смехотворным.

— Понимаю, наши внутренние дела. Палад выросло в доме Этьята Будракима, и его поставили руководить ларием, где хранилось все, что осталось от гарседдиан.

Многие спорили о том, как такое вообще могло произойти. Выдающиеся граждане проявляли удивительную щедрость, воспитывая приемных детей, взятых из менее благополучных семей или даже из общественных приютов, но как же глупо, что Этьят Будраким так безоговорочно доверился Палад. Все же понимали, что только родные дети, признанные наследники, будут близкими и верными друзьями своих родителей. Ингрей,

сама приемный ребенок из приюта, невольно ежилась, думая об этом.

— Никто не мог этого сделать, кроме Палад.

— И его навсегда заточили в тюрьме, из которой нельзя убежать, под названием «Милосердное устранение»? И теперь его считают мертвым?

Капитан убрал руку с контейнера, но, заметив, что он снова начинает двигаться, несмотря на то что Ингрей старалась удержать его с другого конца, вернул ее на место.

— Оно предало своего приемного отца! Был огромный скандал. Оно не раскаялось в преступлении, хорошо продуманном и совершенном с особым цинизмом. Каким-то образом Палад сделало копии вещей и положило их в ларий вместо настоящих. Пролокутор Будраким показывал их людям, думая, что это оригиналы, и долгое время никто не подозревал, что там подделки. Приемный ребенок Палад при этом спокойно стояло рядом, словно ничего не случилось. — Потом, когда приговор приводили в исполнение, спокойствием и не пахло. — Копии были почти совершенными.

Капитан задумался и спросил:

— А вам-то это зачем?

— Оригиналы так и не нашли, — ответила

Ингрей. — Палад не объяснило, что с ними случилось. Оно настаивало, что вообще ничего не крало и не делало ничего плохого. Но наверняка виновато Палад. А кто еще? Поэтому оно должно знать, где находятся раритеты.

— А! — Капитан Уйсин расслабился и прислонился к воздушному шлюзу, скрестив руки на груди. — Вы надеетесь, что Палад Будраким приведет вас к оригиналам и у вас получится их продать? Или хранить у себя в качестве залога? А может, героически вернуть хозяину?

Ей бы подошла любая из трех перечисленных целей. Но больше всего ей хотелось привезти их Нетано.

— Моя мать — окружной представитель Третьей ассамблеи. Она хочет стать Третьим пролокутором. Уже пробовала на минувших выборах, но в самом конце голоса ушли к Будракиму.

Нетано никогда не относилась к Этьяту Будракиму по-дружески, эту вражду нельзя было объяснить даже разными политическими взглядами. В конце концов, многие представители Ассамблеи вполне мирно уживались друг с другом, несмотря на разногласия по поводу тарифов или ограничений на рыбную ловлю.

— Я одна из трех…

Уже не трех. Ваор ушло из семьи в прошлом году. Оно само так захотело, Нетано его не выгоняла, но как же оно горько плакало, пока собирало свои вещи и стояло у дверей. И с тех пор ни разу не отвечало на ее сообщения.

— Одна из двух приемных детей моей матери. Кто-то из нас со временем займет ее место.

— То есть таким образом вы хотите выделиться в глазах вашей матери? — догадался капитан Уйсин.

— Я не ждала, что Палад привезут в таком виде! — Она больше не могла противиться желанию и сжала шелковые юбки в кулаке. — Я обратилась к посредникам и сделала щедрое предложение тому, кто смог бы вытащить Палад Будраким из «Милосердного устранения».

Честно говоря, она даже не ожидала, что кто-то откликнется на ее предложение. План с самого начала был довольно отчаянный.

— Здесь, на Тире, разрешено почти все, но рабство и торговля людьми входят в число запретов, — заметил капитан Уйсин. — Во всяком случае, с правовой точки зрения. Конечно, именно поэтому они доставили его в упакованном виде. Таким образом они смогут отрицать, что участвовали в деле. Должен сказать вам, свет-

лость, что раз вы не предполагали подобного и не подготовились, то вряд ли сможете последовать по стопам политической карьеры вашей матери.

Ингрей нахмурилась. Только не плакать!

Капитан Уйсин продолжил:

— Я не пытаюсь вас обидеть. У каждого свои таланты. Что случится, если вас не выберут наследницей?

Да ничего особенного. Вероятно, она просто продолжит работать и занимать свое место в семье, как и прежде. Но Нетано всегда говорила, что если браться за дело, то ставки должны быть высоки, или лучше совсем не браться. Большинство семей на Хвай отдавали одного- двух детей приемным родителям, часто сами принимали чужих детей на воспитание или усыновляли. Данак, например, родился в семье сторонников Нетано. Но в каждом округе находились родители, которые не желали или не имели возможности растить детей, и если никто не брал их на воспитание, то о них заботилось государство — такие дети попадали в общественный приют. Ингрей, как и Палад Будраким, как раз из их числа.

— У меня и так не было реального шанса стать наследницей мамы. Никогда.

Но если она уйдет из дома Аскольдов или ее

выгонят, то податься ей будет просто некуда. Она останется совсем одна.

— Маме нравится, когда мы проявляем инициативу. Она любит интриги, но терпеть не может, когда мы ее подводим. Если у меня ничего не получится, то, скорее всего, мне придется уйти из дома. Что еще хуже, я увязну в долгах. Я заняла денег в счет моего будущего содержания, чтобы вытащить его. Так что даже если я не потеряю работу, хотя, боюсь, я уже ее потеряла, то останусь без средств к существованию. На несколько лет.

Да что там, на десятилетия!

— Я знаю, что не слишком благоразумно распорядилась своими ресурсами, — призналась она.

Заставила себя разжать ладонь и уже подняла ее, чтобы снова положить на контейнер, но вместо этого порывисто сомкнула руки. А что, вполне подходящий жест, чтобы от беспокойства не хвататься за окружающие предметы.

— Раз уж я взяла денег взаймы, то должна была вложить их в безопасное дело. В этом случае, даже если бы Нетано выгнала меня, мне осталось бы на что жить. Просто я…

Она не могла смириться, представляя, как потеряет все шансы привлечь внимание Нетано Аскольд, а Данак станет открыто насмехаться

над ней.

Капитан Уйсин поглядел на нее поверх контейнера.

— Я уже на грани того, чтобы вернуть вам деньги за билеты, — наконец сказал он. — И попросить вас покинуть отсек. Но я еще не решил. Скажу лишь одно — на борт корабля этот человек (Палад Будраким, кажется, так вы его назвали) в капсуле жизнеобеспечения не поднимется. И раз вы все равно собирались познакомиться с ним после пробуждения, то полагаю, вы не станете возражать против того, чтобы разморозить его прямо сейчас?

— А тогда вы возьмете нас на борт?

— Вас я на борт возьму. А Палад Будраким сможет поступить так, как сочтет нужным. — Капитан задумался на миг. — Если оно не захочет подняться на борт, я возмещу вам расходы на второй билет.

Могло быть и хуже. Так, по крайней мере, есть хоть какой-то шанс. Капитан Уйсин положил на контейнер вторую руку.

— Отойдите немного, светлость, вы же не хотите, чтобы он придавил вам ноги.

Ингрей шагнула назад, и контейнер со стуком опустился на пол.

— Вы не знаете, раньше его замораживали?

Ингрей забрала свой пиджак, сумку и сандалии с крышки контейнера.

— Не знаю, а почему вы спрашиваете?

Капитан Уйсин коснулся замков и осторожно сдвинул крышку в сторону.

— Если оно не знает, чего ждать, то может запаниковать. Возможно, понадобится посторонняя помощь.

Ингрей бросила сандалии с сумкой на пол, надела пиджак и помогла придержать крышку, когда капитан Уйсин снял ее и прислонил к контейнеру. Пару секунд капитан разглядывал гладкую черную поверхность капсулы, затем присмотрелся к контрольной панели.

— Все вроде нормально, — сказал он.

Тут из шлюза выскочил огромный черный паук, не меньше метра ростом. В волосатой лапе он держал свернутое одеяло. Со странной, пугающей грацией он приблизился к капитану Уйсину и остановился, один из множества круглых глаз на коротких стебельках повернулся к Ингрей. Нет, это был не паук, а… что-то другое.

— Э-э-э… — опешила Ингрей. — Это… это паук?

Отчего-то по шее и спине поползли мурашки. Она не боялась пауков. Но это… существо пугало

ее. Она вдруг поняла, что лапы у него странно вывернуты в суставах и глаза растут прямо из круглого тела. У существа не было ни головы, ни брюшка. И чувствовалось в нем еще что-то неправильное, только Ингрей не могла понять, что именно.

— Конечно, нет, — ответил капитан Уйсин, хмуро разглядывая капсулу. — Таких огромных пауков с двухметровыми лапами не бывает. По крайней мере, не модифицированных. Но это не паук. — Он посмотрел на нее. — Хотя похож, тут вы правы. Боитесь пауков, светлость?

Тело непаука затряслось, как желе, вытянулось и стало не круглым, а овальным, еще четыре дополнительные лапы выросли из боков и уперлись в пол отсека.

— Так лучше?

Почему-то от зрелища того, как эта тварь меняет форму, ей стало не по себе еще больше, но Ингрей не шевельнулась, хоть ее так и подмывало сбежать.

— Вообще-то нет. И пауков я совсем не боюсь. Просто оно выглядит таким… таким натуральным.

И еще каким-то неправильным и жутковатым.

— Ну да, — бесстрастно ответил капитан Уйсин,

склонившись над капсулой.

Паукообразная тварь, стоявшая рядом, его нисколько не беспокоила.

— В нем много натурального. Некоторых это тревожит, и похоже, что вы из их числа, но он всего лишь биомех. Вы к нему привыкнете через пару дней, а если нет, то я постараюсь держать его подальше.

Он пробежался пальцами по контрольной панели, что-то щелкнуло, и гладкая поверхность капсулы открылась и разъехалась в стороны. Ингрей увидела обнаженного неподвижного человека, погруженного в синюю жидкость, неровно остриженные, спутанные волосы закрывали половину лица с заострившимися чертами. Человек был тощим, намного более худым, чем Палад Будраким на тех фотографиях, которые она помнила. На боку справа виднелся длинный зарубцевавшийся шрам.

Гладкая стекловидная поверхность защитной жидкости задрожала и пошла волнами, человек открыл глаза и судорожно сел, задыхаясь и кашляя, синяя жидкость потекла у него из носа и рта. Его рука непроизвольно дернулась и пребольно ударила Ингрей. Капитан Уйсин схватил обитателя капсулы за другую руку.

— Все в порядке, — сказал он спокойным, серьезным голосом.

Человек продолжал кашлять, жидкость из носа и рта отделялась от тела и стекала в нижнюю часть капсулы.

— Все в порядке. Все хорошо. Вы в порядке.

Выкашляв остатки жидкости, человек застонал дрожащим голосом.

— Первый раз? — спросил капитан и потянулся за одеялом, которое принес паукообразный биомех.

Обнаженный человек в капсуле прикрыл глаза. Несколько раз судорожно вздохнул и наконец задышал нормально.

— Все в порядке? — спросила Ингрей. Уже на бантийском, самом распространенном языке в системе Хвай, хотя она была уверена, что Палад Будраким понимает и йиирский, на котором говорил Уйсин.

Капитан расправил одеяло и укутал плечи обнаженного.

— Где я? — грубым то ли от страха, то ли от холода голосом спросило оно на бантийском.

— Мы находимся на станции Тир Сиилас, в системе Тир, — ответила Ингрей, а затем обратилась к капитану: — Оно спросило, где находится,

и я сказала, что мы на Тир Сииласе.

— Как я сюда попало? — спросило на бантийском Палад. К этому времени вся синяя жидкость стекла в нижний резервуар капсулы.

— Я заплатила, чтобы вас привезли сюда, — сказала она. — Меня зовут Ингрей Аскольд.

Человек открыл глаза:

— Как?

Ингрей никогда лично не встречалась с Палад Будраким. Между ними было десять лет разницы, и оно вряд ли обращало внимание на юную приемную дочь Аскольдов, а уж тем более не знало ее детского имени. Взрослым именем ее назвали лишь за несколько месяцев до того, как Будраким отправили в «Милосердное устранение».

— Я — дочь Нетано Аскольд, — сказала Ингрей.

— Зачем дочери представителя Аскольд, — голос начал обретать силу, — понадобилось вытаскивать меня?

Ингрей старалась придумать простое объяснение и наконец решила сказать:

— Потому что вы — Палад Будраким.

Человек покачал головой и нахмурился.

— Кто?

Ингрей хотела ответить, но в этот момент из шлюза появился еще один паук-мех. Он принес

большую чашку с чем-то горячим и передал ее капитану Уйсину, а потом вернулся на корабль.

— Это вам, светлость, — сказал капитан на йиирском и протянул чашку сидящему в капсуле. — Сможете удержать?

— Это вам, — повторил первый биомех тоненьким голоском по-бантийски. — Сможете удержать?

— Вы что, не Палад Будраким? — спросила Ингрей, чувствуя, как все тело немеет и в животе что-то неприятно сжимается. На ее долю сегодня выпало и так слишком много отчаяния и страха, большего она не вынесет. Координатор же сказало, что это Палад. Нет, оно сказало, что проверило оплату и содержимое и обнаружило, что они соответствуют заявке. Но ведь это одно и то же!

— Нет, — ответило сидящее в капсуле. — Я понятия не имею, кто он такой. — Оно заметило чашку, которую протягивал капитан, и взяло ее. — Спасибо.

Капитан поправил ему сползшее со спины одеяло.

— Выпейте немного, — сказал он. — Это шербет, вам полегчает.

— Выпейте его, — перевел биомех на бантийский. — Это шербет, хороший и полезный.

А что, если произошла ошибка? Человек вроде и походил на Палад Будраким. А с другой стороны, и не очень. Слишком тощее. Но Ингрей лично видела Палад лишь раз или два, да и то несколько лет тому назад.

— Значит, вы — не Палад Будраким?

— Нет. Я же уже говорило. — Оно отпило шербет и вздохнуло: — Хорошо!

Все потеряло смысл. Даже если это и было Палад и оно просто лгало ей, то какая уже разница. Она бы не смогла уговорить его полететь с ней на Хвай, и не только потому, что капитан Уйсин отказался бы взять его против воли. Весь ее план зависел от того, согласится ли Палад.

— Но вы очень похожи на Палад Будраким, — настойчиво сказала она, все еще надеясь на чудо.

— Неужели? Видимо, кто-то ошибся. — Оно сделало глоток и заглянуло ей прямо в глаза. — Значит, всем сказали, что Палад Будраким отправили в «Милосердное устранение», просто для отвода глаз? А на самом деле его оттуда вытащили?

Выражение его лица не изменилось, но в голосе слышалась горечь.

Ингрей набрала воздуха, чтобы возразить. Нет,

конечно, все не так. Но не смогла, пораженная его словами, ведь она же сама вытащила его из «Милосердного устранения».

— Нет, — выдавила она наконец. — Нет. Я… Вы в самом деле не Палад Будраким?

— В самом деле.

— Тогда кто вы? — спросил биомех, хотя капитан Уйсин не вымолвил ни слова.

Человек, сидевший в капсуле, отпил еще немного шербета и спросил:

— Вы сказали, что мы на Тир Сииласе?

— Да, — ответил биомех.

Ингрей не могла произнести ни слова.

— Думаю, что не мне стоит рассказывать вам, кто я такое, — сказал человек и огляделся. Посмотрел на капсулу, контейнер, капитана Уйсина и биомеха, стоявшего рядом, окинул взглядом отсек. — И, наверное, мне лучше отправиться в офис Службы для вновь прибывших.

— Зачем? — спросила Ингрей, чуть не плача. Голос дрогнул, выдав ее замешательство и отчаяние.

— Если у вас нет финансовых ресурсов, о которых нам ничего не известно, — просвистел паук-биомех, — то в лучшем случае вы сможете подать прошение на работу.

И нет гарантий, что вы ее получите. Даже если вам и удастся найти работу, не имея знакомств, то, скорее всего, она вам не понравится.

— Уверен, тут в любом случае лучше, чем в «Милосердном устранении». — Человек допил шербет.

Капитан забрал у него чашку и обратился к Ингрей на йиирском:

— Посмотрите на это с другой стороны. Я возмещу вам расходы на билет, и в следующие два дня вам не придется голодать.

Глава 2

Ингрей сидела, прислонившись к закрытому контейнеру, и плакала. Когда не-Палад ушло из отсека, босиком, укутанное в одно капитанское одеяло, и даже не посмотрело на нее на прощание, она не смогла сдержать слез.

— Вы обращались к посреднику с хорошей репутацией? — спросил капитан Уйсин.

— Да. — Она шмыгнула и утерла глаза. — Если бы они не смогли подтвердить его личность, то сделка бы не состоялась. Так было указано в договоре.

Возможно, освобождено все-таки было Палад, но чем больше она об этом думала, тем быстрее испарялась ее уверенность в том, что посредник вытащил нужного человека. «Значит, всем сказали, что Палад Будраким отправили в „Милосердное устранение“, просто для отвода глаз?» — спросило оно с горечью в голосе. Вполне искренне.

— А вы предоставили образец ДНК для сравнения? Если он был взят у другого человека или загрязнен настолько, что его невозможно… Хотя

они бы наверняка сообщили вам, что образец не подошел.

— Я не смогла его достать.

— А! Так вот в чем проблема. Сделки не выходят за рамки человеческих возможностей, даже при хороших посредниках, — сказал капитан Уйсин. — Значит, они полагались на его внешность либо на свидетелей, которые могли бы подтвердить, что это Палад Будраким. Да вы и сами сказали, что оно похоже.

Она снова утерла глаза, не глядя на капитана Уйсина. Спрятать от него слезы она не могла, но все равно…

— Да, похоже.

Возможно, это Палад, но Ингрей уже ничего не могла поделать. Сначала на плечо, а потом и на пол упала шпилька для волос с зеленой стеклянной головкой. Проклятье! Ей никогда не удавалось как следует заколоть волосы. Даже если человек, только что вышедший из отсека, не Палад, даже если она смогла бы доказать, что посредники знали об этом, то и тогда она не стала бы предъявлять им обвинение. У нее не было денег, чтобы задержаться здесь и заявить на них в Бюро нарушений и уж тем более чтобы нанять адвоката. Даже если не учитывать, что вся затея

с самого начала была нелегальной. Да и какая теперь разница? Так или иначе, она все равно осталась ни с чем.

— С кем вы заключили сделку? — спросил капитан. — С «Золотой орхидеей»?

Она кивнула.

— На них можно положиться. Они не станут обманывать. По крайней мере, не нарочно. В любом случае они были уверены, что доставили вам именно Палад Будраким. — Он помолчал и добавил: — Но, если задуматься, возможно, они защищали чужую сделку. Возможно, Палад Будраким больше не содержится в тюрьме. Если бы они сказали вам, что не могут выполнить договор, то вы бы стали расспрашивать почему, а им бы не хотелось выдавать чужую тайну.

Ингрей повернулась и посмотрела на невысокого капитана Уйсина, невозмутимо стоявшего рядом с контейнером. Около него застыл паук-биомех.

— То есть вы хотите сказать, что Па…

Нет! Лучше уж считать, что это не Палад.

— То есть, по-вашему, возможно, что Палад никогда не отправляли в «Милосердное устранение»? Или сразу вытащили? Потому что оно Будраким? Вы правда так думаете?

— Вообще-то нет, — тихо и серьезно ответил капитан Уйсин. — Это было бы слишком сложно. Такие посредники, как «Золотая орхидея», часто отказываются от комиссионных по самым разнообразным причинам. Они вполне могли бы заявить, что не торгуют людьми, и все. В конце концов, после того как вы открыли капсулу и обнаружили, что это не Палад Будраким, вы бы все равно задались теми же вопросами, ведь так?

Ингрей ничего не ответила, повесив голову. Подумала, что, наверное, стоит наклониться и поднять заколку. Только учитывая, насколько ей в последнее время не везет, скорее всего, прежде, чем она поднимет одну шпильку, у нее выпадут еще три.

Капитан Уйсин продолжил:

— Если вы потеряете работу, разве вы не сможете обратиться в общественную регистратуру системы Хвай и попытаться найти новую? Это же не сложно. Думаю, у вас прекрасное образование и знакомства найдутся. А еще всякие навыки, хотя бы для офисной работы. Уверен, что, если вы разошлете пару сообщений, вам сразу же посыплются предложения.

— Может быть.

Без поддержки семьи, без знакомых, которые

замолвят за нее словечко, перспективы у нее довольно мрачные. А если Нетано в ней окончательно разочаруется и выгонит ее, то никто не возьмет ее на работу, просто чтобы не ссориться с кланом Аскольд.

Капитан развил свою мысль:

— Знаю, что для многих это щекотливый вопрос, светлость, но если ваша мать откажет вам в приюте лишь потому, что вы ее не впечатлили, то, возможно, в одиночку вам будет даже лучше.

— Вы не понимаете.

— Даже не сомневаюсь, — ровным голосом ответил капитан. — Но пока суть да дело, я послал за ужином. Я угощаю, у вас был тяжелый день. Если хотите, можете сегодня переночевать на борту. Почему бы вам не отнести свои вещи в каюту, контейнер я отправлю в грузовой отсек.

— Он мне не нужен.

Она наклонилась, чтобы поднять с пола сандалии, сумку и выпавшую шпильку. Еще одна упала прямо у ее ног.

— А что, хороший контейнер, в приличном состоянии, — сказал капитан Уйсин. — И капсула жизнеобеспечения как новая. Сможете продать их, когда вернетесь домой. В вашем положении любая мелочь сгодится.

Ингрей выпрямилась и поспешно вошла в шлюз, оставив его слова без ответа. Надеялась, что капитан не заметит брызнувших слез.

Пассажирских кают было две, в каждой по два спальных места, расположенных одно над другим. «Каюта» — слишком громкое название для ниши в стене узкого главного коридора. Ужасно тесного, обшарпанного и выкрашенного в унылый серый цвет. С другой стороны, внутри корабля не было привычного затхлого запаха, который иногда появлялся даже на больших пассажирских лайнерах. Капитан Уйсин не слишком заботился об интерьере, зато наверняка вложился в хорошую систему циркуляции. Да и спальная полка оказалась чистой и удобной, а вторая располагалась достаточно высоко, чтобы можно было спокойно сидеть. Ингрей сунула сумку под нижнюю полку, расправила юбки и села. Подумала, что стоит, наверное, надеть сандалии, ио ей не хотелось. Она задвинула и их под полку и принялась вытаскивать шпильки из волос.

Она сделала все, что могла. И она не виновата, а скорее всего, никто не виноват, что ничего не вышло. Наверное, капитан Уйсин прав, и ей будет лучше без Нетано и остальных Аскольдов. Нетано проявляла доброту и щедрость ко всем прием-

ным детям, своих у нее не было. Но с того самого дня, когда Ингрей приняли в семью, она знала, что ее будущее и благосостояние зависят от того, не разочаруется ли в ней приемная мать. Всех их, включая Данака, любимца Нетано, обязали поддерживать политические амбиции матери. По меньшей мере выглядеть счастливыми, послушными и ухоженными в глазах новостных агентств и в конечном итоге в глазах избирателей. Как минимум. Нетано хотела, чтобы все ее дети стали выдающимися людьми. Она их специально отбирала. Не будешь соответствовать ожиданиям Нетано — вылетишь. Такого никогда не говорили вслух ни мать, ни другие члены семьи, но даже Данак знал это. И, наверное, именно поэтому Данак стал таким, какой он есть.

Ингрей всегда казалось, что она не вписывается в семью и ее приемная мать в любой момент может понять, что у нее нет той отваги и особых качеств, которые Нетано Аскольд так высоко ценила. Конечно, Ингрей была по-своему способной. Помнила всех известных людей в округах Третьей ассамблеи, знала, кто из них обладает влиянием, кто может пожертвовать в фонд выборов и на какие цели, знала главные запросы ближайших сторонников матери, понимала, что

следует сказать, а о чем нужно промолчать в зависимости от аудитории. Ингрей была доверенным лицом Нетано и от ее имени принимала жителей округа Арсамол, выслушивая их жалобы и просьбы. Недя Лак, начальник штаба Нетано, доверял ей организовывать мероприятия и встречи с жителями округа, и она ни разу не допускала серьезных ошибок, даже в первый, самый тяжелый год, когда ее только взяли на работу. Но способная не значит выдающаяся. Выдающийся человек применил бы все эти знания и контакты и нашел способ использовать их для общей выгоды. Придумал бы план, закрутил интригу, чтобы помочь Нетано стать еще более влиятельной, привести новых сторонников и в целом способствовать ее политическому продвижению. Но у Ингрей не получалось, как она ни старалась.

Данака не обманешь. Он с самого детства знал об этом и постоянно ей напоминал. Удивительно, что Нетано до сих пор не раскрыла обмана Ингрей.

Ингрей разложила шпильки с зелеными головками на койке и пересчитала. Одной не хватает, возможно, выпала, пока она добиралась от «Золотой орхидеи» до доков. Если бы только… Если бы только она и в самом деле была той, кем все

это время пыталась выглядеть. Если бы только освобождение Палад Будраким из «Милосердного устранения» не обошлось бы так чудовищно дорого.

Она все больше и больше склонялась к мнению, что человек, вышедший из капсулы, не Палад. Ее убедила обида в голосе и уверенность, с которой оно сказало, что даже не знает, кто такой Палад Будраким.

Что ж, ничего не поделать. Лучше подумать о будущем. У нее есть и навыки, и связи. Она сможет заработать на жизнь и расплатиться с долгами, даже если на это понадобятся десятилетия. Нужно лишь протянуть следующие несколько недель, а потом признаться Нетано, что потерпела неудачу, и выдержать презрение Данака. Ах, если бы только был способ избежать всего этого! Или еще лучше заблаговременно нанести удар по Данаку, унизить его так же, как он все время пытался унизить ее. Постой-ка! А что, если все именно так и получится?

Она собрала волосы и закрепила их шпильками. Поднялась с койки и по коридору пошла в сторону маленького корабельного камбуза. За складным столом сидел капитан Уйсин и смотрел на дверь, словно ждал Ингрей.

— Капитан, — сказала она из коридора. — А вы не могли бы подождать с возмещением стоимости билета… моего приятеля. Пока я с ним не переговорю еще раз.

— Что-то придумали?

За пару часов, с тех пор как они познакомились, она не заметила на темном квадратном лице капитана ни одной эмоции, кроме спокойной серьезности. И сейчас ничего не изменилось, лишь в голосе ощущалось напряжение.

— Я подожду, если хотите. Но, может, сначала поедим? Ужин скоро принесут. Только должен вас предупредить, я сейчас не в самом радужном настроении.

— Мне… жаль, капитан.

Ингрей не знала, что еще добавить. Наверное, не стоит спрашивать, что случилось.

— У вас есть какое-нибудь мнение по поводу недавних событий? — спросил он после долгого неловкого молчания.

— Вы имеете в виду Гек?

Чуть раньше она просмотрела новости и комментарии к ним и знала, что благодаря прибытию делегации Гек снова всплыли старые теории заговора о них и об участии радчааи в подписании соглашения. Ингрей вспомнила, как раз или два

до нее дошли слухи, что, возможно, Гек даже не существует. Говорили, что они никогда не покидают пределов своего мира и о них стало известно лишь по изображениям, которые предоставили люди. Рассказывали, что Гек придумали радчааи для того, чтобы получить дополнительное влияние при заключении соглашения. И это были еще не самые странные сплетни о Гек, которые ей доводилось слышать. Даже в недавних новостях намекали. Только Ингрей не представляла, почему капитану Уйсину есть до этого дело.

— Нет, у меня нет особого мнения о Гек.

Ни о Гек, ни о межрасовом соглашении. Ей и своих проблем хватает.

— Если вдруг появится, — сказал капитан Уйсин, — пожалуйста, держите его при себе.

Она даже не знала, как на такое ответить и стоит ли вообще реагировать. Краем глаза Ингрей заметила какое-то движение, это паук-биомех принес две коричневые коробки с ужином, подняв их над туловищем. Суставчатые ноги, осторожно ступая, крались по коридору, паук-мех направлялся прямиком в камбуз. Ингрей кое-как сдержала дрожь. Конечно, она и раньше видела мехов, да и как их не увидеть, если они повсюду. Но немногие походили на насекомых. До этого ей

ни разу не доводилось оказываться в предельной близости к настолько… омерзительной паукообразной модели. Мурашки побежали по спине, даже захотелось смахнуть их.

Она посторонилась, пропуская паука-меха, и ей удалось сохранять спокойствие, пока он протиснулся в дверь камбуза, разложил коробки на столе и вышел в коридор.

— Это всего лишь механизмы, светлость, — сказал капитан Уйсин, когда она снова встала в дверях камбуза.

— Вы… они не живые?

Казались совсем живыми.

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под этим словом. В них очень много биокомпонентов, больше, чем в тех, к которым вы привыкли. Но это всего лишь мехи. Думать они не могут. Совсем. Лишь автоматически исполняют некоторые функции, как и другие мехи, разумного ИИ здесь нет, гарантирую.

Ингрей вдруг поняла, что именно беспокоило ее больше всего в пауках-мехах. Их плавные, грациозные движения напомнили ей о злодеях с искусственным интеллектом из популярной развлекательной программы.

— А кто ими управляет?

Ингрей не заметила на борту других людей и даже признаков их присутствия. Базовое управление мехами не очень сложное, но для отдельных функций, которые мехи исполняли на борту корабля, требовались предельная сосредоточенность и особые навыки. На большинстве кораблей, на которых Ингрей довелось путешествовать, в команду всегда входили один или двое механиков-пилотов, отвечавших за работу мехов. Двигались пауки быстро, так плавно и точно перемещая волосатые ноги, что совсем не походили на мехов. Тот, кто управляли ими, хорошо знал свое дело.

— Я, — отозвался капитан и открыл коробку с ужином. — Не беспокойтесь, у меня огромный опыт.

Из коробки повалил пар, запахло лапшой с приправами.

— Поешьте. Ваш приятель все равно сидит в приемной. И просидит еще несколько часов. Ожидания в этой конторе можно избежать, только если ты очень богат или имеешь хорошие связи. Так что у вас достаточно времени, чтобы поужинать.

Она все еще стояла в коридоре. Но еда пахла просто замечательно, а Ингрей давно не ела.

— Почему вы так добры ко мне?

А ведь вначале, когда она сказала, что у нее нет денег и она не ела два дня, капитана это не тронуло. Ему вообще не было до нее никакого дела.

— Я владелец и капитан небольшого грузового судна, — абсолютно спокойно сказал он, словно в вопросе не было ничего необычного. — И занимаюсь перевозками уже около пяти лет. Видите ли, многие считают, что владельца маленького независимого корабля можно купить, ограбить или вовлечь в контрабанду или незаконную торговлю. Только со мной такое не проходит, хотя мне встречались всякие пассажиры. Я не считаю вас плохой, но вы могли бы повести себя по-другому, когда я отказался открыть грузовой отсек для капсулы жизнеобеспечения. Или когда человек, находившийся в ней, отказался полететь с вами. — Он взял коробку с ужином в руки. — Только не думайте, что теперь всегда так будет.

— Конечно, нет, капитан.

Он был прав. Ни к чему торопиться и искать прежнего обитателя капсулы. Оно, наверное, только добралось до офиса Службы для вновь прибывших, и ему предстоит долгое ожидание.

Ингрей вошла и села за стол.

— Спасибо за ужин.

Человека, который не был (как она уже решила) Палад Будраким, она нашла на жесткой скамье в самом углу приемной Службы для вновь прибывших. Он сидел напротив объявлений, написанных черным по белой стене для тех, кто еще не успел подключиться к системе коммуникации, чтобы потом они не смогли заявить, что не знали правил и инструкций. Одеяло капитана Уйсина, стандартная штамповка скучного коричнево-оранжевого цвета, даже без полосок и узоров на концах, было обернуто вокруг талии не-Палад на манер саронга или лунги. Руки сложены на груди, глаза закрыты. Криво обрезанные волосы свисали на лицо. «Спит, что ли», — подумала Ингрей. Больше в приемной никого не было. Наверное, остальные вновь прибывшие на Тир Сиилас знали, куда податься после того, как они заняли место в очереди. У этого человека не было ничего: ни денег, ни друзей, ни места для ночевки. Как сказал капитан Уйсин, ожидание может занять много дней.

Ингрей подошла очень тихо, но оно открыло глаза. Не улыбаясь и не шевелясь, взглянуло на нее.

— Дочь Нетано Аскольд, — сказало оно. — Что тебе надо?

— Я… — Ингрей шагнула, чтобы сесть рядом, но что-то во взгляде или в голосе человека остановило ее. — Я бы хотела поговорить. Можно присесть?

— Вряд ли тебе нужно мое разрешение. — Его тон был… необычным. Не злым, не возмущенным и даже не саркастичным, а как будто все вместе. И уж точно не приглашающим.

Ингрей так и не села.

— Ты ужасно похоже на Палад Будраким.

— Вероятно, — сказало оно без улыбки. — Что еще я могу для тебя сделать?

— Стать Палад Будраким, — сказала Ингрей. На лице собеседника промелькнула какая-то мысль, но оно промолчало. — Ты очень сильно на него похоже.

— А ты, видно, на многое пошла, чтобы вытащить его из «Милосердного устранения».

— Да, — призналась Ингрей. — Я хотела, чтобы оно сделало кое-что для меня. — Хотя с самого начала не было никаких гарантий, что оно согласится. — Только Палад могло бы это сделать, вы не можете. Но вы можете сделать кое-что другое. — Она вздохнула, снова чувствуя, что стоит на краю скалы и если отпрянет назад, то еще успеет спастись. — Палад украло все самые известные

раритеты, принадлежавшие семье Будраким. Наверное, Этьят Будраким вышел из себя, когда окончательно понял, что они пропали и кто за этим стоит. Но Палад так и не призналось в краже и не сказало, куда дело украденные вещи.

— И ты надеялась, что Палад расскажет, где они находятся, — догадалось оно. — Ты надеялась продать их Этьяту Будракиму. Или держать их у себя, потому что Будраким с твоей матерью всегда враждовали. Но теперь ты не можешь сделать ни того, ни другого. Наверное, ты рассчитываешь, что я выдам себя за Палад и помогу тебе кого-то шантажировать, чтобы получить деньги.

Ингрей открыла уже рот, чтобы поведать историю о своем брате Данаке, но еда и отдых сделали свое дело, у нее было время подумать, так что теперь исповедоваться она не торопилась. Она даже жалела, что слишком много доверила капитану Уйсину, но решила, что вряд ли смогла бы избежать этого. Вот Нетано, без сомнения, нашла бы достойный и изящный способ рассказать капитану лишь то, что ему нужно было знать, не раскрывая всего остального и уж тем более не размазывая слезы по лицу.

Она села в полуметре от не-Палад на жесткую скамью. Ужасно неудобную — должно быть,

чиновники Тир Сииласа не хотели, чтобы люди сидели тут и ждали. Ингрей не довелось побывать в офисе Службы для вновь прибывших, она автоматически получила разрешение на въезд еще до того, как сошла с корабля.

— У меня есть… — Она замолчала, потому что послышался чей-то голос. Ингрей оглянулась и увидела человека, вошедшего в приемную. Судя по его унылой бежево-коричневой куртке с брюками и высокому росту, он был омкемцем. Он приблизился к противоположной от двери стене и коснулся ее.

— Это просто смешно, — сказал он еще до того, как раздался сигнал и на стене появилось лицо чиновника. — Меня всегда впускали без всяких проволочек. Я уже много лет веду здесь бизнес. Несколько десятилетий. Почему моему кораблю отказали в швартовке? Мне пришлось найти челнок, чтобы прилететь сюда, а теперь власти дока не позволяют мне пройти на станцию. Это просто возмутительно!

— Прошу прощения, светлость, — сказал чиновник. Со своего места Ингрей не могла незаметно разглядеть его, для этого бы пришлось повернуть голову, что выглядело бы большой бестактностью. Она понятия не имела, какое у чиновника

выражение лица, но голос его звучал спокойно и бесстрастно. — Одну минуту! Ага, нам сообщили, что возникли определенные сложности с декларацией вашего груза. Как только инспектор сможет подтвердить…

— Инспектор! — взорвался омкемец. — Мой корабль никогда раньше не досматривали. Таможня на Хвай пропустила его, наверное, это что-нибудь да значит.

— Прошу прощения, светлость. Мы находимся на Тир Сииласе, и ваш корабль должен соответствовать тирским законам, а не хвайским. Сожалею, что причинили вам неудобство.

— Позовите вашего начальника!

— Конечно, светлость, — так же спокойно ответил чиновник. — Мой начальник встретится с вами через шесть часов. Будьте добры вернуться в офис к назначенному времени или подождите в приемной.

Ингрей внимательно наблюдала за омкемцем и краем глаза заметила, как погасло изображение на стене. В какой-то миг она испугалась, что он усядется на скамью и будет ждать, пытаясь вовлечь их в разговор, но омкемец развернулся и вышел из приемной.

— Хвай, — сказало не-Палад. — Почему он по-

летел через Хвай? От Омкема до Хвай два шлюза и еще один до Тира. Летать через Бейт гораздо удобнее. Поэтому омкемцы так за него держатся. Им не нравятся лишние шлюзы, да еще на Хвай приходится платить и подвергаться досмотру. Так гораздо дороже, да еще им все время напоминают, что не они везде главные.

Ингрей поразилась.

— Но шлюз Омкем — Бейт уже десять лет как не работает.

Не-Палад удивилось, и Ингрей окончательно уверилась — это точно не Палад. Иначе оно бы знало.

— Как это произошло? — спросило оно.

— Бейтские повстанцы, — ответила Ингрей. — Они свергли марионеточное омкемское правительство, которое контролировало шлюз, и разрушили шлюз в Омкем. Теперь, если омкемцы хотят попасть в Тир, им приходится лететь через Хвай.

И в Бейт попасть можно тем же путем, если уж на то пошло. Только бейтцы не позволяют омкемцам пользоваться шлюзом Хвай — Бейт.

— Они испортили шлюз? — Оно все еще не пришло в себя. — Это уж слишком.

— Да, — согласилась Ингрей и наконец-то

вспомнила, зачем пришла сюда. Она оглянулась, чтобы убедиться, что в комнате нет посторонних. — Послушай, у меня есть фальшивые документы, которые предназначались Палад Будраким. Я отдам их тебе, и мы вернемся назад на Хвай. Кем бы ты ни было в прошлом, с официальной точки зрения ты считаешься мертвым, а это значит, что все записи о тебе деактивированы и возвращение не вызовет никаких проблем. Я отдам тебе половину того, что получу, если план сработает, — выпалила она, хотя у нее и плана-то никакого не было. — Сможешь делать все, что захочешь, уехать, куда захочешь.

— И что со мной будет? Палад из клана Будраким, ведь так? А попало в «Милосердное устранение». И за что, за кражу? За одну кражу туда не посылают, особенно если ты богатый человек со связями. Но если оно совершило что-то серьезнее кражи, то у тебя бы вообще ничего не получилось. То есть либо пролокутор Будраким, самый влиятельный человек на Хвай, очень сильно ненавидит Палад, либо ему все равно, живо оно или умерло. Как ты думаешь, что случится, когда он узнает, что Палад вернулось? Или это его ты собралась шантажировать?

— Вообще-то нет, но полагаю, если дело выго-

рит, можно и попробовать.

Оно промолчало.

— Если мы все разыграем как надо, то не придется. Корабль, на который я купила билеты, не слишком быстроходный, так что у нас будет несколько недель, чтобы разработать детали.

— Несколько недель наедине с мертвым, с юридической точки зрения, беглым осужденным. Ты даже не знаешь, что я сделало.

Ингрей уже успела об этом подумать. Как о таком не думать?

— Если ты причинишь вред капитану Уйсину, пока мы будем в шлюзе, то я очень сомневаюсь, что ты само сможешь пилотировать корабль.

Конечно, ему, скорее всего, ничего не понадобится делать, пока корабль в полете, но, когда они прибудут в систему Хвай, кому-то придется снижать скорость, лавировать среди других кораблей и швартоваться в доке.

— Твое удостоверение личности не соответствует документам на владение кораблем. Одно дело — спокойно прибыть в порт и пойти своей дорогой, не вызывая подозрений, и совсем другое — прилететь па корабле, которым ты не владеешь и не умеешь управлять, учитывая, что капитан и второй пассажир мертвы или пропали. Тревога

точно поднимется. Думаю, ты вернешься обратно в «Милосердное устранение».

Оно не дрогнуло, даже не моргнуло. Повисло долгое молчание.

— Условия работы тут, на Тире, просто ужасные.

— Уж всяко лучше, чем в «Милосердном устранении».

— Корабль уходит через полтора дня. Вообще-то почти через два.

— У меня есть идея получше. Почему бы тебе просто не отдать мне документы, тебе они все равно не пригодятся, а мне послужат. А потом ты выйдешь отсюда и оставишь меня в покое.

— И чем это лучше?

Оно даже не удосужилось ответить. Для него-то, понятно, лучше.

Документы стоили денег. Кроме того, они были единственным козырем, который мог убедить его согласиться с ней. Ингрей не могла отдать их просто так.

Но зачем они ей теперь? Какой смысл за них держаться? Пузырек для ДНК в них пустой, это правда, потому что ей, как она и сказала капитану Уйсину, не удалось достать образец Палад. Вместо этого она купила набор, с помощью кото-

рого, как ей обещали, можно взять образец ДНК у кого угодно и поместить его в пузырек. Она даже думала, не использовать ли документы самой, но она не подходила под описание Палад и вряд смогла бы сойти за неино. Разве только ненадолго. Она вздохнула.

— Ты право, мне они не пригодятся. Можешь забрать их. Идем со мной на корабль, и я их тебе отдам.

Молчание.

— Не беспокойся, я не смогу принудить тебя лететь со мной. Капитан Уйсин отказывается брать пассажиров против их воли. Именно поэтому мы разморозили тебя прямо в отсеке, он не позволял мне взять тебя на борт, не спросив прежде твоего согласия. Ты сможешь просто уйти.

Оно не ответило. Молчание затянулось.

— Ну, как знаешь, — наконец сказала она как можно спокойнее. Встала и ушла.

Рано утром паук-мех тихонько постучал своим жутким когтем по стене крошечной каюты Ингрей.

— Светлость, — сказал тоненький голос. — К вам посетитель.

Она была уверена, что к ней мог прийти только один человек.

— Спасибо, — ответила она и выскочила из постели. Быстро натянула юбку и блузку, собрала волосы в пучок и воткнула несколько шпилек, чтобы удержать прическу хоть ненадолго. Вытащила из-под койки сумку, достала из нее невзрачную серую коробку, в которой лежала фальшивая табличка и набор для образца, и пошла по узкому коридору к выходу.

Капитан Уйсин сидел в камбузе, поглощая лапшу и рыбу быстрого приготовления.

— Ваш гость ждет в отсеке, светлость, — сказал он. — Это тот, о ком вы думаете? Хочу напомнить, что я не возьму человека на борт, если он этого не хочет.

— Я помню. Благодарю вас, капитан.

Не-Палад Будраким стояло в нескольких метрах от шлюза так, чтобы через широкую дверь видеть все, что происходит во внешнем коридоре. Одежды на нем не было, только оранжево-коричневое одеяло капитана Уйсина окутывало плечи, как вчера. Неровно стриженные, непослушные волосы все время падали на глаза. Интересно, где оно провело ночь, подумала Ингрей, и ело ли?

— Доброе утро, — сказала она и кивнула на коричневую коробку. — Наверное, ты за этим?

Нарядные люди в лунги, брюках и рубашках

шли по внешнему коридору — наверное, в соседнем отсеке недавно пришвартовался корабль или, наоборот, как раз собирался отходить. В Тире было разрешено многое, что запрещалось в других системах, и, хотя жители Тир Сииласа славились тем, что не совали свой нос в чужие дела, Ингрей не хотела, чтобы кто-нибудь увидел и понял, чем они тут занимаются.

— Может, зайдешь внутрь?

Не-Палад заколебалось на какой-то миг и сказало:

— А ты мне их тут отдать не можешь?

Его не волновали люди в коридоре.

— Наверное. — Она шагнула вперед и протянула коробку. — Может, сунешь ее под… под одежду и найдешь укромное местечко, чтобы заполнить пузырек? Кажется, там дальше по коридору есть туалет. А можешь подняться на борт и сделать все тут, если хочешь, конечно. Просто подсказываю тебе варианты.

— Спасибо, Ингрей Аскольд, — сказало оно. То есть Гарал Кет, если, конечно, оно собирается стать человеком, чье имя написано на табличке. Ингрей предположила, что именно за этим оно сюда и пришло.

— Пожалуйста, Гарал Кет.

Оно улыбнулось, или Ингрей просто показалось, что у него слегка дернулся уголок рта. Чуть склонило голову, спрятало коробку под краем одеяла и собралось уходить.

Но успело сделать лишь три шага в сторону коридора, когда в отсек вошел неино в красно-желтой форме правоохранителей, за ним последовали двое патрульных в желтых куртках, красных лунги и с шокерами на поясе.

— Прошу прощения, светлости, — сказало представитель правопорядка. — Этот отсек и корабль под запретом. Никто ни при каких обстоятельствах не может войти сюда или выйти. Позвольте проверить ваши документы.

— Нам нужно подняться на борт, чтобы взять таблички, светлость, — сказала Ингрей, надеясь, что ее голос не выдаст колотящееся от неожиданности и, что уж скрывать, от страха сердце. — Похоже, Гарал, придется отложить твои дела на потом. — Она поманила Гарал Кет, только что получившего новое имя, к шлюзу и спросила: — Капитан Уйсин уже знает, что происходит?

— Узнает, когда я ему расскажу, — сказало представитель правопорядка.

Люди, идущие мимо по коридору, заглядывали в отсек, но, увидев, что происходит, ускоряли

шаг.

— Мы скажем ему, что вы пришли. — Ингрей широко улыбнулась. Гарал поднялось за ней на борт, даже не изменившись в лице.

Капитан Уйсин только заканчивал завтрак.

— Капитан, — сказала Ингрей. — В отсеке представитель правопорядка и два патрульных. Оно говорит, что корабль под запретом и никто не может ни войти, ни выйти.

Уйсин проглотил остатки лапши, допил бульон и лишь потом сказал:

— Значит, надо побеседовать с ним.

— А вас это, похоже, не удивляет, — сказало Гарал, стоя в коридоре за спиной Ингрей.

— Я такого не ожидал, — ответил капитан Уйсин. — Но подобное случается, вы правы, меня это не удивляет. — Он встал. — А вам обоим лучше достать свои документы.

— Да, — сказала Ингрей. — Мы как раз собирались.

— Похоже, вы и не особо беспокоитесь, — заметило Гарал.

— Нет. Только мне до моих документов не добраться, если вы так и будете тут стоять, вместо того чтобы пропустить меня, светлости.

— Конечно.

Ингрей пошла дальше по узкому коридору к своей крошечной каюте, Гарал за ней. Она села на койку и достала из сумки табличку.

— Ты знаешь, как пользоваться набором для образца? Там есть инструкция.

— Знаю.

Все еще стоя в коридоре, оно открыло коробку и принялось рассматривать содержимое. Вытащило крохотную автоматическую пипетку и нажало на нее большим пальцем. Сунуло пипетку обратно в устройство. Через пятнадцать секунд коричневая коробочка щелкнула и выдала твердую синюю полоску идентификационной таблички. Гарал протянуло бесполезную теперь коробку Ингрей, она засунула ее в сумку.

— Из-за чего могли наложить запрет? — спросило оно.

— Понятия не имею, — ответила Ингрей. — Давай узнаем.

Глава 3

Двое патрульных заняли места по обе стороны двери, ведущей из отсека в коридор дока. Представитель правопорядка стоял все там же, где его оставили Ингрей и Гарал, и капитан Уйсин что-то спокойно объяснял ему. Никто из них не выглядел даже немного встревоженным.

— Корабль принадлежит мне. Покупка была зарегистрирована здесь, на Тир Сииласе. У меня имеется полная документация. Вся история продаж с момента выхода судна с верфи, имена всех прежних владельцев записаны на табличке. На данный момент я — единственный полноправный владелец корабля. Гражданин Тира, зарегистрирован по месту проживания на Тир Сииласе.

Представитель правопорядка глянуло поверх плеча капитана Уйсина и заметило, что к ним подходят Ингрей с Гарал. Когда оно сообразило, что на Гарал нет ничего кроме одеяла, на лице на миг появилось озадаченное выражение и тут же пропало. Чиновники Тира никогда не интересовались тем, что не нарушало тирское

законодательство.

— Это ваши пассажиры?

— Да, светлость, — ответил капитан Уйсин. — Забронировали билеты через кассы дока, и это можно проверить. Я не занимаюсь незаконной деятельностью.

— Не сомневаюсь, капитан. Светлости! — последнее относилось к Ингрей и Гарал. — Пожалуйста, предъявите документы. — Чиновник проверило их и вернуло. — Благодарю вас. К сожалению, капитан, от меня ничего не зависит. Вся ваша документация в порядке, но я ничего не могу сделать. Делегация Гек настаивает, чтобы вас задержали до тех пор, пока они сами не досмотрят ваш корабль. А это произойдет не раньше, чем через несколько часов. Возможно, даже позже.

— Похоже, — сказал капитан, обращаясь к Ингрей и Гарал, — делегация Гек на подходе к станции заметила мой корабль и решила, что он был украден у них.

— Это просто смешно, я понимаю, — откликнулось представитель правопорядка. — Подписали они соглашение с Прегер или нет, но они не имеют права требовать ареста законопослушного гражданина. Мы им так и заявили.

— Но все боятся даже намека на возможность нарушения договора, — догадалась Ингрей. Пугала сама мысль, что Пресгер смогут освободиться от обязательств, принятых в рамках межрасового соглашения. Теперь даже к самой обычной делегации приходилось относиться с огромными предосторожностями, а в этот раз она была совсем не обычная. — Этот конклав всем действует на нервы.

— Именно так, — согласилось представитель правопорядка. — Несомненно, корабль принадлежит вам, капитан, и как только мы представим доказательства делегации Гек, вы сможете отчалить. А пока мы пообещали им, что никто не покинет отсек и не войдет сюда. Гек считают, что вы способны бежать или организовать какую-то аферу, именно так посол и сказала. Поэтому я и не предупредило вас о своем визите, и именно поэтому я должно настоять на том, чтобы вы и ваши пассажиры не покидали отсек и не выходили ни с кем на связь, пока сюда не прибудет посол. Уверено, вы понимаете, что в ваших интересах развеять все подозрения посла, насколько это возможно. У вас на борту достаточный запас воды и еды? Санузел работает нормально? Могут ли возникнуть какие-то медицинские проблемы,

которые потребуют ресурсов извне?

— На первые два вопроса отвечу «да», а на последний у меня ответа нет. — Капитан оглянулся и вопросительно посмотрел на Ингрей и Гарал.

— Нет, капитан, мы в порядке. Так ведь, Гарал?

— В порядке, — согласилось оно.

Вернувшись на борт, Ингрей сказала:

— У меня нет запасной одежды для тебя, но я не хотела говорить об этом перед представителем правопорядка. Может, у капитана что-то найдется. Верхняя полка подойдет?

— Если никто не занимает это место, — оно похлопало по переборке каюты напротив, — то я предпочту его.

— Конечно, — отозвалась Ингрей, с облегчением, если уж совсем честно.

Гарал огляделось, нет ли кого в коридоре.

— Интересно, как можно угнать корабль Гек?

— Ты же не думаешь, что он украл его? Очевидно, у него есть все необходимые документы.

— Это Тир Сиилас, — сказало Гарал. — Если капитан мог позволить себе приобрести гражданство, то не трудно предположить, что он купил поддельные документы хорошего качества.

Оно промолчало об идентификационной табличке, которую все еще сжимало в левой руке,

а та прошла проверку, не вызвав ни малейших подозрений у правоохранителя.

Ингрей немного подумала и сказала:

— Трудно даже представить, что он украл корабль у Гек. В том смысле, что они почти не покидают своей планеты, так ведь? Тогда зачем им вообще нужен корабль, который можно украсть? А если это правда, то что будет, когда они заявятся сюда?

— Понятия не имею, — сказало Гарал. — Но это случится лишь через несколько часов. А сейчас я бы не прочь поесть.

Целую миску лапши быстрого приготовления оно проглотило в считаные секунды.

— Ты вчера что-нибудь ело? — спросила Ингрей, сидя напротив него за маленьким столом в камбузе. И лишь потом сообразила, что есть ему было нечего, разве что оно украло еду где-нибудь.

Гарал ушло из отсека без денег, без счета в банке, даже без удостоверения личности, у него не было ничего, кроме одеяла, которое дал ему капитан Уйсин. Где оно могло бы достать еду?

— Неужели ты на самом деле хотела это спросить? — Оно отстранилось от стола и сунуло миску в устройство для переработки отходов.

— Конечно, иначе я бы не спросила. — Ингрей взяла палочки, набрала лапши и добавила: — Полагаю, это довольно глупый вопрос.

Оно взглянуло на нее, но на худощавом лице с тонкими чертами ничего не отразилось.

Ингрей сунула лапшу в рот, прожевала и проглотила.

— Что ты сделало? В смысле за что тебя отправили в «Милосердное устранение»?

Оно лишь слегка кивнуло, словно ждало такого вопроса, но ничего не ответило. Ингрей продолжила:

— Ты не похоже на убийцу.

— Не многие убийцы на них похожи, — сказало Гарал. Спокойно, словно это была самая обычная беседа. Можно подумать, оно регулярно общалось с убийцами. И тут до Ингрей дошло, что, наверное, так и есть. — У меня словарный запас и произношение интеллигентного человека, именно поэтому тебе трудно считать меня преступником. По крайней мере, законченным и опасным преступником вроде тех, кого отправляют в «Милосердное устранение». Я и само допускало раньше такие ошибки. Но большинство обитателей «Милосердного устранения», имеющие такое же образование и произношение,

настолько жестокие, что их друзья и родные не видят для них другого пути, кроме «Милосердного устранения», либо изгоняют из системы задолго до того, как они туда попадают. Конечно, приютский выговор тоже не гарантирует, что человек безопасен. Совсем не гарантирует. Но шансы нарваться на преступника с городским акцентом и приличными манерами куда как выше.

— Ты мне не кажешься таким уж жестоким.

Гарал моргнуло.

— Ты вообще слышала, что я только что сказало?

— Слышала, — ответила Ингрей. — Знаешь, все это выглядит довольно странно, словно ты всерьез пытаешься убедить меня в том, насколько ты опасно. Хочешь, чтобы я тебя боялась?

— Вряд ли у меня это получится. — Гарал скрестило руки на груди и откинуло волосы с лица. Они тут же упали обратно. — Я подделывало документы. Уверено, ты знаешь, сколько денег можно получить за какой-нибудь раритет. Самые дорогие те, что напоминают о важных событиях или почитаемых, но уже ушедших людях. Чисто теоретически они могут иметь определенную цену, но практически их невозможно достать ни за какие деньги. Все они давно занесены в каталоги

и находятся во владении самых богатых и важных кланов и отдельных граждан. Такие раритеты нет смысла подделывать, потому что обман обнаружится за несколько минут. Но если перейти на уровень ниже… Скажем, пара рукописных приглашений на ужин по случаю совершеннолетия племянника Основателя или, — оно слегка нахмурилось, — что-то подобное. Если их случайно обнаружат в каком- нибудь хранилище, их можно продать за большие деньги.

— Потому что это единственный способ собрать коллекцию раритетов, — согласилась Ингрей. — Я знаю, мой брат — коллекционер.

От одной мысли о Данаке у нее пропал аппетит. А еще и оттого, как Гарал смотрело на ее лапшу, пока она ела.

— Неужели. — В тоне голоса Гарал не было даже намека на вопрос. — Да, если ты лишь недавно сделал себе состояние и имя или если ты дальний родственник старого мешка с деньгами, то как еще изобразить, будто у тебя есть связи? Ну и, конечно же, подобные раритеты могут принести пользу. Только представь, какую энергию содержат в себе эти пригласительные или любой другой предмет из рук не самого важного родственника Основателя. А если уж его величие

побывало рядом, то и говорить не о чем! Даже мелкие сувениры могут оказаться драгоценными. Ну и всегда есть вероятность, что судьба изменится и этот племянник станет большой шишкой.

Наверняка ты… Хотя ты же сказала, что не коллекционируешь подобное. Значит, твой брат потратил на это много денег. Представь, как бы он разозлился, узнав, что его обманули.

— Сколько раритетов ты подделало?

— Очень много. Я специализировалось на пригласительных, они пачками лежат в разных хранилищах. Иногда их выбрасывают, когда человек умирает, а наследников у него нет, в общем, найти старую бумагу довольно просто. А потом лишь немного изменить реально существующий раритет, главное — выбрать нужное. У меня хорошо получалось. Я продавало их сотнями, моими клиентами были десятки начинающих коллекционеров вроде твоего брата. Поэтому когда меня поймали, то сразу сочли рецидивистом, несколько состоятельных граждан давно хотели меня убрать.

Неужели это правда? Ингрей смутно помнила, что когда-то поймали и осудили мошенника, торгующего фальшивками. Давно это было, когда она еще носила детское имя и случайно услы-

шала обрывки взрослого разговора. Мог ли он выглядеть как Палад Будраким? Почему бы и нет. Проверить она не могла — от тирской системы связи их отрезали, а даже если бы связь и была, Ингрей слишком далеко от Хвай, чтобы получить подобную информацию бесплатно.

А если все, что он рассказал, правда, то это многое объясняет.

— Значит, — сказала Ингрей, медленно положив палочки на стол и все еще размышляя над тем, что ей только что пришло в голову, — ты смогло бы сделать копии гарседдианских раритетов Будракима…

— Нет-нет, — сказало Гарал то ли с отвращением, то ли с насмешкой. — Копии делать бессмысленно. Особенно копии самых известных раритетов. Слишком легко попасться. Нет, смысл в том, чтобы сделать нечто новое, что с большой достоверностью могло бы существовать. Это не так бросается в глаза и вызывает гораздо меньше вопросов. Я могу изготовить пригласительные восьмого века в любом количестве и личные записки, главное — найти холст или бумагу того времени. Могу и другое, хотя пригласительные получаются у меня лучше всего. Но даже в этом случае… — Оно подняло руки ладонями вверх. —

Никто не застрахован от ошибок, гарантий безопасности нет. Кроме того, я не соглашалось лететь с тобой.

— Это так. — Она задумалась. Снова взялась за палочки и отправила в рот очередную порцию лапши. — Наверное, ты всерьез занималось изучением генеалогии. И знаешь всех представителей наиболее влиятельных кланов.

— Да.

— Значит, ты солгало о том, что никогда не слышало о Палад Будраким. Оно не просто член влиятельного клана, оно было хранителем известной коллекции раритетов. Даже если тебя отправили в «Милосердное устранение» задолго до того, как оно получило эту должность, ты бы все равно знало о его существовании.

— Подловила. — Уголок его рта дернулся в подобии улыбки. — Я понятия не имело, что его отправили в «Милосердное устранение». И, честно говоря, не верю в то, что ты мне рассказала. Насколько я знаю, Палад Будраким вряд ли совершило бы подобную глупость. С чего бы ему вдруг красть самые редкие и дорогостоящие раритеты у собственного отца? Что бы оно с ними делало? Оно бы даже продать их никому не смогло.

— Ты когда-нибудь с ним встречалось?

Если бы Гарал знало Палад Будраким лично, это могло оказаться полезным, но выяснилось, что они никогда не встречались, да и вообще Гарал уже говорило, что не собирается возвращаться на Хвай вместе с Ингрей.

— Нет. А ты?

— Я пару раз оказалась с ним на одних и тех же мероприятиях. Например, на открытии Ассамблеи. Но я тогда была еще маленькой.

— Надеюсь, ты сохранила пропуск. Именно такие сувениры я и искало, когда было в деле. В смысле подделывало современные раритеты. Всякую мелочь с довольно важных, но повседневных мероприятий. Обычно их куда- нибудь засовывают и благополучно забывают, никто за ними не охотится и не вносит в каталоги до тех пор, пока не выплывают связи со знаменитостями… или, например, с человеком, имеющим дурную славу.

— Вообще-то я продала его брату.

На оплату услуг «Золотой орхидеи», которая пообещала помочь ей вытащить Палад Будраким из «Милосердного устранения», ушли в том числе и эти деньги.

— Надеюсь, он хорошо тебе заплатил. А в этих каютах двери закрываются?

Ингрей не сразу сообразила, что Гарал сменило

тему.

— Скорее всего. Только уверена, что капитан Уйсин может в любой момент их открыть.

— Если не проснусь к ужину, постучи, пожалуйста.

— Конечно, — кивнула Ингрей. — Наверное, я и сама прилягу отдохнуть после того, как закончу с завтраком.

Что еще делать на борту, когда даже связь им отрезали? Может, стоило еще раз просмотреть договор о перевозке? Если все повернется не в пользу капитана Уйсина, вдруг ей все-таки удастся возместить билеты. У нее уйма времени. Ингрей отлично знала, как работают госчиновники. Когда еще появится этот посол Гек? И кто знает, сколько пройдет времени, пока она… или он… или оно… нет, представитель правопорядка четко сказал «она»… В общем, кто знает, сколько пройдет времени, пока посол сделает то, что решила.

Ингрей, конечно, недооценила заинтересованность посла Гек.

Тем же вечером капитан Уйсин и его пассажиры ужинали на камбузе, капитан без лишних слов предоставил им еду из запасов корабля. Гарал снова быстрее всех торопливо расправилось

с растворимым супом. Капитан Уйсин спросил спокойным голосом:

— Хотите добавки, светлость?

— Нет, благодарю вас, капитан.

Не дослушав его, капитан выпрямился, поставил миску на стол и посмотрел в сторону коридора. Оттуда раздавались щелчки и шорох, мимо торопливо прошмыгнули четыре паука-меха.

— Простите, светлости, — сказал капитан Уйсин, все еще вглядываясь в глубь корабля. — Похоже, посол Гек только что прибыла в наш отсек. Не стоит заставлять ее ждать.

— Не стоит. — Ингрей поднялась, чтобы пропустить капитана, и торопливо нашла договор о перевозке.

— Думаю, они недавно пришвартовались, — заметило Гарал.

— Скорее всего, — согласился капитан, торопливо проходя мимо.

Ингрей посмотрела вслед удаляющемуся капитану, потом перевела взгляд на Гарал:

— Ты когда-нибудь видело Гек? Хотя бы на картинке?

— Нет.

Из коридора раздался голос капитана Уйсина:

— Если вам интересно, идите сюда, только тут и смотреть-то особо не на что.

На секунду Ингрей задумалась, откуда ему это известно, но затем вспомнила прошмыгнувших мимо пауков-мехов. Видимо, один постоянно дежурит у шлюза. Наверняка капитан увидел Гек их глазами.

Но как только они с Гарал вышли наружу, Ингрей сразу поняла, почему капитан так сказал. В этот же миг она довольно четко осознала: ей повезло, что в договоре на провоз ничего не упоминалось о возмещении в том случае, если Гек конфискуют корабль. Несмотря на вроде бы настоящие документы капитана, она решила, что он почти наверняка угнал его.

В отсеке находилось все то же представитель правопорядка, около него стояла женщина в серебристо-зеленом саронге и пиджаке, одновременно скромном и роскошном, каждый сгиб и складка ткани лежали на своем месте и выглядели идеально. Лицо ее показалось знакомым: Ингрей почти сразу поняла, что видела ее в новостях два дня назад. Она была президентом Тира Сииласа. У ее ног на корточках сидел биомех с отвратительным желеобразным телом, множеством волосатых конечностей и глаз. Очень

похожий на тех, что спрятались в дальнем отсеке корабля, может, лишь чуточку больше. Когда Ингрей, Гарал и капитан Уйсин вышли, биомех неторопливо, тяжело ступая, шагнул им навстречу. Двигался он вовсе не так легко и грациозно, как корабельные мехи.

Больше никого в отсеке не было, хотя капитан и сказал, что прибыла посол Гек. Неужели это она и есть? Или это просто мех, которым она управляет?

— Светлости, я предоставил властям всю необходимую документацию, — сказал капитан Уйсин. Капитанская табличка вновь перешла в руки представителя власти. — Я приобрел этот корабль пять лет назад, уплатил полную сумму и долгов не имею.

Президент внимательно посмотрела на капитана.

— Здесь говорится, что сделка была заключена на Тир Сииласе.

— Так точно. Договор подписан при свидетелях в регистрационном бюро станции. Там должны храниться все записи.

— К счастью, — сказала президент, — вы сделали все возможное, чтобы подтвердить законность и достоверность сделки.

— Это моя неизменная привычка, президент. Можно и потерпеть немного, чтобы потом не пришлось плакать.

— Совершенно верно. — Президент посмотрела на меха, который пожирал взглядом капитана Уйсина.

— Посол, боюсь, что документы светлости Тика Уйсина говорят сами за себя. Сделка законна, имеется список всех предыдущих владельцев корабля с момента его выпуска с судоверфи. Сам же светлость Уйсин является гражданином Тир Сииласа. Сегодня утром я лично проверила все записи. Мы не можем задерживать его без всякой причины и уж тем более наложить арест на его имущество без веских юридических оснований.

— Негражданин, — уверенно прошептал паук-мех свистящим голосом. — Невозможно.

— Он заплатил пошлину, — сказала президент. — Исполнил все необходимые требования для получения гражданства и с тех пор не нарушал законов. На него не было наложено даже небольшого штрафа.

— Деньгами гражданство не купишь, — прошипел паук-мех, глаза на стебельках упрямо смотрели на капитана Уйсина.

— Здесь это возможно, посол, — ответила пре-

зидент. — По крайней мере, в данном случае.

И тут заговорил капитан Уйсин своим невероятно спокойным и ровным голосом:

— Как можно стать гражданином Гек, посол?

Тело паука-меха задрожало, он приподнял коготь и щелкнул им об пол, но не ответил.

— Уверена, что вы поймете, посол, почему Тир не может выдавать вам своих граждан, — сказала президент. — Наверняка, если бы мы потребовали арестовать кого-то из ваших граждан, вы бы не выдали его без предъявления серьезных доказательств о составе преступления.

— Не ваш гражданин, — прошипел паук-мех.

— То есть вы хотите сказать, что я гражданин Гек? — мягко спросил капитан Уйсин.

Тело меха затряслось еще сильнее. Он стукнул когтем по полу дважды.

— Вот почему, — прошипел он. — Вы не понимаете почему. Спрашиваете и спрашиваете. Вот почему.

Капитан Уйсин ответил:

— Могу лишь извиниться перед послом за то недоразумение, которое привело ее сюда. Конечно, я с радостью послужу посланнику Гек к Прегер всем, чем смогу. Но я — гражданин Тира, и даже у самого светлейшего посла нет права

вмешиваться в мои дела. Не сомневаюсь, что когда она ознакомится с условиями межрасового соглашения, то обнаружит, что это именно так.

— Дерзкое дитя, — прошипел паук-мех. — Я знаю условия соглашения лучше, чем ты знаешь самого себя. Ты — не гражданин Тира. Этот корабль ты угнал. Где остальные?

— Я — гражданин Тира, — отозвался капитан Уйсин. — И мои документы на корабль оформлены по закону.

Мех с трудом развернулся, словно раздумывал, куда ставить ноги, одну за другой, и пошел прочь из отсека в коридор.

— Посол! — вскрикнуло представитель власти и бросилось следом.

Президент обратилась к капитану:

— Можно немного потерпеть, как вы и сказали, светлость, чтобы потом долго не плакать. Очень хорошо, что вы тщательно оформили документы, иначе сегодня вам пришлось бы непросто.

— Как скажете, президент, — ответил капитан Уйсин.

— Я очень редко лично занимаюсь подобными делами, — продолжила она. — Но я обязана защищать законные и приобретенные права наших граждан. Ваша сознательность облегчила мне

работу, за что я вас благодарю. Но настоятельно советую вам не показываться мне на глаза в ближайшее время.

— Так точно, если получится, президент, — ответил капитан Уйсин.

— Хорошо, — сказала она и вышла из отсека, патрульные последовали за ней.

Тихий шепот в ухе сообщил Ингрей о том, что открылась ее любимая лапшичная. Доступ к средствам связи был восстановлен.

— А вы двое чего уставились? — спросил капитан Уйсин.

— Вы же разрешили нам посмотреть, — сказало Гарал.

— И действительно. — Капитан помолчал и добавил: — У меня есть бутылка хорошей араки на борту. Я собирался открыть ее сегодня вечером. Выпить не желаете? А я так точно выпью.

Не дожидаясь ответа, он обогнул их и зашел в шлюз.

В камбузе капитан Уйсин выставил на стол три большие белые чашки для шербета и плеснул в них араки. Выпил свою одним глотком и тут же налил снова.

— Итак, — сказало Гарал, не прикасаясь к чашке и даже не глядя на нее. — Вы все-таки угнали

корабль. Очевидно, чтобы сбежать из родной системы Гек.

— Полагаю, уже нет смысла это отрицать, — сказал капитан. — Я угнал три корабля. Продал два, чтобы хватило денег на гражданство и документы, подтверждающие, что я законно владею третьим. — Он прикончил вторую порцию араки. — И на его переоборудование.

Ингрей отпила из своей чашки. Напиток был крепким, как и обещал капитан, вкусным, сладким и обжигающим.

— Как вам удалось угнать три корабля?

Из коридора в камбуз протиснулся паук-мех. Ингрей посторонилась и едва подавила невольный вскрик, когда паук ухватился за край стола, поднялся на двух ногах и помахал ей. Потом он взял бутылку и плеснул еще араки в чашку капитана Уйсина, поставил ее обратно и удалился.

— Вы — Гек, — догадалась Ингрей. Ей очень хотелось, чтобы сердце стало биться помедленнее, но едва удавалось сдерживать себя, чтобы не начать отряхиваться при всех. — То есть я имела в виду, что вы — один из немногих людей, которые живут среди Гек. Как же вы можете быть гражданином Тира?

— Я не Гек, — ответил капитан. — Гек позволи-

ли подписать межрасовое соглашение во многом благодаря их близким связям с людьми. — Он крякнул. — Но здесь есть загвоздка. Как в соответствии с соглашением следует относиться к людям, живущим там? Как к людям или как к Гек? И не только у Гек с этим проблема. Этот пункт соглашения чрезвычайно сложный и неоднозначный, да и понятно — его же составляли переводчики Пресгер. В моем конкретном случае, с точки зрения соглашения, если я добровольно принимаю гражданство в системе, принадлежащей людям, то считаюсь человеком.

— То есть у Гек нет никакого права вмешиваться в ваши дела, пока это не затрагивает интересов соглашения? — сказало Гарал.

Капитан Уйсин шутовски раскланялся во все стороны.

— Погодите, — пробормотала Ингрей, ответ ее окончательно запутал. — То есть любой может объявить себя человеком, или Гек, или Рррррр, или вообще чем угодно?

— Не любой, — отозвался капитан. — Я же сказал, что все запутано. — Он повернулся к Гарал. — Позвольте постричь вам волосы. Такое ощущение, что вы сами себя обкромсали тупым ножом.

— Я думало, что даже люди, живущие на Гек, не любят покидать свои пределы, — сказало Гарал, проигнорировав замечание о волосах.

— Не любят, — согласился капитан Уйсин. — Для них это слишком большой стресс.

— Это же был мех, правда? — спросила Ингрей. — Не сама посол?

— Мех, — снова согласился капитан. — Сама посол выглядит… совсем по-другому.

— Так что же произошло? — спросила она, немного помолчав, и отпила еще араки.

Капитан поднял свою чашку, но в этот раз лишь пригубил и поставил на место.

— У меня не выросли жабры. Не смотрите на меня так, там, на Гек, это очень важно. Без жабр невозможно уйти на глубину. А если ты к определенному возрасту не сможешь этого сделать, то остаться на планете тебе не дадут.

Ингрей хотела переспросить, что он имеет в виду под «уйти на глубину», но решила, что его ответ все еще больше запутает.

— Могли бы зайти в любой мод-салон, заплатить деньги и выйти оттуда с отличными жабрами, — сказало Гарал.

— Точно, — согласился капитан Уйсин. — Хотя дело не только в жабрах. Пришлось бы внести

еще несколько модификаций, чтобы они заработали. Но все равно вы правы — я мог бы. Однако там, откуда я прибыл, если они у тебя не вырастают сами собой, значит, ты — чужак и всегда им был, так что в этом нет никакого смысла. По крайней мере, нам всегда так говорили. Попав на орбиту, я понял, что существует место для маневров. В том смысле, что некоторые люди могут отрастить жабры с определенной помощью. Но не в моем случае.

— Почему? — спросила Ингрей и вспомнила, как посол прошипела: «Вы не понимаете почему. Вы спрашиваете и спрашиваете».

— Мне сказали на орбите, что я слишком хороший механик-пилот, чтобы держать меня внизу. Практически любой корабль внутри системы Гек пилотируется удаленно. Гек хочется иметь доступ к торговле и ресурсам системы, но им сложно даже смотреть на чужие миры глазами мехов. Они делают это лишь в крайних случаях, но обычно пользуются услугами людей, изгнанных на орбиту.

— Так зачем было угонять корабль? — спросила Ингрей. — Вы бы могли просто улететь. Хороший механик-пилот везде найдет работу.

— Во-первых, если ты родом оттуда, вылететь

из системы не так уж легко, — сказал капитан Уйсин. — А во- вторых, хрен им, вот почему.

— Значит… — Ингрей запнулась, не зная, стоит ли расспрашивать дальше. Капитан за несколько минут наговорил больше, чем за все время знакомства, да и вся ситуация была, мягко говоря, странной. По всей видимости, они с послом знали друг друга и раньше. «Дерзкое дитя», — сказала она. Поэтому Ингрей и хотела спросить: «Значит, посол — ваша мать?» Но они видели только меха, может быть, сама посол — вовсе не человек.

— У посла есть жабры? Неужели она сидит в аквариуме с водой и поэтому ей пришлось использовать меха?

— Может, и в аквариуме. Скорее всего. Но дышать воздухом она тоже умеет в случае необходимости. Она использовала меха, потому что не любит покидать корабль. О, черт!

— Что случилось? — спросила Ингрей.

— Нам назначили время отлета. Выходим через пару часов, нужно подготовиться. И мне лучше завязать с выпивкой. Светлость, — он повернулся к Гарал, — через несколько минут я задраю шлюз. Вы полетите со светлостью Аскольд или вернетесь на скамейку в Службе для вновь прибывших, прождете три недели и, скорее всего, окажетесь

в такой же ужасной ситуации, как та, из которой вы только что выбрались?

— Хуже уже не будет. А билет оплачен? В него входит еда и каюта?

— Да и да, — ответил капитан Уйсин. — И даже бесплатная стрижка. Завтра. Когда протрезвею;

— Можно, я подумаю насчет стрижки?

Капитан Уйсин ухмыльнулся впервые за все это время, чем поразил Ингрей.

— Ты мне нравишься, Гарал Кет. Не знаю почему, и, возможно, зря, но нравишься. А вы, Ингрей Аскольд, когда вернетесь домой и украдете все, что сможете, у своей матери, постарайтесь свалить от нее навсегда. Из вас хороший политик все равно не выйдет.

Прежде чем Ингрей смогла придумать хоть какой-то ответ, Гарал спросило:

— А вы часто пьете, капитан?

— Очень редко, — признался тот. — Не беспокойся. Доберемся до шлюза без всяких проблем.

Он встал и протиснулся в коридор, за ним увязался мех, который, видимо, прятался за дверью. Он больше не казался Ингрей странным и чужеродным.

— Меня беспокоит не то, как мы доберемся до шлюза, — сказала Ингрей, когда капитан и мех

немного отошли.

— Конечно, — ответило Гарал. — У нас есть проблемы посерьезнее. Или появятся, когда доберемся до Хвай. Я считаю, что капитан дал тебе хороший совет. Ты вроде говорила, что у тебя есть какой-то план?

— Детали я еще не проработала, потому что не знала, согласишься ты полететь со мной или нет.

— Что ж, — сказало Гарал, когда пол и стол затряслись от того, что капитан задраил люк. — Пора начать их прорабатывать.

Глава 4

Спустя неделю после начала путешествия на Хвай Ингрей обнаружила Гарал сидящим за столом в крохотном камбузе, сзади стоял паук-мех и стриг ему волосы. Без ножниц, просто кромсал пряди своей клешней.

— Скоро закончим, — прошелестел тоненьким голосом мех, заметив, что Ингрей остановилась в дверях. — Простите за неудобство, светлость.

— Ничего страшного.

Камбуз на таком маленьком корабле при необходимости служил и спортзалом, поэтому во время долгого путешествия приходилось строго соблюдать график расписания тренировок. Но когда пассажиров на борту всего лишь двое, можно и обождать пару минут.

— Готово, — сказал паук-мех и нежно пробежался всеми четырьмя клешнями по коротким волосам Гарал, аккуратно уложив их. — Так гораздо лучше. Не могли бы вы выйти в коридор, светлость, пока я тут приберусь.

Ингрей отступила, чтобы выпустить Гарал из камбуза.

— Выглядит симпатично, — сказала она. Откровенно говоря, короткие волосы смотрелись довольно нелепо, на Хвай с такой прической ходили только дети, а Гарал ни в коей мере не походило на ребенка. — Я бы не позволила меху прикасаться к себе.

— Угу, они довольно неприятные.

Ей все еще казалось, что они выглядят как живые и разумные существа, хотя признаться в этом вслух она не смогла. Ингрей думала о последних новостях из сектора космоса, принадлежавшего Империи Радч. Посол Гек покинула родной мир именно потому, что представители искусственного интеллекта радчааи провозгласили свою независимость, претендуя на то, чтобы стать одной из сторон межрасового соглашения с Прескер. Все это происходило так далеко!

— Комната в вашем распоряжении, светлость! — сказал паук-мех и удалился.

Ингрей заглянула в камбуз. Стол и стулья убраны, спортивные снаряды разложены, пол под беговой дорожкой поднят.

— Жаль, что тут почти нет места, чтобы просто походить, — вздохнула она, надеясь, что паук-мех ее не услышит. В конце концов, она добровольно купила билеты на этот корабль, и до сих пор здесь

было тихо и чисто (а еще тесно и мрачновато). Капитан следил за тем, чтобы все работало, да и сам он был неизменно вежлив и приятен в общении. По-бантийски он, конечно, не говорил, но пауки-мехи могли перевести ее слова. Хотя капитан наверняка привык к раздраженным пассажирам и их жалобам во время долгого путешествия.

— А мне здесь нравится, — сказало Гарал. — Тут безопасно.

— Безопасно?

— Тут тесно, и поэтому я точно знаю, кто где находится. А еще тут кормят. Снаружи лишь миллионы километров пустого пространства. — Оно резко замолчало, словно хотело добавить что-то еще, но передумало. — Расскажи-ка мне о своем брате, которому ты продала раритет Палад Будраким. Его случайно не Данак Аскольд зовут?

Ингрей поначалу удивилась, но потом вспомнила, что Гарал занималось подделкой раритетов и, значит, интересовалось известными кланами. Да она и сама выболтала слишком много.

— Так и есть, — сказала она, шагнула в камбуз и поднялась на беговую дорожку. — Считается, что на свое место Нетано должна выбрать самого способного из детей, одного из нас, и нужно как следует постараться, чтобы выбрали именно

тебя. Однако все уже знают, что она передаст свое имя Данаку.

— И зачем тогда она поддерживает в вас соревновательный дух?

— Думаю, чтобы он не расслаблялся. Если он будет уверен в том, что его назначат наследником, то у него вообще не останется причин работать над собой. Так ведь?

Гарал хмыкнуло, словно было несогласно, но спорить не стало.

— Думаю, что именно его ты с моей помощью надеешься обвести вокруг пальца.

Всю неделю Ингрей прокручивала в голове разные варианты, но так ни к чему и не пришла, поэтому своими мыслями с Гарал Кет делиться не спешила. Даже сейчас она не знала, что сказать.

— Я не знакомо с Данаком Аскольдом, но наслышано о его репутации. Видимо, ты его не очень любишь.

Ингрей промолчала.

— Нам осталось еще две недели пути. Просто пытаюсь представить, что случится потом.

— Полагаю, ты сможешь делать все, что захочешь. Тебе не обязательно возвращаться туда, где ты жило раньше, или туда, где тебя, скорее всего, отыщут Будракимы. Можешь встать на государ-

ственный учет и найти приличную работу.

— Наверное, могу.

Похоже, эта перспектива не слишком вдохновляла Гарал, хотя за целую неделю знакомства с ним Ингрей ни разу не видела, чтобы оно хоть о чем-то говорило с энтузиазмом.

— А какие еще есть варианты?

Ингрей ненадолго остановилась. Она редко кому-то рассказывала о своих планах, не говоря уже о том, что далеко не всегда ей удавалось продумать их до мельчайших деталей.

— Данак, — сказала она. — Очень серьезный коллекционер. По крайней мере, считает себя таковым. Он постоянно охотится именно за такими сувенирами, о которых ты рассказывало, за недорогими раритетами, пока не особо важными. Надеется, что когда-нибудь они поднимутся в цене, поэтому в них стоит вкладывать.

— А зачем ему заботиться о вложении денег, если он получит в наследство невероятные богатства Нетано и все ее раритеты в придачу?

— Хочет прибавить к ним свою коллекцию. Каждый раз, когда он покупает какую-нибудь дешевую ерунду, а потом она становится хоть немного дороже, Данак приходит в восторг от одной только мысли, что обманом завладел чьим-то

сокровищем. Он сам так сказал.

— Мило.

Наверное, Гарал имело в виду обратное, хотя ни в голосе, ни в выражении его лица не было ни капли сарказма.

— А что, если… — Ингрей запнулась, чувствуя непривычную неуверенность. Последний ее грандиозный план с треском провалился, и у нее больше не было средств. Она повторила: — А что, если мы вернемся и ты скажешь Данаку, что знаешь, где находятся гарседдианские раритеты Будракимов? Что ты поделишься этой информацией за внушительную сумму. Продать или выставить их он не сможет. Скорее всего, решит отдать их маме.

— Довольно прямолинейный план, — немного подумав, ответило Гарал. — Проблема лишь в том, что я не знаю, где находятся гарседдианские раритеты, и когда твой брат это обнаружит, с нами будет покончено.

— Но если мы слупим с него приличную сумму, то сможем достать новые документы, вернуться на Тир Сиилас и приобрести гражданство.

Молчание. Неудивительно, это была наименее продуманная часть плана Ингрей, далекая от практичности.

— Если мы выберем подходящее место, то можем убедить его, что раритеты достать будет очень сложно и дорого. Ну, или скажем, что у него могут возникнуть серьезные проблемы, если заметят, что он что-то вынюхивает рядом с тем местом, где лежит краденое.

Гарал Кет стояло в коридоре, молча размышляя обо всем услышанном, не менее десяти секунд.

— Давай-ка обсудим это поподробнее.

Ингрей подключилась к связи и получила доступ к новостной ленте и личной переписке уже на станции Хвай. Она могла бы просмотреть всё и раньше, еще на корабле, пока они летели через шлюз Тир — Хвай, но не сделала этого, потому что не хотела знать, пытался ли кто-то из членов семьи связаться с ней. Как только она сошла с корабля, ее захлестнуло потоком сообщений. Ни одно не было срочным или особенно интересным, поэтому она моргнула и отключилась.

— А каким образом мне приходят сообщения? — спросило ее Гарал, идущее сзади.

Она оглянулась. На нем был темно-синий комбинезон капитана Уйсина и большая черная, похожая на бархатную сумка через плечо, видимо, тоже капитанская. Зачем Гарал, у которого и вещей-то не было, нужна сумка, Ингрей понятия

не имела.

— Я так настроила, — сказала она. Пусть это и стоило чуть дороже, но если нигде в системе нет информации о человеке, то вычислить фальшивую личность намного проще. — В твоих логах говорится, что тебя давно не было на Хвай.

Она огляделась в поисках указателей и увидела на тусклом зеленом полу стрелку с надписью «Прибытие», ведущую влево.

— Нам в другую сторону, — покачало головой Гарал. — Мы находимся в противоположном конце станции, там, где обычно швартуются грузовые корабли, а не пассажирские. Этот выход ведет совсем не туда, куда нам нужно. Если мы пойдем направо, то окажемся неподалеку от лария системы и палаты Ассамблеи.

От лария системы шел прямой поезд до челнока-подъемника, который мог довезти их как раз туда, куда они направлялись. Ингрей запросила карту.

— Ты право, — сказала она. — Если пойдем по стрелке, то потом столько же времени придется возвращаться назад, только… — Она нахмурилась. — По короткому пути нам, похоже, придется все время идти пешком!

— Там наверняка есть грузовой транспорт с

местами для пассажиров. По крайней мере, так было раньше. Нужно послать запрос…

— Спасибо, уже нашла. — Она послала запрос и повернула направо в обшарпанный серый коридор, уводящий за пределы отсека.

Когда они прошли пару отсеков, она сказала:

— У нас достаточно денег, чтобы доехать до дома на транспорте, но тогда не останется на еду. Если же мы решим поесть, то нам хватит денег и на одну ночь в гостинице.

Капитан Уйсин купил у нее контейнер и капсулу жизнеобеспечения, избавив от необходимости снова катить их и искать покупателя. Других средств у нее не было.

— Думаю, ты вполне можешь записаться на получение общественной помощи, если захочешь. А вот я не могу. Но если позвоню домой и попрошу, чтобы нас подвезли, кто-нибудь обязательно приедет.

— Только ты не хочешь этого делать, — догадалось Гарал. — Винить тебя не в чем, но мне кажется, будет лучше, если ты вернешься домой, не прося ничьей помощи.

Ингрей подождала немного в надежде, что оно еще что-то добавит, но Гарал промолчало.

— Ладно, — сказала она наконец. — Закажу нам

места в следующем челноке.

Переход по коридорам, поезд, несколько минут в лифте — и они попали на стоянку грузового транспорта. Он медленно повез их по тоннелям, о существовании которых Ингрей даже не подозревала. Так они добрались до еще одного мрачного коридора с двумя выходами в конце. Прошли мимо очереди к двери, над которой было написано «Для граждан из других систем», к тому месту, где тускло-серая плитка заканчивалась и начиналась ярко-голубая с медной окантовкой по краям. Там сидел скучающий охранник.

— Предъявите идентификационные таблички, — привычно сказал он, когда Ингрей с Гарал подошли ближе.

Ингрей уже вытащила свою из кармана пиджака. Она подняла ее и прошла мимо охранника, стараясь дышать спокойно и не суетиться больше обычного. Сейчас документы Гарал подвергнутся тщательной проверке. «Просто иди вперед», — сказала она себе.

Не смея оглянуться, она вышла за дверь, добралась до конца коридора, через следующий выход попала на одну из основных магистралей, широкую улицу, которая вела к большой площади перед ларием системы. Только там, окруженная

прохожими и толпами приютских детей, идущих на экскурсию, укрывшись за уличным шумом и гамом, она остановилась и оглянулась. Гарал спокойно следовало за ней, убрав табличку в карман.

— Все в порядке?

— Все отлично.

— Тогда пошли.

Бессмыслица полная, если учесть, что они и так уже шли к поезду, который отвезет их к челноку. Но вдруг кто-то окликнул ее:

— Ингрей! Ингрей Аскольд!

Проклятье! Она узнала этот голос и натянула улыбку, боясь, что смотрится не слишком убедительно. Она устала, уже целый месяц на ней была одна и та же одежда, хоть и чистая, насколько позволяла стиральная машина на борту корабля. Она постаралась как можно лучше собрать волосы и даже вколола несколько оставшихся шпилек, но выглядела все равно неважно, да и багажа у нее кроме сумочки не было. Ингрей приятельствовала с этим человеком, хотя знала, что он больше симпатизирует Данаку.

— Оро! — сказала она. — Вот так сюрприз!

— Я не видел тебя уже несколько месяцев! — радостно воскликнул Оро. — Где ты была?

— Путешествовала. — Она не стала оглядываться на Гарал. — Рада, что вернулась домой.

— Откуда прилетела?

Она хотела солгать, но решила, что в этом нет особого смысла.

— С Тир Сииласа, — сказала Ингрей и приготовилась к вопросу о том, что она там делала.

Но вместо того, чтобы поинтересоваться ее путешествием, Оро спросил:

— Значит, ты видела Гек?

Ингрей моргнула, стараясь сделать вид, что вопрос ее не удивил.

— Да откуда? Они прибыли на Тир Сиилас за пару часов до того, как ушел мой корабль.

Даже сама удивилась, как легко у нее получилось солгать, хотя, конечно, это была не совсем ложь. Оро придвинулся ближе.

— Если ты немного подождешь здесь, то, возможно, тебе удастся их увидеть.

— Что? — Теперь она даже не попыталась скрыть удивления. — Я думала, что они собирались на Ильдрад. Об этом сообщали в новостях на Тир Сиилосе.

— По какой-то причине они передумали. Завтра они прибывают через шлюз Тир Сииласа, в новостях об этом расскажут лишь через пару

часов. Никто точно не знает, почему они решили изменить первоначальный план, хотя существует множество теорий. Служба планетарной безопасности в срочном порядке переделывает расписание рейсов, чтобы убедиться, что ничего плохого не случится. Как только они определятся, в новостях сразу объявят. Я узнал от своего неди. Вообще-то я как раз иду по его поручениям. Если хочешь, могу включить тебя в группу встречающих. — Он мельком оглядел ее помятую одежду и растрепавшуюся прическу. — Скорее всего, они прибудут завтра вечером, а может, даже послезавтра. Понятия не имею, получится ли увидеть настоящих Гек, но почему бы не попробовать?

Она опять ему улыбнулась, надеясь, что получилось искренне.

— Ужасно милое предложение с твоей стороны, но я так давно уехала, что не могу дождаться, когда доберусь домой. Увидимся с тобой как-нибудь в следующий раз, когда ты вернешься на планету. Расскажешь мне о Гек.

— Само собой.

Пробормотав еще несколько общих фраз, Оро растворился в толпе.

Ингрей оглянулась в поисках Гарал. Не увидев его, закрыла глаза и вздохнула. Вряд ли Гарал

успело далеко уйти. А если и так, что ж, ничего с этим не поделаешь. Она открыла глаза. Гарал стояло рядом.

— Тебе придется показать мне, как ты это делаешь.

Гарал лишь дернуло уголком рта, но промолчало, за все эти недели Ингрей ни разу не видела, чтобы оно улыбалось.

— Надо предупредить капитана Уйсина. Сюда летят Гек, — сказала она.

Капитан собирался задержаться в системе Хвай чуть дольше, чем планировал с самого начала, в надежде, что ему удастся избежать встречи с кораблем Гек.

— Я все слышало, — сказало Гарал без единой эмоции на лице. — И уже послало ему сообщение. Он поблагодарил.

— Зачем они летят сюда? Разве им не нужно на встречу конклава?

— Насколько я понимаю, — сказало Гарал, — потребуются годы, чтобы собрать всех на встречу, и, возможно, еще несколько лет, пока конклав не состоится. Вопрос о том, кто будет представлять людей, до сих пор не урегулирован. Участие радчааи в этом деле вызвало целую бурю неприятных эмоций. Исходя из этого, можно предположить,

что начнутся споры во всех секторах космоса, населенных людьми, о том, кто должен и не должен входить в конклав. Нам повезет, если из-за этого не начнется война. — В ответ на удивленный взгляд Ингрей оно добавило: — Последние три недели мне было нечего делать. Вот и просматривало последние новости.

Что ж, понятно.

— Полагаю, нас это уже не касается. Давай пойдем в зал ожидания челнока и постараемся хоть где-нибудь присесть.

Исходя из распорядка дня, по которому они жили последние несколько недель, уже было очень поздно. К тому времени, как они добрались до зала ожидания и нашли свободные места, Ингрей растеряла почти все шпильки — осталось две — и мечтала лишь об одном: отдохнуть. Хотелось растянуться прямо на скамейке. Ей казалось, она смогла бы уснуть даже в этой суматохе и шуме.

В зале ожидания толпились путешественники со всех концов Хвай и даже из внешних систем, в основном с Омкема. Тамошних туристов настолько восхищали стеклянные руины планеты, что они были готовы лететь через два шлюза даже несмотря на то, что отношения между Хвай и Федерацией Омкем ухудшились с тех пор, как

закрылся шлюз Омкем — Бейт. Теперь омкемцы могли добраться до Бейта, который отчаянно хотели вернуть назад, исключительно через Хвай.

Большинство путешественников были с Хвай. В двух рядах от Ингрей и Гарал расположилась группа хвайских подростков, не меньше двух десятков, в одинаковых голубых рубашках и лунги и с одинаковыми маленькими сумками через плечо. Некоторые стояли, сбившись в группки, болтали, хихикали. Другие сидели, уставившись в наладонники или просто в пустоту. Наверное, читали ленту или смотрели развлекательные программы. Судя по форме, они были из общественного приюта и вряд ли сейчас могли позволить себе имплантаты. Если вообще когда-нибудь смогут.

Возможно, они увлеченно разглядывали исторические картинки, которые постоянно менялись на стенах зала ожидания. Прямо сейчас показывали архипролокутора Ассамблеи Хвай, выплачивавшего последний взнос президенту Тира за постройку шлюза Тир — Хвай. Архипролокутор держал в руках позолоченную инкрустированную коробку, хотя на самом деле ни тогда, ни в последующие столетия никто так и не перевел средства, чтобы окончательно рас-

считаться с долгами. За спиной архипролокутора стояли главы четырех Ассамблей Хвай, державшие свернутый в рулон холст и готовые в любой момент развернуть его во всю длину, чтобы обнародовать отказ от дальнейших обязательств и объявить себя правительством независимого Хвай.

Возможно, дети просто устали, и им было скучно. Двое спали в обнимку на одной скамейке. Ингрей вдруг стало тоскливо. Она и сама воспитывалась в общественном приюте, но Нетано Аскольд забрала ее в семью еще маленькой. Она, несомненно, обрела роскошную жизнь, но будут ли у нее хоть когда-нибудь вот такие друзья, на которых всегда можно опереться? Ингрей была воспитанницей государства, одной из многих детей, чьи родители не пожелали или не смогли позаботиться о них. Теперь у нее совсем другая жизнь, потому что Нетано удочерила ее. Если она уйдет от Аскольдов, то семьи она лишится, она не сможет вернуться к истокам, не сможет найти место, где будет своей, тем более если Нетано возьмет себе другого ребенка. И такого товарищества, как у этих детей, у нее тоже никогда не будет. Чтобы она вот так обнимала Данака — представить невозможно, даже в те редкие

моменты, когда они не ругались. Такое иногда случалось, особенно когда что-то угрожало интересам семьи.

Но ведь ни ей, ни Данаку никогда не приходилось спать в зале ожидания. Когда они ждали челнок на станции, каждому отводили отдельную комнату с кроватью.

Она просмотрела стоимость билетов на поезд от подъемника до города, где жила Нетано, прикинула, сколько у нее осталось денег от продажи капсулы жизнеобеспечения, и вздохнула.

— На проезд нам точно хватит. По крайней мере, на большую часть пути. А вот с окружного транспортного терминала до дома придется идти пешком, а там далековато.

— Это совсем не плохо, — отозвалось Гарал. — Кажется, еще неделю назад ты говорила, что хотела бы немного пройтись.

Ингрей хмыкнула:

— А еще говорят, что человек без еды может протянуть несколько недель.

По дороге в зал ожидания они оба приобрели запас воды на полдня, так что от жажды не умрут.

Гарал положило сумку на колени и открыло ее. Внутри оказались завернутые в фольгу питательные брикеты.

Ингрей удивленно посмотрела на них, затем оценила исхудавшее лицо Гарал.

— Ты что, пропускало обеды?

Она попыталась вспомнить, видела ли хоть раз, чтобы Гарал ело питательные брикеты на борту. Даже ей самой они порядком надоели.

— Через день. — Гарал никак не отреагировало на ее удивление. — Лапша у меня тоже есть, хотя без горячей воды она довольно противная.

Ингрей даже не подумала о том, чтобы запастись едой. С чего бы? Ей никогда раньше не приходилось голодать и беспокоиться о том, что завтра будет нечего есть, если не считать последних двух дней на Тир Сииласе.

— Молодец, что запаслось.

Гарал вытащило брикет и протянуло ей. Затем достало еще один для себя и закрыло сумку.

— Думаю, Аскольды на общественные экскурсии не ездили, — сказало оно, даже не глядя на сидящих перед ними детей.

— Нет, у нас были репетиторы, но мы ездили на семейные экскурсии. И в ларий тоже ездили.

Конечно, туда ездили все, кто мог себе позволить. Там хранились раритеты со времен основания системы и вообще все, связанные с важными историческими событиями Хвай. У

каждого гражданина должна быть возможность хоть раз в жизни увидеть их своими глазами, постоять рядом. Именно поэтому политики, такие как Нетано Аскольд, часто жертвовали деньги на организацию экскурсий для детей из своего округа. Возможно, именно благодаря этой программе подростки в форме сидели здесь и ждали свой челнок, чтобы вернуться домой.

Гарал проглотило кусочек питательного батончика.

— И каково это? Увидеть раритеты, которые твой клан пожертвовал народу?

В ларии хранилось несколько раритетов Аскольдов, но Ингрей даже не знала, как ответить на вопрос. Конечно, она ощущала гордость, но, с другой стороны, это как бы не очень ее и касалось.

— Сложно ответить. Ты же наверняка знаешь, что самые известные раритеты Аскольдов изначально принадлежали другим семьям.

— А-а-а! — протянуло Гарал. — Это все еще проблема? Ей лет сто, не меньше.

— Конечно. Неважно, кому они принадлежат, всем лучше, если они хранятся в ларии.

Гарал хмыкнуло.

— Меня это не удивляет. Учитывая то, что я

знаю, интересно, какой процент сокровищ лария — подделки?

— Что? Ты думаешь, что в ларии системы Хвай хранятся подделки? Но ты же само говорило, что слишком рискованно подделывать известные раритеты. Или ты имеешь в виду, что Палад их тоже украло? Не уверена, что у него вообще была такая возможность.

Ингрей нахмурилась. Ей никогда раньше не приходило в голову, что в ларии системы может храниться совсем не то, что должно. Что там могут быть лишь копии. Какой в этом смысл? Как выглядит раритет, из чего он сделан — неважно. Важно лишь то, что к нему прикасались определенные люди, держали его в руках в особенные, поворотные для целой системы моменты. В те дни, когда Хвай обрел независимость, во время событий, которые сделали нас теми, кем мы сегодня являемся. Какой смысл копировать раритеты? Зачем тогда лететь на станцию, чтобы увидеть их? Какая разница, если можно просто посмотреть на изображение.

— Это было бы ужасно!

— Я не совсем то имело в виду, — сказало Гарал и откусило очередной кусок батончика.

— Какой смысл красть такие известные рари-

теты? Продать их невозможно. И показывать другим тоже. Пришлось бы просто вечно держать их под замком.

— Именно так.

Ингрей посмотрела на свой питательный батончик и сморщила нос.

— Кто вообще придумывает все эти вкусы? Тушеная курица с квашеной капустой? Кого они обманывают? Это просто дрожжи.

— У меня есть еще рыба под соусом карри, если хочешь.

— Фу! — Она разорвала обертку и откусила кусочек. — Прости, не хочу показаться неблагодарной. На самом деле я очень рада, что у тебя есть еда и ты делишься со мной.

Она хотела еще добавить, что тот, кто придумал эти батончики, наверное, просто ненавидел людей, но вовремя вспомнила, как Гарал набрасывалось на лапшу в первые дни, и тот факт, что оно посчитало необходимым запастись провизией на будущее, и молча принялась за еду.

Глава 5

Как назло, тот день, когда Ингрей и Гарал пришлось пройти пешком девять километров от городского транспортного терминала до дома Аскольд, оказался пасмурным и дождливым. Дождь лил, не переставая, и хоть был не очень сильным, через час пиджак и юбки Ингрей промокли насквозь, волосы облепили плечи и спину, с сумки капало. Гарал тоже промокло до нитки, но не жаловалось, оно вообще ни слова не сказало, шло, сгорбившись, и глядело себе под ноги, словно хотело раствориться в дожде. Мимо них прошмыгнули несколько мехов, бежавших по неотложным делам по мокрым улицам, но людей почти не было, особенно когда, оставив транспортный узел далеко позади, они выбрались на пешеходный тротуар. Здравомыслящие люди сидели в такую погоду дома, а если им приходилось выйти по делам, пользовались подземкой. Даже на вымощенной черными камнями обычно людной площади, раскинувшейся перед Службой планетарной безопасности округа Арсамол, было пусто и тихо, только дождь шелестел, и квадрат-

ные серо-зеленые мехи сканировали трещины между камнями, уничтожая ростки сорняков. То тут, то там открывались двери, из которых струились свет и тепло, и редкие прохожие стремглав бежали к машинам. К тому времени, как они с Гарал подошли к дому Нетано, Ингрей успела забыть, каково это — носить сухую одежду.

Фасад их дома, в отличие от прочих на этой улице, был высоким и широким. Двери выходили прямо на общественный тротуар. Дом построили из стеклянных глыб, найденных первыми поселенцами по всей планете. Стены сложили из огромных, от метра до трех, синих и зеленых блоков разнообразной формы. Была даже одна ярко-красная глыба, почти в самом центре стены. Сквозь стекло тянулись извивающиеся спиралевидные тени, возможно, какие-то минеральные вкрапления, хотя в редких случаях, когда удавалось расколоть глыбу или размолоть ее (так чаще всего и делали, хоть это было непросто), внутри не находили ничего, кроме стекла. По вечерам свет проходил сквозь стены, и дом сиял. Даже днями казалось, что он слегка светится, особенно такими хмурыми и дождливыми.

Увидев знакомый яркий фасад, Ингрей поняла, как давно ей хотелось вернуться под крышу

родного дома. Хотя, с другой стороны, она была сбита с толку противоречивым чувством, словно дом, в котором она выросла, стал совсем чужим. Или она стала тут чужой. Дом изменился, цвета выгорели или тени стали извиваться по-другому, чем ей казалось в детстве? Или это все из-за того, что она вернулась без денег лишь с одной отчаянной надеждой стать хоть кем-то и еще немного побыть членом семьи Аскольд? Она прекратила размышлять над этим, потому что промокла и очень устала. Дверь распахнулась от ее прикосновения, и они вошли в просторный холл.

Тишина, только шум дождя снаружи и стук капель, падающих с одежды на янтарную плитку пола. Именно здесь, в холле, висели самые важные семейные раритеты. Представители древних кланов, такие как Этьят Будраким, находили это вульгарным и пошлым. Зато гости сразу понимали, в чей дом они пришли. У лестницы стояла скамейка, на которой можно было подождать, разглядывая белую стену, украшенную по верху борюдом из красных, синих и зеленых треугольников. На ней висели самые лучшие экземпляры мемораблилии — входные билеты на сессии Ассамблеи и праздники, проведенные десятки и даже сотни лет назад. Все они были напечатаны

изящным черным шрифтом на плотной бумаге с коричневой рамкой. А еще здесь висела целая радуга пригласительных голубого, желтого, розового и лилового цветов, с датами, именами предшественниц Нетано или ее прославленных друзей и родственников. Кроме того, имелась небольшая группа прямоугольников из черного холста с собственноручно написанными белой краской именами, витиеватым почерком или печатными буквами, в зависимости от способностей и настроения писавшего.

— Так-так, — пробормотало Гарал, стоя рядом. — Моя работа в личном ларии Аскольдов. Это достижение!

— Что? — изумленная Ингрей повернулась к нему, нахмурилась. — Твоя… На черном холсте?

Это были очень популярные раритеты двухсотлетней давности, они сильно отличались от остальных, предки так когда-то развлекались. Их довольно легко подделать при наличии нужных материалов, если при этом еще знать подходящие имена и иметь образцы почерка. Ей никогда не приходило это в голову до тех пор, пока она не познакомилась с Гарал.

— Нет. Хотя некоторые из них тоже могут быть поддельными. Нужно рассмотреть поближе.

— Тогда что… — Она запнулась. Им не следует вести такие разговоры. И вообще, это неважно. Лучше прямиком подняться наверх, в ее комнату. Там ванна и сухая одежда. Ее вещи вряд ли подойдут Гарал, потому что Ингрей среднего роста и слегка полновата, но нужно же его одеть. За ними по всему дому останутся мокрые следы: в фойе, на лестнице, в коридоре, ведущем в ее комнату. Ничего, мех все приберет. Не успела Ингрей об этом подумать, как в холл пробрался маленький серый мех. Скованно перебирая ногами, он сразу устремился к огромной луже, в которой они стояли. Ингрей это не понравилось, не хотелось, чтобы кто-то понял, что им довелось совершить не слишком приятную прогулку от транспортного узла до дома. Несомненно, слуги заметили, что кто-то пришел, и теперь в любой момент…

В холл вошел слуга. Бросил невозмутимый взгляд на лужу, над которой трудился мех, и сказал:

— Мисс Ингрей. Ваша мать в приемной.

Проклятье! Это не просто информация к размышлению, а скорее всего, прямой приказ из уст самой Нетано. Ингрей подавила тяжелый вздох.

— Благодарю.

Она посмотрела на молчаливое, сутулое, изуча-

ющее пол Гарал. Ингрей не собиралась представлять его Нетано, по крайней мере не сразу. Но если она пошлет его в свою комнату или попросит постоять в коридоре, то это может вызвать любопытство и привлечь лишнее внимание.

— Нужно поговорить с мамой. Надеюсь, разговор будет недолгим.

Ей ужасно хотелось добавить: «Будь осторожно, не привлекай к себе внимания». Если Нетано заметит Гарал, она наверняка начнет задавать вопросы, тут и сказке конец. Гарал промолчало, даже пальцем не шевельнуло в ответ, но последовало за ней, когда Ингрей пошла к двери приемной.

Передняя стена приемной была сделана из синего и зеленого стекла, а напротив двери, через которую они вошли, находилось окно во всю стену. За ним виднелся омытый дождем сад: покрытые мхом валуны, серебристые мокрые ивы, три каменные скамьи, клумбы с цветами, поникшими от дождя и поблекшими от пасмурной погоды. С остальных двух стен свисали гирлянды из грубого шелка, свитые из красных, желтых и зеленых лент. Нетано Аскольд, почти такая же высокая, как Гарал, и внушительно полнотелая, сидела на низкой мягкой скамеечке со спинкой.

Волосы Нетано, густые и темные — из таких шпильки уж никогда не выпадают, а уложенная прическа не рассыпается, — были убраны под ярко-желтую повязку, веером поднимающуюся над головой. Если Ингрей когда-нибудь и жалела, что она не родная дочь Нетано, так только из-за волос.

Нетано беседовала с двумя гостями, которых Ингрей никогда раньше не видела. Мужчина и женщина, одетые в самые обычные брюки и рубашки. Судя по бледной коже, ничем не примечательным лицам, акценту и особенно выдающемуся росту — жители Омкема, лежащего в двух шлюзах отсюда. Ингрей тут же вспомнила омкемца, который приходил в Службу для вновь прибывших, но эти двое ничуть на него не походили. Женщина сидела на скамеечке, мужчина расположился на полу, на подушках.

И, конечно же, здесь, как будто специально, чтобы засвидетельствовать крушение ее надежд, присутствовал ее братец. Он полулежал в широком кресле. Данак всегда был самым красивым из детей Нетано, высокий, статный, с мужественным широкоскулым лицом, с длин- ними густыми черными кудрями, которые росли очень быстро. Он всегда вел себя дерзко, уверенный, что

его внешность способна очаровать любого. Всех, но только не Ингрей!

— Ингрей! — воскликнула Нетано. — Где ты была все это время? Недя Лак спрашивало о тебе.

— Я путешествовала, мама.

Данак хмыкнул, но промолчал. Ингрей понадеялась, что ее беспокойство из-за того, что за спиной стоит Гарал, сочтут за смущение от того, что ей пришлось предстать в таком виде перед гостями в главной приемной.

— Странствуешь, да? — спросила омкемка. — Помню, как я когда-то странствовала! Какое чудесное приключение! Конечно, я была совсем юной и ни о чем не задумывалась: могла заснуть где попало или устроиться на какую-нибудь ужасную работу на пару недель, чтобы скопить на билет на маленький грузовой корабль. Боюсь, сейчас такие приключения быстро бы утратили свое очарование. — Она улыбнулась. — Но я рада, что поехала в путешествие, хотя понадобился месяц или даже больше, чтобы потом прийти в себя. Однако оно того стоит, да уж! Знаешь, я отправилась в Нилт. Очень хотелось увидеть знаменитые мосты! Они впечатляют гораздо больше, когда смотришь своими глазами, а не в записи. Никогда этого не забуду, до конца своих дней.

Оттуда я даже привезла с собой кое-что. Ты же знаешь, милая, странствуют с одной сумкой! Но кочевники, живущие там и пасущие стада бовов, делают ковры и одеяла с самыми прекрасными узорами на свете. Они сами прядут шерсть, ткут и окрашивают в необычайно нежные цвета. Я не могла противиться и приобрела ковер, хотя мне пришлось проработать пару лишних недель, чтобы купить билет домой.

Мужчина, сидевший у ее ног, смотрел куда-то вдаль. Как только женщина заговорила, он тут же стал разглядывать что-то перед собой, моргал, но молчал. Должно быть, они состояли в родстве. У омкемцев странные семейные традиции, они не могут называть имена некоторых родственников и напрямую разговаривать с ними. До недавних пор Федерация Омкем владычествовала над несколькими системами, они всегда снисходительно относились к Хвай, считая, что им не хватает культуры и изысканности, а хвайские Ассамблеи — это всего лишь одна планета и несколько станций. Среди хвайцев же во все времена большой популярностью пользовались анекдоты про омкемских туристов, которые не могут общаться друг с другом, потому что они родственники.

— Только подумай, какая ты счастливая, дорогуша, — продолжала женщина, полностью игнорируя своего спутника. — Тебе не нужно далеко ехать, чтобы посмотреть чудесные места! Со всей Вселенной люди слетаются сюда, чтобы увидеть то, что тебе кажется скучным.

— Да, светлость, — согласилась Ингрей, хотя опыт подсказывал ей, что только омкемцы восхищаются цветным стеклом. — Но мне стеклянные руины вовсе не кажутся скучными. Вы прилетели, чтобы полюбоваться ими?

— И не только, — ответила Нетано. — Они подали заявку на добычу стекла в заповеднике Эсвай.

— Всего стекла? — растерялась Ингрей. Она знала, что посетители из Федерации Омкем платили хорошие деньги за кусок стекла и тратили еще больше, чтобы доставить его домой. Но кроме окружного заповедника существовали и другие места для добычи. Стеклянные глыбы из Эсвай немного отличались от остальных. — Хотите забрать все разом?

— Нет, конечно. — Омкемка снисходительно улыбнулась. — Мы скорее ищем информацию, а не само стекло. Хотим разрешить конкретный вопрос и считаем, что знаем, где можно найти ответ, но для этого нам нужно провести очень

серьезные раскопки.

— Как интересно! — сказала Ингрей, пытаясь подавить озноб. — Очень рада познакомиться с вами. Мама, можно я пойду, иначе слуги расстроятся, потому что я запачкала весь пол в доме.

Она услышала, как хохотнул Данак, но даже не посмотрела на него. Решила, что лучше продолжать вести себя виновато и смущенно.

— От транспортного узла долго пришлось идти под дождем.

— Значит, вы только что спустились на подъемнике со станции? — спросил омкемец. — Гек видели?

— Я была уже на полпути вниз, когда в новостях передали, что они прибыли в нашу систему, — солгала Ингрей. — Не думаю, что там есть на что смотреть. Они не любят выходить из кораблей, так же как и не любят улетать со своей планеты.

— В какие времена мы живем! — воскликнул он. — Кто мог себе представить, что мы все это увидим? Радч в хаосе, и все-таки созывается новый конклав. И какой конклав! Помню, что началось, когда впервые обнаружили Рррррр. Это было лет тридцать — тридцать пять назад. Или даже сорок? Но это… это что-то!

Пока он говорил, омкемка смотрела в сторону,

делая вид, что мужчины нет в комнате и она его не слышит. Но она кривила губы, словно не одобряла его слов и хотела бы, чтобы он замолчал.

— Гек тоже прибыли с Тир Сииласа, — сказала Нетано. — Раньше они сюда не прилетали. Даже предста-вить себе не могу, зачем им это нужно, но, видимо, есть какая-то причина. Ингрей, милая, иди к себе и обсушись. — Она мельком поглядела на того, кто стоял за спиной приемной дочери, а затем снова сосредоточилась на ней. — Наши друзья погостят у нас несколько дней, так что свободных комнат нет. Твоему… другу придется пожить у тебя.

Сгорбившееся, уставившееся в пол Гарал выглядело совсем не привлекательно. Но это было как нельзя кстати, Ингрей убедилась в том, что Нетано не заметила его сходства с Палад, да и вообще не обращала особого внимания на промокшее и плохо одетое существо.

— Да, мама, — твердо сказала Ингрей. Вежливо кивнула Нетано и ее гостям, не удостоив Данака даже взглядом, и вышла из комнаты, надеясь, что Гарал последует за ней.

Комната Ингрей, далеко не самая большая в доме, имела собственную ванную, невероятно роскошную по сравнению с санузлом на корабле

капитана Уйсина, а еще здесь находилось окно, выходившее в дождливый сад. Гарал сидело на скамье у инкрустированного перламутром туалетного столика, одетое в лунги Ингрей. Ему пришлось дважды обернуть ткань вокруг бедер, кроме того, лунги было на несколько дюймов короче, чем требовала мода. Гарал пило шербет, разглядывая раритеты, висевшие на стене над столиком. Ингрей вдруг стало стыдно. В ее коллекции содержались лишь приглашения на вечеринки, которые не имели никакого значения для других, только для нее. Например, на ужин по случаю ее совершеннолетия. А еще несколько дешевых сувениров из тех мест, где она побывала, кричаще розовые или оранжевые куски стекла, пластика или дерева с названиями мест и датами; пара листьев и цветков, залитых прозрачной смолой; маленькая гирлянда, сделанная из дюжины сложенных и скрепленных между собой кусочков бумаги — подарок от подруги, которую она почти не помнила и не видела с тех пор, как стала жить у Нетано Аскольд. Гарал — эксперт, понимающий толк в раритетах. О чем оно думает, глядя на все это?

Да какая разница! Ингрей никогда не увлекалась коллекционированием, в отличие от

Данака. Она села на развернутый матрас, суша полотенцем концы волос, и напомнила себе, что есть более веские причины для волнения.

— Ты думаешь, — сказала она, положив полотенце на колени, — о том же, о чем и я?

Гарал оторвалось от разглядывания сувениров.

— А ты думаешь о том, какую взятку эти двое дали Нетано Аскольд, чтобы она помогла им получить разрешение на раскопки в заповеднике Эсвай?

Ингрей удивленно моргнула.

— Не совсем.

Она представляла себе, сколько это могло им стоить. По крайней мере, она точно знала, сколько Нетано потратит на прием гостей и на то, чтобы заставить омкемцев поверить, что она поможет им получить разрешение. Огромная куча денег. И вишенкой на торте она, вероятно, потребует долю от будущих продаж стеклянных глыб, которые они (или любой другой) захотят вывезти. Ингрей снова принялась вытирать волосы и сказала:

— Но ты право, взятка должна быть огромной. А вообще-то в последние пять-шесть лет Федерация Омкем уговаривает Ассамблеи Хвай позволить им провести свой военный флот через наш шлюз

в Бейт.

— Потому что шлюз Омкем — Бейт разрушен, а это был самый удобный путь в Тир.

— Да. Они хотят восстановить шлюз, но это возможно лишь в том случае, если они будут контролировать оба выхода — и в Омкеме, и в Бейте. У Федерации есть корабли, которые открывают собственные шлюзы, но, видимо, их не так много, чтобы вернуть Бейт. — Она положила полотенце на колени. — Омкем недоволен тем, что приходится пользоваться шлюзом Хвай, чтобы попасть в Тир.

— Кому такое понравится, — ответило Гарал. — И если бы я правил Тиром, то был бы очень рад тому, что шлюз Омкем — Бейт не работает. Может, Федерация Омкем уже и не такая огромная, как раньше, но они никогда не довольствовались просто возможностью перелетов. Они всегда хотели владеть шлюзами.

Или хотя бы управлять ими. У Омкема, в отличие от Бейта (или же как в данном случае — Хвая) не было общих шлюзов с Тиром. Если Федерация захочет получить доступ к Тиру, имеющему десятки шлюзов, без всяких ограничений, то им каким-то образом придется восстановить шлюз в Бейте.

— Думаю, мама на то и рассчитывает, принимая от них такой подарок.

Несомненно, сам факт передачи такой огромной суммы денег выглядит так, словно Федерация хочет заручиться политической поддержкой Нетано, независимо от того, что говорят на словах. Ингрей прожила в доме Нетано слишком долго, чтобы поверить, будто это лишь знак дружеского расположения.

— Все это довольно странно, — согласилось Гарал. — Но разве дело не идет к выборам? Она могла бы использовать деньги для выборов на пост пролокутора и победить. Или проиграть, если омкемцы потребуют слишком много услуг взамен, и тогда она сможет публично отречься от их захватнических амбиций и открытой попытки повлиять на внутренние дела Хвай. Мой… — Оно вдруг осеклось, а потом продолжило: — Вряд ли в этой системе есть хоть один политик, который не брал взяток от Федерации в той или иной форме. Возможно, Нетано рассчитывает именно на это или же думает, что попытка получить пост пролокутора того стоит.

Немного поразмыслив, Ингрей ответила:

— Но разве Федерация не понимает, что если она войдет в число четырех пролокуторов, то не

сможет сделать то, что они хотят, и при этом сохранить свой пост? Ей придется отречься от них, если они потребуют от нее чего-то существенного. Так что, возможно, эти люди прибыли сюда совсем не для того.

Только если Ингрей и права, эта сумма денег все равно вызовет подозрения у политических противников Нетано, которые смогут интерпретировать этот факт в свою пользу.

Гарал не успело ответить, открылась входная дверь, там стоял Данак с подносом в руке.

— Слуга собирался принести вам хлеба с сыром, чтобы вы не умерли от голода до ужина, а я сказал, что сделаю это сам, — неискренне улыбнулся он и поставил поднос на столик.

— Как мило, — ответила Ингрей столь же неискренне.

Данак уселся на пол, привалившись к столу, чтобы лишний раз продемонстрировать свой рост и широкие плечи. Знал, что он любимец Нетано, и, что он гораздо симпатичнее Ингрей, тоже знал. Улыбаясь, Данак заявил:

— Я бы спросил, сколько ты мне заплатишь, чтобы я не рассказывал Нетано о том, что ты сделала, но похоже, ты совсем на мели.

Старая знакомая игра. Ингрей улыбнулась еще

шире.

— Даже не подозревала, что я сделала нечто такое, о чем маме вообще хотелось бы узнать, — сладенько пропела она. — А если и так, то ты все равно рассказал бы ей об этом независимо от того, сколько я бы тебе заплатила.

— Ну, во-первых, ты соврала, что получила новость о Гек, когда была на полпути вниз, — начал Данак. — Я разговаривал с Оро, и он сказал, что встретил тебя на станции и ты выглядела просто ужасно. А еще он утверждает, что сам сообщил тебе о Гек, когда ты сошла с корабля, прибывшего с Тир Сииласа. Я знал, что ты собиралась домой. В компании с человеком, за чей билет ты заплатила. Я заинтересовался и проверил, кто это. Знаешь, Ингрей, если тебе нужны были фальшивые документы, лучше бы ты обратилась ко мне. Может, тот, кто их сделал, более-менее компетентен, но серьезную проверку они не выдержат. Еще до того, как вы вышли из подъемника, я уже знал, что Гарал Кет не существует. Все утро думал, ради кого такие жертвы? Даже хотел подвезти тебя из транспортного узла, но решил, что лучше не связываться. И выходит, что оказался прав!

Он поглядел на Гарал, уставившееся в чашку с шербетом.

— Что ты тут делаешь, Палад Будраким? Я думал, что мы от тебя окончательно избавились.

Гарал выпрямилось, расправило плечи. Слегка улыбнулось, и Ингрей вновь поразилась его сходству с Палад Будраким.

— Здравствуй, Данак. Хотелось бы сказать, что мне приятно тебя видеть, но ты все такая же мелкая злобная мразь. — Оно повернулось к Ингрей. — Еще на Тир Сии- ласе ты говорила, что мы никогда не встречались. Но это не так, просто мы встречались слишком давно. Помнишь свой первый выход в свет? Во время предвыборной кампании, там собрались все новостные службы, а тебя совсем недавно взяли из приюта. Ты была еще малышкой. А твой старший брат Данак втихаря щипал тебя, пытаясь довести до слез, чтобы ты опозорила и себя, и Нетано на глазах публики.

Пораженная Ингрей даже не знала, что сказать. Откуда Гарал это известно? Она никому не говорила. И никто из взрослых не заметил того, что делал Данак, они как раз обменивались приветствиями. Выходит, кто-то да заметил. И Гарал, или как его там на самом деле зовут, просто знает всякие мелочи, потому что изучал жизнь богатейших и известнейших кланов системы.

Именно такими мелочами и оперируют мошенники, подделывающие раритеты.

— Как твоя нога, Данак? — спросило Гарал. — Надеюсь, ты потом еще несколько дней хромал?

— Я тебя не помню, — сказала Ингрей.

— А я готов забыть прошлое, — отозвался Данак, взяв с подноса кусочек хлеба. — Если ты расскажешь мне, где лежат раритеты Будракимов.

Неужели все так просто? Ингрей представляла, что ей придется долго убеждать братца в том, что Гарал и есть Палад и что оно знает, где находятся раритеты. И надеяться, что Данак этим заинтересуется.

— Нет, Данак, — сказала она, вновь принимаясь сушить волосы, словно все происходящее ее нимало не волновало. — Не думаю.

— Ты все это время провело на Тир Сииласе, Палад? — спросил Данак, игнорируя сестру. — Представить не могу, чтобы они тебя и впрямь отправили в «Милосердное устранение», ты бы оттуда никогда не вышло. Значит, тебе каким-то образом удалось этого избежать. Наверняка стоило это очень дорого, видимо, ты заплатило часть денег, вырученных за украденные раритеты. И, вероятно, ты вернуло их, получив плату от моей сестры, если она, конечно, не потратила все свои

деньги и в придачу то, что ей не принадлежало, чтобы найти тебя.

Гарал молчало и загадочно улыбалось, попивая шербет.

— Каким бы ни был твой план, — продолжил Данак, — раритеты так или иначе должны в нем фигурировать. Ведь тебе больше нечего предложить. Вот именно. И где они? Возможно, ты продало их во внешние системы, потому что в Хвай таких дураков нет, сколько бы денег у них ни было и как бы сильно им ни хотелось их купить. Ты здесь, а значит, у тебя есть на то какие-то веские причины.

— Ты прав, — сказало Гарал. — Раритеты продать невозможно. Так зачем бы мне их красть?

— Чтобы насолить, — весело ответил Данак. Он куснул бутерброд, прожевал и проглотил. — Из протеста. Все твое будущее, со дня уиновления, заключалось в том, чтобы стать хранителем лария Будракимов. На твоем месте я бы мечтал сжечь этот ларий дотла. Хотя знаешь, я представлял себе наследника моего отца на этом месте, да и себя тоже. Думаю, у тебя было несколько способов, чтобы сделать это.

— Так почему же я его не сожгло? — спросило Гарал.

— Потому что ты не такое умное, каким себя считаешь, — ответил Данак. Говорил он ровно и без эмоций, словно о погоде или финальном счете вчерашней игры в кибол. — Да и Ингрей не слишком сообразительная. Казалось бы, после всех этих лет могла бы и поумнеть, но нет. — Он улыбнулся сестре. — Ты всерьез попала. Если хоть кто- нибудь узнает, что ты вытащила Палад Будраким из «Милосердного устранения», само собой, чисто теоретически, то даже мама не сможет тебе помочь. Если, конечно, предположить, что она вообще захочет тебе помогать.

Ингрей хотела сообщить братцу, что если он получит от нее плату за молчание или информацию, где хранятся украденные раритеты, то у него начнутся точно такие же проблемы, если кто-то об этом узнает. Но она прикусила губу, стараясь не выдать своих чувств, и продолжила сушить волосы.

— А с тобой будет покончено, Палад, — продолжил Данак, намазывая сыр на хлеб. — Тот, кто помог тебе избежать «Милосердного устранения», побоится огласки, так что ты останешься без поддержки.

— Не уверено, — сказало Гарал. — Как вообще можно будет обвинить меня в преступлениях

человека, который с юридической точки зрения уже умер?

Данак хрюкнул.

— Ты в самом деле тупое. Все, что нужно, — это сделать запрос в архив на подтверждение личности Палад Будраким и сравнить образцы ДНК. Так что документы на имя Гарал Кет не выдержат серьезной проверки.

Гарал немного подумало о словах Данака.

— Хорошо. — Оно поставило чашку на столик. — Вижу, ты все продумал. Похоже, у нас нет другого выбора, придется все тебе рассказать.

— Нет! — воскликнула Ингрей. Тревога в ее голосе была настоящей. События развивались слишком быстро, и она хотела все сначала обсудить с Гарал. — Нет, не надо!

— Прости, Ингрей. Ты хорошая, и я благодарно за то, что ты мне помогла, но в «Милосердное устранение» я не вернусь. Все гораздо сложнее, чем мы рассчитывали. — Оно вновь повернулось к Данаку. — Настоящие раритеты находятся в заповеднике Эсвай.

Ингрей едва не расхохоталась. «Ты думаешь о том же, о чем и я?» — взглядом спросила она и прочитала в глазах Гарал утвердительный ответ. Она еще крепче прикусила губу и нахмурилась,

чтобы не рассмеяться.

Данак на нее не смотрел. Его немигающий взгляд был обращен на Гарал.

— Ты серьезно? Зачем прятать их там?

— Там они защищены, — ответило Гарал. — Без разрешения никто не станет там копать. И потом, это же Арсамол, округ Нетано.

— Значит, если кто-то найдет их там, то все будет выглядеть так, словно это сделала она? — догадался Данак. — Либо если кто-то их найдет, то обязательно сообщит ей, а она сможет использовать их против твоего отца?

— Думай как хочешь.

— Боги загробные! — воскликнул Данак и бросил хлеб на стол. — Ты надо мной издеваешься? — Он ткнул пальцем в пол. — Наши гости обещали пожертвовать большую сумму в ее фонд, такую большую, что ее хватит на кампанию по выдвижению на пост пролокутора. А Нетано, по чистой случайности, подписывает их заявку на добычу стекла в заповеднике Эсвай. Это огромный проект, и они неприлично богаты, а значит, они наймут копателей. Только вот автоматизированных мехов на раскопках они использовать не хотят, это как-то связано со слоями почвы, как мне сказали. По-моему, смысла в этом никакого.

Но дело в том, что по всей территории заповедника будут ходить толпы механиков-пилотов. Пройдет несколько месяцев, прежде чем работа начнется, если, конечно, мама сможет протащить это решение через комитеты. В любом случае им придется проводить предварительную разведку. Эти двое завтра собираются ехать на место. Предположим, они заметят участок, где земля была потревожена, раскопана и закопана, потому что именно такие места они и будут искать. А ко всему прочему, Нетано ищет возможность выйти из Окружного совета. Она всерьез задумалась об этом почти сразу, как Ингрей улетела на Тир Сиилас, а такая большая сумма денег еще быстрее подстегнет ее. Чертовы вознесшиеся святые угодники! Нам нужно добраться до раритетов раньше них. Где точно они находятся?

— Не знаю, — сказало Гарал. — Я не думало их забирать оттуда, поэтому не уделяло месту особого внимания.

Данак уставился на него:

— Мне следует просто сдать тебя властям.

Ингрей, старательно хмурившая брови в течение всего разговора, бросила полотенце и скрестила руки на груди.

— Я сдам вас обоих. Думаешь, кто-нибудь под-

пишет им разрешение после того, как все узнают, где находятся эти раритеты?

Данак и Гарал повернулись к ней.

— Мы заключили с тобой сделку, Гарал, — сказала она.

— Когда мы ее заключили, мы еще не знали о том, что кто-то собирается добывать там стекло.

— Ты нас не сдашь, — презрительно бросил Данак и повернулся к Гарал: — Она скоро остынет, а тебе лучше вспомнить, куда ты упрятало раритеты.

Данак моргнул, уставившись на несколько секунд в пустоту, а затем вновь посмотрел на них.

— А мне пора готовиться к вечеринке. Сегодня Токрис Итеста выбирает имя.

— Что? — Ингрей тут же позабыла, что должна изображать гнев. — Окрис наконец-то сделала выбор?

Окрис была ровесницей Ингрей, тихим ребенком, избегающим больших компаний. Ингрей она нравилась, но с тех пор, как она сама выбрала свое взрослое имя, она редко виделась с Окрис и почти забыла о ней.

Данак хохотнул.

— Я думал, оно, простите, она никогда этого не сделает. Никогда не решится, так и останется

ребенком, всю свою жизнь будет играть в полицейских и бандитов. А что? Пока богатое недитель тебя содержит, можно делать что хочешь. Только я слышал, будто ее недитель пригрозило, что перестанет выдавать деньги на карманные расходы, если она наконец-то не определится. Честно говоря, большинство друзей давно отвернулись от нее. Я бы и сам не пошел, просто у нее очень богатое недитель, а мама думает выдвигаться на пост пролокутора. Так что деваться некуда. — Он встал. — Завтра утром поговорим.

И ушел.

Ингрей посмотрела на молчавшее Гарал.

— Ну, — сказала она, немного волнуясь, что слуги или Данак могут подслушать их. — Видимо, тут уж ничего не поделать. Но остались… финансовые вопросы.

Данак заглотил наживку, и крючок, и леску — все целиком, она такого даже не ожидала, и произошло это гораздо быстрее. Но получить от него деньги при таком раскладе не представлялось возможным.

— Не беспокойся, — беспечно ответило Гарал. — Мы что-нибудь придумаем. Раз уж твоей матери не будет дома, может, поужинаем прямо здесь? Стоит изучить кое-какие карты и изобра-

жения. Посмотрим, вдруг я смогу… что-нибудь вспомнить.

— Увы! — сказала Ингрей, просматривая домашнее расписание. — Гости Нетано на вечеринку не пойдут. Завтра утром они встанут рано, чтобы добраться до заповедника Эсвай. Возможно, они тоже захотят поужинать у себя в комнате, а может быть, и нет. Так что я скажу слугам, чтобы подавали ужин в обычное время, примерно через полтора часа. После этого мы спустимся в гостиную. Можем поиграть в фишки.

— Похоже, будет весело, — с серьезной миной отозвалось Гарал.

Глава 6

Заповедник Эсвай находился примерно в часе езды от дома Нетано. Землей когда-то владел один из ее предшественников по Ассамблее, и много лет тому назад он пожертвовал ее жителям округа. Обширная холмистая местность, заросшая дикими травами и деревьями; ручьи, сбегавшие вдоль выходящих на поверхность стеклянных жил, впадали в реку Йог. Весь заповедник был усыпан огромными валунами и россыпями цветного стекла, люди верили, что даже холмы здесь состоят из него. В большей части парка стеклянные обломки скрывались под обычной землей. Не слишком удобное место для домов или сельскохозяйственных угодий, поэтому его отвели под национальный парк.

Пару лет назад Ингрей приезжала сюда на фотосессию. В то время Нетано среди прочих решений протолкнула резолюцию о восстановлении туристических маршрутов в заповеднике, поэтому их семью пригласили сюда на открытие. Чистенькие, опрятные, они улыбались на фоне главной достопримечательности заповедника

— горы из стеклянных валунов, красных, синих, желтых и зеленых, самой невероятной формы, некоторые больше десяти метров в длину. Один склон, спускавшийся к реке, состоял из валунов, пластин и скрученных арок цветного стекла. На остальной части холма росла трава, а на самой вершине — пучковые деревья.

В честь открытия изготовили специальный общественный раритет из гладкого куска базальта, лежащего в подножии холма прямо у тропы, на нем стояла дата принятия резолюции.

Омытое вчерашним дождем небо было голубым и безоблачным, день выдался ярким и теплым. Весна почти закончилась, и пучковые деревья уже отцвели, хотя серые шелковистые пучки все еще валялись в траве.

Ингрей никогда не интересовалась стеклянными руинами так, как омкемцы. Но именно это стекло на холме считалось самой известной достопримечательностью Арсамола, откуда она была родом. Поэтому мысль о том, что какие-то мехи станут выкапывать его…

— Вы же не собираетесь его разрушать? Этот холм? — спросила она у чужестранки. Женщину звали Зат, всю дорогу, пока они ехали сюда в машине, и потом, когда шли по тропинкам

заповедника, она пребывала в приподнятом настроении.

— Нет, конечно! — ответила Зат.

Ее спутник шел рядом, на полшага позади. Ингрей спросила, как его зовут, и он представился Хевомом. Зат никогда не звала его по имени и не обращалась к нему напрямую.

— Как бы я хотела раскопать его! Получить подтверждение своим гипотезам либо опровергнуть их. Да, такая вероятность тоже существует. Возможно, то, что я обнаружу здесь, поможет убедить других, и они поддержат исследования холма. Но сейчас он вне пределов досягаемости. Хотя даже по фотографиям можно прийти к определенным заключениям. Может быть, я и без раскопок смогу многое узнать.

— А вы его еще не фотографировали? — спросило стоявшее рядом Гарал, одетое в бело-зеленую рубашку и короткие, не доходящие до лодыжек брюки, висевшие мешком. Обуви, которая бы ему подошла, Ингрей найти не удалось, и оно шло босиком. Гарал сказало, что это неважно, не жаловалось и как будто совсем не испытывало неудобства во время утренней прогулки. На плече оно несло свою черную сумку, хотя Ингрей даже представить себе не могла, зачем она ему.

— Простите меня, светлость, — продолжило Гарал по-йиирски. Все утро они общались именно на этом языке. — Я мало знаю о подобных исследованиях, но, насколько понимаю, обычно их начинают с осмотра или фотографирования. Чтобы найти указания, что находится в недрах и в каком количестве.

Зат просияла, радуясь его интересу.

— Да, вы правы. Именно так и надо начинать, с осмотра. С фотографирования и… как это… с прогулки. Обычно я запускаю на разведку несколько мехов, а затем просматриваю сделанные ими записи. Но вы же понимаете, что Ассамблеям не понравится, если чужие мехи займутся аэрофотосъемкой вашей планеты или станут прочесывать заповедник. И толпы чужих студентов, прилетевших полюбоваться красотами, им тоже не понравятся. Будем полагаться на то, что удастся увидеть нам с малышом Уто. — Она показала на ярко-розового квадратного меха, шагающего рядом на гибких тонких ногах. — Надеюсь, со временем я доберусь до материалов ваших ученых, хотя рассчитывать на это нельзя, так что придется планировать без их учета. Получив разрешение, мы наймем людей для разведки и раскопок здесь, на Хвай. А пока есть только мы. —

Не обращая внимания на Хевома, она взглянула на розового малыша Уто.

— Вы и впрямь думаете, что здесь когда-то был город? — спросила Ингрей. Вчера вечером за ужином Зат объяснила им, что ищет и почему надеется провести раскопки. — Считаете, это руины жилых домов?

— Здесь много чего. — Женщина кивнула в сторону склона, усыпанного огромными стеклянными блоками. — Доказать этого я пока не могу, но думаю, что холмы были созданы намеренно. Храмы, дворцы, сокровищницы. Только представьте, что может веками скрываться в них.

— А разве не странно, что когда-то тут был город, а сейчас его нет? — возразило Гарал. — Разве обычно города не строят на старых развалинах или где-то поблизости?

— Скорее всего, это нечеловеческие города, — вклинилась Ингрей. — Стеклянные руины находили с тех самых пор, когда первые люди обнаружили планету.

— Неужели? — сказала Зат. — Вряд ли. Люди могли прилететь сюда раньше, чем мы думаем. Я в этом почти уверена.

— Вряд ли намного раньше, — выпалила Ингрей и тут же сообразила, что стоило промолчать.

Зат все-таки гостья Нетано, которая может принести ей финансовую выгоду. — То есть я хотела сказать, мы же понимаем, сколько времени им бы на это понадобилось.

Очень-очень много времени, потому что тогда еще не строили межсистемных шлюзов.

— Да и атмосфера на планете, когда первые люди здесь высадились, не была приспособлена для дыхания.

Кажется, ее наставник говорил, что до начала терраформирования атмосфера была слишком тонкой и состояла в основном из двуокиси углерода и серы.

— Так говорят официальные историки, — возразила Зат. — А что, если они ошибаются? Что, если место, которое историки считают колыбелью человечества, таковым не является? Или если люди покинули родной мир намного раньше, чем считает официальная наука?

Ингрей не уделяла особого внимания урокам по древней истории.

— Полагаю, это бы многое изменило, — согласилась она. — Но… при всем моем уважении, светлость, зачем вам столько проблем? Я, конечно, понимаю, что хочется знать, как оно было, и понимаю, что вы идете на определенные лише-

ния, чтобы узнать. Но зачем прилагать столько усилий ради ответа на один-единственный вопрос?

Зат все еще улыбалась.

— Большинство хвайцев думают так же. Даже твою достопочтенную мать, по-моему, заботят лишь пожертвования в фонд выборов. При всем моем уважении, светлость, но я тоже этого не понимаю. Вы живете посреди такого великолепия. — Она показала руками на заповедник и стеклянные руины. — И совсем им не интересуетесь! Только иногда используете стекло в строительстве. Полы в доме одного из Основателей выложены ужасной, уродливой и потрескавшейся плиткой, которой не больше трехсот лет, а вы считаете ее настоящим сокровищем и спорите о ней с пеной у рта. Даже сейчас я вижу выражение твоего лица. Уверена, настоящая красота не сможет оставить вас безучастными, и когда-нибудь вы осознаете, что лишь через прошлое можно понять, кто мы.

— Тогда, светлость, — сказало Гарал, — кто вы такие, если считаете, что стеклянные руины остались после людей, покинувших родной мир на тысячи лет раньше, чем все полагают? И почему это так много значит для вас, раз вы так стреми-

тесь найти доказательства?

Хевом рассмеялся. Ингрей удивилась, потому что он молчал всю поездку.

— Быстро соображаешь, очень быстро, — сказал он.

Зат нахмурилась, как обычно игнорируя Хевома. Но она не выглядела обиженной, скорее, размышляла, как ответить.

— Я верю, — твердо сказала она, — что первые поселенцы пришли на Омкем с Хвай. К тому времени, как сюда прибыли ваши предки, от моих предков здесь остались лишь руины.

— То есть вы ближе к источнику происхождения человечества, чем мы, — сделало вывод Гарал, в его голосе не было ни капли сарказма. — При всем моем уважении, естественно. Я лишь пытаюсь соотнести факты. А не получится ли так, что вы, как потомки первых настоящих хвайцев, пожелаете вмешаться во внутренние дела Хвай? А? Думаю, некоторые члены Федерации Омкем были бы не прочь заполучить контроль над шлюзами. По крайней мере, они хотели бы, чтобы военный флот Федерации смог беспрепятственно проходить сквозь шлюз Хвай — Бейт, чтобы Омкем вернул прежнюю власть в Бейте и восстановил шлюз. До того как Бейт восстал, им

было намного проще добираться до Тира.

— Это не повстанцы, а террористы! — отозвался Хевом с едва уловимыми нотками гнева и нетерпения в голосе.

Зат, как всегда, не глядя спутника, сказала:

— Я не политик. Меня интересует лишь знание, я жажду истины. Все остальное, — она махнула рукой, — все это неважно. Но я и не ждала, что вы меня поймете.

Гарал не ответило. Ингрей, выросшая в доме политика, широко улыбнулась:

— Все это очень увлекательно! Конечно, истина важна. Благодарю вас, светлость, за то, что так терпеливо ответили на наши вопросы.

— Конечно, светлость! — ответила Зат. — Я помню, что работник заповедника, отвечающий за безопасность, предупреждал, чтобы мы не карабкались на валуны, и назвал несколько серьезных причин, но посмотрим, не сможет ли малыш Уто сделать для меня пару детальных снимков. Правилами заповедника это, кажется, не запрещено.

Она пошла по траве к склону холма, маленький розовый мех побежал за ней.

Хевом остался на месте. Он молча наблюдал за ней, а затем на удивление ядовито сказал:

— Пустая трата времени. У нас так много важных проблем, а мы занимаемся чепухой.

— Зачем же вы приехали? — спросила Ингрей.

— У меня не было выбора. Когда ты всего лишь бедный младший двоюродный брат, сородич дочери сестры, то отказаться невозможно.

Ингрей задалась вопросом, почему Зат взяла с собой обиженного младшего двоюродного брата, который не мог ничего ей сказать, да и вообще вряд ли имел право говорить с ней напрямую? Но, прежде чем она успела спросить, Хевом продолжил:

— Человек с пожизненным местом в Директорате, полученным по наследству, да еще и с приличными деньгами может сильно повлиять на приоритеты Директората.

Ингрей предположила, что он говорит не в общем, а конкретно о Зат, хотя и не может упоминать ее имя.

— Директорат тратит уйму времени на рассуждения о древней истории и способах финансирования подобных экспедиций. Но разве они уделяют внимание… — Он запнулся, словно не знал, как лучше сформулировать. — Разве они думают о том, чтобы послать наших представителей в конклав? — Хевом фыркнул с отвращением

и продолжил: — Лучше бы я остался дома, решая более насущные вопросы. Мы не можем позволить радчааи голосовать за всех людей! Они будут против того, чтобы ИИ подписали межрасовое соглашение, но мы считаем, что их необходимо принять!

— Не знаю, — сказала Ингрей, наблюдая, как маленький розовый мех взбирается на огромный стеклянный валун. Зат уже поднялась на вершину холма и уселась в тени пучковых деревьев. — Что, если в этом и заключается уловка радчааи? ИИ — это их собственные корабли и станции, которые они построили и запрограммировали. Их невозможно отделить от космоса радчааи. — Именно из-за этого радчааи так все и боялись. — Если их примут как равноправного участника межрасового соглашения, то, возможно, вместо одного голоса в конклаве радчааи получат два.

— Я бы согласился с вами, — сказал Хевом. — Только невозможно игнорировать тот факт, что радчааи воюют между собой. Одних новостей с Атхоека хватает, чтобы это понять. Анаандер Мианнаи разрывает саму себя, она утратила контроль над искусственным интеллектом, по крайней мере над некоторыми из них. Не думаю,

что это обман, такой цели можно было бы достичь и другими, менее разрушительными способами.

— Воззвать к совести, например, — предложило Гарал. — Потребовать признания от конклава вместо того, чтобы так унижаться. Если ИИ примут в договор, то это взорвет Радч изнутри.

— Сама идея Радча станет бессмысленной, — согласился Хевом.

— А как же независимые *ИИ*? — возразила Ингрей. — Независимые боевые корабли, управляемые ИИ?

— Согласно договору они не могут вторгаться в наши пределы, — заметил Хевом. — Если конклав откажется признать их, то радчааи потеряют над ними контроль…

— Похоже, что так уже и случилось, хотя бы частично, — закончила его мысль Ингрей. — Да, понимаю. Если смотреть с такой точки зрения, то лучше не позволять машинам подписывать соглашение.

От одной только мысли холодок побежал по спине.

— По возможности все человеческие правительства должны послать своих представителей в конклав, чтобы переводчик Сеймет Мианнаи говорил от лица всех людей, а не только радча-

аи, — решительно и сердито сказал Хевом. — А мы тратим деньги и время на раскопки. Простите, светлости, но этот вопрос меня очень сильно расстраивает. И конечно же, я не могу высказать свое мнение так, как хотелось бы.

— Мы вас отлично понимаем, — ответила Ингрей, хотя на самом деле так и не разобралась, что он имел в виду.

— Ладно, — гневно сказал Хевом. — Простите меня, светлости. Пойду исследую ту область, где стекло соприкасается с водой.

— Откуда он знает, что ему нужно делать, если Зат никогда не разговаривает с ним? — спросило Гарал, когда Хевом спустился к берегу реки. — Она даже никогда не смотрит на него.

— Думаю, никто не понимает омкемцев, кроме самих омкемцев, — ответила Ингрей. Большинство ее знакомых омкемцев казались вполне нормальными, если не обращать внимания на некоторые странности.

— Воистину так, — отозвалось Гарал. — Почему бы нам тоже не прогуляться и не поглядеть вокруг? Возможно, нам стоит приметить, в каких местах больше всего заинтересованы наши омкемские гости.

— Вряд ли ты сможешь заявить, что зарыло

раритеты на холме, — сказала Ингрей, махнув в сторону массивных разноцветных валунов на склоне. — Там копать невозможно, а тем более потом забыть, куда ты их спрятал.

— Скорее всего, нет. Но вот где-то поблизости… Именно эти места интересуют омкемцев. Давай пройдемся и поглядим, куда они сунут свой нос.

Около часа или двух Ингрей с Гарал прогуливались по тропе вдоль реки, петляли меж стеклянных валунов на холме, бродили по высокой траве. Хевом вышагивал по берегу, иногда наклонялся и мыл руки в воде или рассматривал что-то под ногами. Несмотря на нависающий склон, он почти все время оставался у них на виду. Зат сидела на вершине, прислонясь к тонкому пучковому дереву. Ее маленький ярко-розовый мех то и дело мелькал меж стеклянных обломков, забирался раз или два на валуны и возвращался к хозяйке, потом снова бежал к камням, блестя розовыми боками па фоне синего, фиолетового, желтого, красного и зеленого стекла.

Постепенно тропа вернула Ингрей с Гарал обратно к базальтовому памятнику. Хевом увидел их и пошел в ту сторону.

— Ладно, — тихо сказала Ингрей. — Пусть мы не нашли подходящего места, но это был отлич-

ный день.

Греясь на солнышке, она наконец-то расслабилась, что ей ни разу не удавалось за долгие недели, проведенные на станции и кораблях. Она понятия не имела, что так сильно скучала по солнцу, ветру и открытым пространствам.

— Я тут подумало, — тихо сказало Гарал, хотя Хевом все еще находился вне зоны слышимости. — У нас может все получиться с холмом. Могу сказать, что было темно, и я торопилось. Или… — оно мельком поглядело на Хевома, — что я бросило их в реку.

— О!

Отличная мысль, только не совсем стыкуется с тем, что они уже рассказали Данаку.

— Думаю, ты могло бы сказать, что просто забыло упомянуть эту деталь и точно не помнишь, куда именно выкинуло их. — Ингрей немного подумала. — Надо узнать, почему их так интересует река. Если они собираются вытаскивать что-то со дна, мы можем прибавить это к нашему рассказу.

— Там наверху что-нибудь происходит? — спросил Хевом, подходя к ним. До Ингрей не сразу дошло, что он интересуется, не подавала ли Зат им какого-нибудь сигнала.

— Ничего особенного. — Она глянула наверх.

Зат все еще сидела у пучкового дерева, за все утро она так и не сдвинулась с места. Ингрей составила краткое сообщение для Зат и отправила его. Никакого ответа, фигура на вершине холма даже не шевельнулась.

— Может, она уснула?

— Вряд ли, — сказал Хевом. — Автоматические способности Уто ограничены. Когда я его видел, им, несомненно, управляли.

— А как давно вы его видели?

— Где-то полчаса назад, — ответил он. — Досадно. Слуги собрали нам еды на обед, но поесть я пока не могу.

Без разрешения Зат или раньше нее, поняла Ингрей. И сказать об этом Зат он тоже не мог.

— Мы с Гарал можем достать нашу еду, и тогда вы объясните, что отказываться было невежливо, — предложила Ингрей.

— Боюсь, что даже в этом случае я бы не смог поесть, — сердито вздохнул он.

— Тогда мы не будем ставить вас в неловкое положение, — сказала она, хотя теперь и сама уже была не прочь пообедать.

Не его вина, что он родился омкемцем, младшим двоюродным братом и сородичем Зат, что

бы это слово ни значило. На Ингрей запреты Зат, само собой, не распространялись, и она могла бы пойти и поговорить с ней, даже предложить пообедать. Она поглядела на вершину холма, где Зат просидела последние два часа. Нужно все- таки подняться и сказать ей хоть что-нибудь.

— Ты посмотри, — заметило Гарал. — Твой брат решил осчастливить нас своим присутствием.

Ингрей и Хевом оглянулись и увидели, как Данак медленно идет к ним по тропе.

— Ты выглядишь уставшим, — мило сказала Ингрей, когда он подошел. — Плохо спал?

— Иди на хрен! — ответил братец, улыбаясь почти искренне. Выругался по-бантийски, чтобы Хевом не понял.

— Ты так мирно спал, когда мы уехали, — сказало Гарал по-йиирски. — Ты вчера поздно вернулся, поэтому мы и не стали будить тебя.

Данак посмотрел на Ингрей, потом на Гарал.

— По доброте душевной, ага, конечно. — Он теперь говорил по-йиирски. — Нашли, что искали?

В голосе сквозили угрожающие нотки. Ингрей была уверена, что Гарал их тоже услышало, но Хевом ничего не понял.

— Конечно нет, светлость! Чтобы найти то, что мы ищем, потребуется не один день, — немного

раздраженно ответило оно.

— Мы сузили место поиска, — сказала Ингрей по-бантийски, а затем добавила по-йиирски: — Я собиралась подняться на холм и спросить, не хочет ли светлость Зат пообедать.

Данак хмыкнул.

— Вы оставили обед в машине. Обратно я не пойду.

Он уселся на траву, скрестив ноги. Данак регулярно ходил в спортзал, так что, должно быть, прошлая ночка удалась на славу, а еще он откровенно злился на них.

— А тебе не пришло в голову, что светлость Зат можно послать сообщение вместо того, чтобы переться на холм? — спросил он. — Или пообедать без нее?

— Она не отвечает на послания. — Ингрей изо всех сил пыталась скрыть раздражение. — И вообще, обедать без нее — невежливо.

Данак это понимал. Ингрей посмотрела на спутников, лицо Гарал, как всегда, ничего не выражало, Хевом хмурился.

— Пойду наверх и разбужу ее, — сказала она.

Морщины на лбу омкемца разгладились.

— Благодарю вас, светлость.

С вершины холма Ингрей могла разглядеть

всю территорию заповедника, по которой они топали последние два часа, траву, тропы, Данака, сидящего на земле, Гарал, беседующее с ним. Хевом уставился на яркую серебристую ленту реки, которая извивалась и бурлила вокруг глыб цветного стекла.

Зат даже не пошевелилась. Наверное, все-таки уснула. Ингрей видела ее правое плечо и руку, лежащую на земле, ноги были вытянуты.

— Светлость, — позвала Ингрей. — Светлость Зат.

Никакого ответа. Ингрей подошла к дереву, заглянула женщине в лицо и не сразу все поняла. Зат сидела, закрыв глаза, голова ее покоилась на тонкой коре пучкового дерева. Что-то темнело в уголке рта, и Ингрей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это кровь. Широкое темное пятно на рубашке тоже, видимо, кровь.

Грудь Зат не вздымалась под окровавленной рубашкой, и Ингрей никак не могла сообразить, что ей теперь делать, если это правда и Зат не дышит. Но такого же быть не может! Наверное, она ошиблась.

— Светлость Зат, — снова позвала Ингрей.

Шагнула еще ближе. С дерева упал плоский пустой стручок, слегка коснувшись щеки женщины,

он приземлился прямо на темное пятно на рубашке. Ингрей вдруг затошнило от ужаса, она сделала глубокий вдох и сглотнула слюну осторожно, чтобы не вывернуло наизнанку. Она посмотрела вниз, туда, где ее ждали Гарал и Данак. Хевом все еще глядел на реку. Ей придется рассказать им, что случилось. А что потом? Нужно сообщить в Службу планетарной безопасности. Они обо всем позаботятся, уж они-то знают, что делать. Но она все никак не могла придумать, что им написать, и решила просто спуститься с холма. Может, когда она доберется до подножья, слова найдутся и она им расскажет, что Зат, гостья ее матери, несколько часов сидела неподвижно и не отвечала на сообщения, потому что умерла.

Глава 7

Офис службы безопасности заповедника в основном исполнял функции туристического центра. Здесь находились туалеты, автоматы с едой, продававшие бобовые крекеры, жареных цикад трех разных вкусов, молочные сласти, и автомат по производству различных сувениров. Кабинет работника, отвечавшего за безопасность, размещался в дальней комнате. Ингрей полагала, что там же наверняка находится и камера для задержанных нарушителей.

Ингрей, Гарал, Данак и Хевом сидели в большой комнате, которую работники заповедника, скорее всего, использовали для собраний и отдыха, потому что здесь стояли широкие столы и скамьи, окон не было, а стены украшали синие, коричневые и желтые зигзаги. Напротив двери на стене висели инструкции и объявления, распечатанные на пластиковых листах, чтобы их можно было прочитать, даже не имея средств связи, а под ними на потертой деревянной полке стояли разнокалиберные чашки и наполовину пустая бутылка с перцовым соусом.

— Нам уже можно поехать домой? — спросил Данак, как только их препроводили в комнату, и тут же получил многословный отказ, сдобренный извинениями. — Я сообщу матери, — с угрожающими нотками в голосе сказал он.

Работник, отвечавший за безопасность, заявил, что это его право, но отпустить их отказался. Прошло уже несколько часов, а Нетано так и не ответила. Ингрей и Данак оба получили сообщение от начальника штаба Нетано, который по совместительству был их недей и начальником Ингрей, если ее, конечно, еще не выгнали с работы. Он просил их проявить терпение, ждать, сколько нужно, и оказывать содействие Службе планетарной безопасности. Получив это сообщение, Данак помрачнел и сердито замолчал. Но, по правде говоря, Ингрей считала, что присутствие Нетано или кого-то из ее сотрудников мало что изменит. Если бы это было незначительное событие, мать, несомненно, уже заставила бы Службу планетарной безопасности отпустить детей, убийство же — совсем другое дело. Особенно если учитывать, что Нетано собиралась снова участвовать в выборах на пост пролокутора. Ингрей подозревала, что и Данак держится не столь шумно и агрессивно, как обычно, потому

что понимает, что подобное поведение членам семьи Нетано на будущих выборах не простят.

Так они и остались в комнате, ожидая, когда Служба планетарной безопасности отпустит их домой. Данак дулся, Хевом, пораженный случившимся, смотрел в пустоту, так и не прикоснувшись к обеду, который офицер принес им из машины. Гарал же, казалось, ни о чем не беспокоилось. Оно съело свой обед и тихо сидело в уголочке, читая объявления. Еще бы, оно же привыкло находиться в компании убийц и прочих преступников.

Дверь открылась, и Данак с Ингрей тут же обернулись. Остальные двое даже не пошевелились. В комнату вошло высокое, широкоплечее неино в зеленовато-золотой куртке и лунги, заместитель начальника Службы планетарной безопасности.

— Добрый вечер, — сказало оно по-йиирски с сильным акцентом. Наверное, специально не говорило по-бантийски, чтобы Хевом мог понять. Этот язык, пусть и не в совершенстве, знали все образованные хвайцы, хотя, судя по выговору, заместитель не могло похвастаться хорошим образованием. Оно говорило так, словно родилось не здесь, а в округе Лим. — Прошу прощения, что вам так долго пришлось ждать. Я — Чебан

Верет, заместитель начальника по тяжким преступлениям. А это… — Он указал на невысокую худощавую особу, стоявшую рядом, в такой же форме, только на размер больше и в темно-зеленую полоску. Такой формы Ингрей раньше не видела. — Это мой помощник Токрис Итеста.

Данак горько рассмеялся:

— Токрис, а я-то уж решил, что ты ушла со вчерашней вечеринки, потому что заскучала.

— Я же говорила, что мне утром на работу, — сказала Токрис. — Здравствуй, Ингрей.

— Здравствуй, Токрис. — Ингрей едва не произнесла ее детское имя. — Прости, я слишком поздно вернулась домой и не успела поздравить тебя как полагается.

Она не стала уточнять, с чем собиралась ее поздравить. Ингрей выбрала себе взрослое имя, когда ей не было еще и двадцати, как и большинство ее знакомых. Токрис исполнилось почти двадцать пять, с решением оно, то есть она затянула дольше, чем принято, так что Ингрей решила не ставить ее в неловкое положение.

Токрис слегка улыбнулась.

— Спасибо.

— Светлости, — обратилось ко всем заместитель Верет, выдержав паузу. — Вы уже рассказали

работникам заповедника обо всем, что делали утром и после обеда, и я благодарю вас. Я хочу лишь задать несколько дополнительных вопросов, после этого вас отпустят. Начнем со светлости Гарал Кет. Или лучше сказать — Палад Будраким?

Гарал улыбнулось. По-настоящему, а не просто скривило уголок рта, как обычно.

— Прости, Ингрей, — сказало оно. — Ты хорошая девочка, особенно для Аскольдов. Я не собиралось тебе лгать, но у меня не было другого выхода. — Оно посмотрело на заместителя. — Она ничего не знала. Мы встретились на Тир Сииласе, я придумало трогательную историю, и она помогла мне вернуться на Хвай. Хорошая девочка, как я и сказало.

— Откуда ей было знать? — кивнуло заместитель Верет. — Я и само не поверило бы, если б не доказательства. Как ты выбралось из «Милосердного устранения»?

— Это же очевидно, я никогда там не было, — спокойно сказало Гарал, вернее, Палад. Лгало оно очень убедительно. — Я не собиралось возвращаться. По крайней мере, сначала. Но решило рассказать всему Хвай о том, что сделало *с* гарседдианскими раритетами.

Если оно и правда Палад, то оно точно знало, что сделало с ними. Оно знало все это время, пока они прикидывали места и обсуждали, что сказать Данаку. Ингрей попыталась ухватиться за эту мысль.

— Хорошо, — сказало заместитель. — Все может быть. Но на данный момент меня больше беспокоит убийство светлости Зат. Довольно трудно понять, что там произошло. Ни один человек из находившихся в заповеднике в радиусе километра не имел особых причин желать ей смерти. Так я думало, пока не всплыло твое имя.

— Но мы все это время провели вместе! — возразила Ингрей. Ей казалось, что все вокруг зыбко и нереально, даже скамейка, на которой она сидела. — Мы оба видели, как Зат поднялась на холм. Я ни разу не выпускала Гарал из поля зрения до тех пор, пока сама не забралась наверх и не обнаружила…

— Да, — согласилось заместитель. — В этом-то и проблема. Рядом с погибшей не было никого с того момента, как она поднялась на холм, и до тех пор, пока вы ее не нашли, светлость. Но ее, несомненно, убили. Ударили в сердце, предположительно ножом. Ее… — Заместитель запнулось. — Ее буквально пригвоздили к пуч-

ковому дереву.

Ингрей вспомнила затылок Зат, плотно прижатый к дереву, запекшуюся кровь в уголке рта.

— Вероятно, это сделали для того, чтобы она оставалась в сидячем положении. Пригвоздили маркировочным колом, который используется при строительстве и разного рода… — заместитель Верет снова запнулось, подбирая подходящее слово, — археологических раскопках. У меха, принадлежавшего Зат, было при себе шесть таких колов, она задекларировала их при въезде в систему. Но мы не знаем, куда делся ее мех. Его сейчас ищут. А пока мы пытаемся понять, почему это произошло. Как я уже сказало, ни у кого, находившегося поблизости, не было причин убивать светлость Зат. Так я считало, пока не всплыло имя Палад Будраким.

— Этьят был не в восторге от раскопок заповедника Эсвай, — заметило Палад. — Возможно, все дело в том, что светлость Зат стремилась найти связи Омкема с историей системы Хвай, а ему это не понравилось. А возможно, он возражал против разбазаривания одного из самых красивейших мест нашей планеты.

— Уничтожение природы, — мрачно сказал Данак, не в силах противиться желанию лишний

раз куснуть пролокутора Будракима. — Он ничего не говорил об Омкеме.

— А-а-а! — с нотками горечи в голосе протянуло Палад. — Значит, и он взял деньги Омкема. В общем, против чего бы он там ни возражал, Этьят Будраким, скорее всего, искал способ ограничить влияние представителя Аскольд. Но вы же не думаете, что я действовало по его поручению? Кроме того, я подозреваю, что сейчас он занят гораздо более важными вопросами. Например, как получить политическую выгоду от пребывания Гек.

Заместитель Верет сказало:

— Прежде чем приехать сюда, я долго беседовало с представителем Аскольд.

Ингрей мельком взглянула на Данака, он никак не отреагировал на новость. Заместитель продолжило:

— Она сказала, что на прошлой неделе они с пролокутором Будракимом довольно бурно обсудили этот вопрос. Пролокутор твердо заявил, что будет чинить препятствия любым работам в заповеднике Эсвай и сделает все, что в его силах.

Палад снова улыбнулось:

— Это факт.

— Палад, если вы не возражаете, — сказала

Токрис. — Положите, пожалуйста, свою сумку на стол.

— Конечно. — Улыбаясь, Палад кивнуло и сделало то, о чем его просили.

Токрис протянула руку, и темно-зеленые полосы на ее рукаве вдруг поднялись на крохотных ножках и сползли на стол. Бросились к сумке Палад, начали мять и толкать ее, пока та не открылась, а затем хлынули внутрь. На стол посыпались питательные брикеты. Токрис нахмурилась, сосредоточенно разглядывая пустоту, и сказала:

— Ага!

Тут же из сумки выполз мех, держа в маленьких лапках нож. Таким в доме Нетано разделывали мясо. Кухонный нож, поварской, Ингрей была в этом почти уверена.

— Я украло его из кухни, — ответило Палад на ее невысказанный вопрос. — Поздно ночью я спустилось на кухню в поисках еды и увидело ножи. Мне показалось, что с ним будет безопаснее.

Мех открыл подобие рта, поднес нож ближе и плюнул в него пластиковым комочком, который стал расти и истончаться, пока полностью не окутал нож.

— Он соответствует, — сказала Токрис.

— Чему? — пораженно спросила Ингрей.

— Он соответствует ране, — ответило заместитель Верет. — Возможно, именно этим ножом ударили светлость Зат.

— Но на нашей кухне не меньше трех или четырех таких ножей, — возразила Ингрей. — Да и на других кухнях они имеются.

— Возможно, — сказало заместитель. — Мы проверим. А пока, Палад Будраким, боюсь, нам придется задержать вас по подозрению в убийстве.

— Серьезно? — Казалось, оно совершенно не расстроилось. — Вы задерживаете меня не за то, что я убежало из тюрьмы, из которой убежать невозможно, и вернулось назад живым, хотя не должно было этого делать?

— Не думаю, что кому-то раньше это удавалось, — призналось заместитель. — По крайней мере, я о таком не слышало. Даже не знаю, существуют ли правовые нормы для подобных случаев.

— Ну, это уже хоть что-то. Полагаю, офицер Токрис Итеста выдаст мне расписку об изъятии моей сумки с полным описанием ее содержимого?

Токрис кивнула.

— Знаете ли, не в первый раз меня задерживают. — Палад встало. Прощай, Ингрей. Тебе стоит прислушаться к совету капитана.

Когда Токрис вывела Палад из комнаты, заместитель сказало остальным, что они свободны, но в любой момент могут понадобиться, чтобы ответить на вопросы Службы планетарной безопасности.

Данак спросил:

— Кто такой этот капитан и какой совет он тебе дал?

— Ты его не знаешь, и вообще не твое дело, — огрызнулась Ингрей.

Домой они вернулись довольно поздно, но свет все еще сиял сквозь синие, зеленые и красные стеклянные блоки. Слуга открыл дверь, Ингрей, Данак и Хевом вошли. Их встречала сама Нетано в деловой юбке, пиджаке и сандалиях, непослушные волосы были аккуратно заплетены.

— Вернулись! — сказала она, увидев их. — Светлость Хевом, приношу свои глубочайшие соболезнования.

Хевом заставил себя выйти из ступора и ответить:

— Благодарю вас, представитель. Я… благодарю вас.

— Пожалуйста, чувствуйте себя как дома, оставайтесь у нас столько, сколько нужно. Ингрей, на пару слов в гостиную.

Данак ухмыльнулся.

— Спокойной ночи, мама, — сказал он и отправился наверх. Хевом последовал за ним.

В гостиной Нетано знаком пригласила Ингрей присесть в кресло, где вчера, развалившись, сидел Данак.

— Служба планетарной безопасности попросила новостные агентства придержать сообщение о гибели светлости Зат, — сказала Нетано, сев на свою скамейку напротив. — Уверена, что об этом же распорядился и пролокутор Будраким. Репортерам пока ничего не известно о возвращении Палад, но они наверняка быстро узнают об этом, как только начнут вынюхивать. Вряд ли их терпения хватит больше, чем на два-три дня. Такое невозможно скрыть. Поэтому, будь добра, объяснись.

Ясно, что Данак уже что-то рассказал Нетано, отправив ей сообщение. Только вот что конкретно? Кто знает.

— Я познакомилась с ним… я познакомилась с Гарал, хотя, видимо, на самом деле его зовут Палад. Я познакомилась с ним на Тир Сииласе. Оно

было очень похоже на Палад, и я даже сказала ему об этом, но оно все отрицало. Мы разговорились, и оно пожаловалось, что застряло там без денег и никто не поможет ему вернуться домой. Тогда я решила, что смогу помочь.

Нетано внешне никак не реагировала на ее слова, лишь внимательно слушала.

— Мы добрались сюда, и Данак почти сразу заметил, что этот человек выглядит, как Палад Будраким, только он решил, что оно и в самом деле Палад, тогда он пришел в мою комнату и сказал, что все знает. А мы просто подыграли ему.

— Только выясняется, что человек, с которым ты связалась, и впрямь Палад Будраким.

Ингрей кивнула.

— Заместитель Верет думает, что Палад приобрело фальшивые документы на Тир Сиилосе. Данак же считает, что оно получило их от тебя. Вряд ли ты стала бы покупать их для какого-то незнакомца, которого только что встретила на Тир Сиилосе, каким бы жалким он ни казался. Ты привезла их с собой, так? Кому они предназначались?

Ингрей набрала побольше воздуха:

— Я придумала план. Я полетела на Тир Сиилас, чтобы… ну… в общем, когда я добралась туда, то

поняла, что у меня ничего не выйдет. Поэтому документы мне были больше не нужны, а Гарал, то есть Палад, мог ими воспользоваться.

— Судя по тому, что ты приобрела фальшивые документы, а потом с легкостью отдала их незнакомцу, да еще и притащила его сюда, и по тому, с какой живостью ты подтвердила его личность Данаку, хотя, исходя из твоих слов, сама не верила, я делаю вывод, что твой первоначальный план был не совсем законным и честным, — сказала Нетано. — Вне всяких сомнений, он работал против твоего брата.

Кровь прилила к щекам Ингрей, но она промолчала.

— Возможно, лучше мне не знать деталей. Я не собираюсь рассказывать о нашем разговоре Службе планетарной безопасности. Но если заместитель начальника само все обнаружит, то будет слишком поздно раскрывать карты.

— Да, мама, — сказала Ингрей, не зная, что еще добавить.

— Ты уверена, что Палад все время находилось рядом с тобой в Эсвай? А оно в это время не могло управлять мехом?

Ингрей испытала облегчение, поняв, что Нетано не собирается выяснять, зачем она привезла

домой Палад Будраким, хотя и наверняка вернется к этому вопросу в будущем.

— Мы видели лишь одного меха, который принадлежал светлости Зат, — ответила Ингрей и, вспомнив маркировочный кол, постаралась подавить нарастающую дрожь. Кто бы ни убил Зат, им бы пришлось использовать собственного меха. — Вряд ли Палад имело к нему доступ. Оно не отвлекалось и не задумывалось.

Капитан Уйсин тоже вел себя нормально и даже пил, но Ингрей была уверена, что он постоянно управлял хотя бы одним, а может, и двумя-тремя мехами одновременно.

— Что ж, — вздохнула Нетано. — Все это очень не вовремя, Ингрей. Скоро начнется кампания. Не хотелось бы проиграть из-за семейного скандала, — говорила она мягко, но в голосе слышалось предупреждение. — Возможно, нам даже удастся извлечь из этого пользу. Мои источники сообщили, что пролокутор поехал на станцию Хвай, как только услышал о прибытии Гек. Но из-за Палад он развернулся и направился домой.

— Сам пролокутор? — нахмурившись, переспросила Ингрей. — Не его дочь?

Этьят уже передал имя своей наследнице, и она часто появлялась на публике и встречалась с

людьми вместо своего отца. С технической точки зрения считалось, что присутствует он сам, но все, конечно, понимали разницу, зная, что самые важные встречи пролокутор не пропускает.

— Сам, — подтвердила Нетано. — Хотя он мог бы послать дочь, да ему и следовало так поступить.

Она имела в виду, что это, несомненно, скажется на избирателях Будракима.

Новостные агентства еще не узнали о том, что Палад Будраким находится на Хвай, и о его возможной причастности к убийству светлости Зат, поэтому для большинства избирателей причины возвращения пролокутора будут непонятны.

— Я не уверена, что пролокутор ценит интересы избирателей Ассамблеи так, как ему следует. Прямо сейчас я отправлюсь на станцию, потому что кто-то же должен сделать это вместо него. С другой стороны, у меня есть уважительная причина, чтобы остаться дома и разобраться в сложившейся ситуации. Если бы я уже назвала имя наследника, как это сделал пролокутор, то все было бы проще — я бы улетела, а он бы разбирался с проблемами здесь.

Конечно. Политика важнее семьи, кроме тех случаев, когда семья и есть политика. А такое бывает часто. Нетано из любой ситуации извлечет

выгоду, это уж как пить дать.

— Я сообщила послу Федерации Омкем, что его светлость Хевом может оставаться здесь столь долго, сколько он захочет, — продолжила Нетано. — И что мои дети присмотрят за ним. Я очень недовольна тем, что мою гостью убили, и хочу, чтобы Служба планетарной безопасности как можно скорее нашла того, кто это сделал. Надеюсь, что все члены моей семьи станут добровольно и открыто содействовать следствию. Было бы очень неприятно, если бы в процессе дознания выплыли какие-то неприглядные факты.

— Да, мама.

Ингрей очень хорошо понимала, что стоит за этим предупреждением.

— Машина уже прибыла, — сказала Нетано и встала. — Я не хочу опоздать на подъемник. До меня можно будет дозвониться лишь в чрезвычайной ситуации, если что-то случится, с чем ты не справишься сама, звони неде Лак. Не шали. — Она поцеловала Ингрей в щеку, словно та все еще была маленькой девочкой.

Ингрей не знала, как на все это реагировать: радоваться или, наоборот, бояться.

Утром она наскоро позавтракала в своей комнате и попросила домоправителя сообщить ей,

если у светлости Хевома возникнут желания, которые не смогут исполнить слуги или Данак, хотя была уверена, что братец сделает все, чтобы позаботиться об омкемце, потому что это в его интересах. Она заказала машину, чтобы отправиться в окружную Службу планетарной безопасности.

За завтраком она размышляла, стоит ли известить недю о своих планах, но подозревала, что оно запретит ей говорить с безопасниками, не посоветовавшись с ним и без его присутствия. А Ингрей не хотела ни того, ни другого. В любом случае она всегда могла сослаться на вчерашние слова Нетано, что обращаться следует, лишь если она не справится сама. Ей, да и другим членам семьи Аскольд такое не впервой.

Спустя десять минут Ингрей вышла у здания Службы планетарной безопасности. Машина отправилась на парковку дожидаться, когда понадобится ехать дальше. Головной офис Службы планетарной безопасности округа Арсамол располагался среди широкого, залитого солнечным светом двора, вымощенного выщербленным и отшлифованным временем черным камнем. Каждый уже сам по себе был раритетом времен основания округа. Плоский черный базальтовый

памятник в Эсвай имитировал именно эти камни, хотя оригиналы были намного меньше по размеру и гораздо древнее. Древнее даже клана Аскольд, не говоря уж о первой Нетано. Ингрей никогда раньше не задумывалась об этом, но теперь вспоминала рассказ Гарал, нет, Палад, о том, как легко подделывать раритеты, снова и снова по самым разным поводам. Почему Нетано выбрала определенный узор для памятника, который напоминал бы людям об этой площади в самом сердце округа? Какой она хотела вложить смысл?

Но сейчас у Ингрей были дела поважнее. Еще дома она проверила, есть ли у Токрис время, чтобы встретиться с ней, и записалась на личный прием. Когда она вошла в здание, от стены, где стояли множество одинаковых мехов, отделился один, золотисто-зеленый на четырех ногах, примерно полметра в высоту.

— Ингрей Аскольд, — прочирикал он, подходя к ней. — Ингрей Аскольд.

— Это я, — сказала она.

— Ингрей Аскольд. Я — автоматический мех и могу лишь довести вас до места встречи. Не отставайте от меня больше, чем на два метра, пока не дойдете до нужного места. Вам понятно?

— Понятно, — ответила она.

Ничего неожиданного. В различных офисах Ассамблеи тоже имелись подобные мехи, сопровождающие посетителей. Мех двинулся вперед, Ингрей следом.

Когда Ингрей вошла в ее офис, Токрис улыбнулась, но улыбка выглядела очень странной. Раньше, когда они общались часто, Токрис почти не улыбалась. По крайней мере, в последние два года до того, как Ингрей взяла взрослое имя и они совсем перестали видеться.

— Доброе утро, Ингрей. Рада тебя видеть. Я бы и раньше навестила тебя, если б знала, что ты уже вернулась.

— Вечеринка хорошо прошла? — поинтересовалась Ингрей.

Токрис жестом пригласила ее сесть.

— Не очень. Я вообще-то не хотела ее проводить, может, только совсем небольшую, но Нана настояло. Даже не думала, что так получится. Мне казалось, оно стеснялось того, что я так долго тянула с решением. И этого всего стеснялось.

Она обвела рукой узкий пластиковый стол, два стула, стены. На одной висели объявления и инструкции, на другой шла трансляция с площади, вымощенной черным камнем, по которой про-

хаживались люди. Иногда они останавливались и говорили друг с другом, время от времени по периметру проезжала машина.

— Мне казалось, что все хихикают у меня за спиной. Честно говоря, я даже видела, как Данак открыто смеется, но притворилась, что не заметила.

— Лично меня все это впечатляет, — сказала Ингрей, такое преображение ее и вправду ошеломило. — Помощник заместителя по тяжким преступлениям! В первый же рабочий день! Похоже, ты отлично справляешься.

— Вообще-то не первый, — сказала Токрис. — Ты же знаешь, что я участвовала в молодежной добровольной дружине.

Токрис всегда увлекалась охраной правопорядка и предотвращением преступлений. Ее недитель всячески поддерживало ее интерес, хотя все остальные считали, что она вырастет и забудет об этом либо увлечение превратится в хобби.

— А еще я несколько лет проработала тут практикантом. Честно говоря… — Она запнулась. — Я бы и до сих пор не приняла решение. Просто я уже довольно долго здесь, и заместитель хотело официально назначить меня на эту должность.

Ну и, конечно, Нана тоже хотело, чтобы я определилась. Оно слишком долго терпело, хотя и не понимало меня.

Ингрей даже не знала, что сказать.

— В общем, я рада, что сделала выбор. Давно хотела получить эту работу, и теперь меня официально назначили. Но… ты же не будешь смеяться?

— Нет, конечно. — Ингрей представить не могла, что тут смешного. Хотя догадывалась, кто из их общих знакомых мог бы начать зубоскалить, узнав о работе Токрис в Службе планетарной безопасности.

— Данак бы точно стал насмехаться. — Токрис помедлила и наконец выпалила: — Ингрей, а откуда ты знала? Как ты поняла, что готова принять решение?

— Не знаю, — ответила Ингрей, озадаченная вопросом. — Наверное, мне казалось, что все ждут, когда же я наконец выберу.

— Но я так и не почувствовала себя… взрослой, — сказала Токрис. — Да и сейчас не чувствую. Нана говорит, что я должна просто прислушиваться к себе и тогда пойму, что для меня правильно. Но я так и не поняла. — Она вздохнула. — Спасибо, что не смеешься. Я тебе завидовала. Мне

казалось, что у тебя всегда все как надо. Данак пытается тебя уязвить, а ты просто отшиваешь его. Хотела бы я… даже не знаю. Хотела бы я быть настолько уверенной в себе, как ты.

— Смеяться над тобой я бы точно не стала, — сказала Ингрей, хотя слова Токрис ее поразили. — Но я не… не думаю, что у меня все как надо.

Разве это так? Нет, конечно.

— И отшить Данака я просто так не могу. — Она вспомнила тот случай, когда Палад пыталось защитить ее от братца и на что она пошла, чтобы насолить Данаку. — Но рада, что так выглядит со стороны. Даже как-то легче от этого.

— Ты всегда была так добра ко мне, — очень серьезно сказала Токрис. — Но я впустую трачу твое время, наверное, ты пришла поговорить о деле?

— Вроде того, — призналась Ингрей. — У меня есть кое-какая информация от повара. Оно обыскало кухню и обнаружило, что пропало два ножа, а не один.

— На ноже из сумки Палад не было никаких следов, только отпечатки пальцев, — сказала Токрис. — Хотя не думаю, что это намного лучше. Мы все еще ищем меха.

Ингрей вспомнила, как малыш Уто скакал вверх и вниз по стеклянным валунам, спускав-

шимся к реке, ярко-розовый на фоне синего и зеленого.

— А в реке искали?

— Сейчас ищут, — сказала Токрис. — Полагаю, второй нож найдут где-то поблизости, если убийца им все-таки воспользовался. Не представляю, как Палад могло управлять мехом, не имея доступа, да и насколько я понимаю, механик-пилот из него не ахти какой.

— У светлости Хевома мог быть доступ, — заметила Ингрей. — Думаю, они с Зат расходились по некоторым вопросам, хотя из-за омкемских семейных традиций не могли напрямую высказать все друг другу. Он совершенно раздавлен из-за ее смерти.

— Ох уж эти омкемцы! — Токрис отмахнулась от эксцентричных чужеземцев. — Заместитель как раз беседует с их консулом. Похоже, вчера вечером Хевом связался с послом, а тот прислал консула. Консул хочет, чтобы Хевом как можно скорее отправился домой. Заместитель, конечно, считает его одним из подозреваемых и предпочитает, чтобы он оставался здесь, пока преступление не будет раскрыто.

— Значит, заместитель еще окончательно не определилось насчет Палад? — спросила Ингрей.

— Нет, оно еще ни с кем не определилось. Все фигуранты до сих пор под подозрением. Кроме тебя. Данак, возможно, тоже войдет в круг подозреваемых, если будет установлено, что убийца использовал хвайского меха. Но маркировочный кол принадлежал Зат, и его принес Уто. Честно говоря, думаю, что Данак понятия не имеет, что такое маркировочный кол и как его использовать. Кроме того, у Данака нет мотива. Все знают, что он станет следующим Нетано, так что, если бы он и совершил это преступление, то лишь во вред самому себе. В общем, он тоже вне подозрения.

— Если в деле замешан Уто, принадлежавший светлости Зат, то Палад тоже точно не могло этого совершить. Ты же знаешь, мехи из Омкема совсем не такие, как наши, работают по-другому. У хвайцев нет необходимых имплантатов.

— Ты права. Все зависит от того, использовал ли убийца Уто или хвайского меха. Если это был Уто, то и ты, и Данак, и вообще почти все хвайцы отпадают. Но знаешь, в случае с Палад… все сложнее. Оно должно содержаться в «Милосердном устранении», но там не находится, мы не знаем, как давно оно выбралось оттуда и где все это время пребывало. Оно могло как угодно модифицировать себя и установить любые имплантаты.

Мы все, конечно, проверим, но даже если оно не замешано в убийстве Зат…

Ингрей вздохнула.

— Да. И это как раз то, о чем я хотела у тебя спросить. Я могу как-нибудь поговорить с ним?

Она не знала, можно ли вообще посещать тех, кого задержала Служба планетарной безопасности, и разговаривать с ними. Она видела подобное в развлекательных программах, но в реальной жизни все могло быть совсем по-другому. А в случае с Палад, как сказала Токрис, все сложно.

Токрис нахмурилась.

— Вообще-то нет. Я должна отказывать всем, кто хочет поговорить с ним, но уверена, что заместитель, скорее всего, имело в виду репортеров, которые вынюхивают то, о чем они пока не должны знать. Давай я спрошу. — На несколько секунд она углубилась в себя. — Все в порядке, заместитель разрешило, если Палад захочет общаться с тобой. Но оно просило предупредить тебя, что ваш разговор будет записан и прослушан.

— Хорошо. Спасибо. Большое спасибо!

Глава 8

Оказалось, что встречи с задержанными планетарной безопасностью проходят почти так же, как в развлекательных программах. Токрис провела Ингрей в маленькую серую комнату с двухметровой скамьей без спинки из белого потертого пластика.

— Присядь ненадолго, — сказала она.

Вскоре после того как она ушла, серая стена превратилась в экран, на котором появилась точно такая же комнатка, но без скамьи. В центре стояло босое Палад, одетое в серую рубашку и брюки.

— Ингрей, — сказало оно и чуть дернуло уголком рта вместо улыбки. — Тебе не стоит тут находиться.

Она встала, потому что неловко было сидеть перед человеком, который такой возможности не имеет.

— Наверное, не стоит. — Она думала об этом всю ночь и утро, понимала, что лучше отмежеваться от Палад как можно скорее. И на какой-то миг ей снова показалось, что она падает в про-

пасть. — Но я не могла оставить тебя. Особенно когда узнала, что должна тебе за то, что ты когда-то отдавило Данаку ногу.

Палад слегка улыбнулось, но уже по-настоящему.

— Я в порядке. У меня отдельная камера, и кормят тут регулярно. Конечно, не так, как у вас дома, но все же. Не беспокойся обо мне.

— Скоро прибудет пролокутор, — сказала Ингрей.

Казалось, Палад нисколько не удивлено. Хотя Ингрей уже сообразила, что по его лицу вообще трудно хоть что-то понять.

— Еще бы он не прибыл!

Он. А ведь Ингрей не уточняла, что имела в виду его отца, а не сестру. Или оно уже знает?

— Тебе сообщили?

— Нет. Но я знало, что он примчится, как только услышит, что я здесь. Знало, что не отправит вместо себя мою сестру. Он появится здесь сразу, как только прибудет, и потребует разговора со мной.

Ингрей хотела спросить почему, но передумала. Будра- кимы не такие, как Аскольды. Насколько ей было известно, никто никогда не сомневался, что Этьят Будраким передаст свое имя старшей родной дочери, он воспитывал ее сам, не доверяя

приемным семьям, и обучил всему, что нужно. Все остальные дети Будракимов с самого начала знали, что их будущее отличается от будущего сестры, что их место в клане не зависит от отцовского одобрения и победы в борьбе за него. Может быть, Этьят Будраким приедет сюда, невзирая на то, как это будет выглядеть в глазах народа, потому что неважно, что натворило Палад, оно все равно всегда будет ребенком своего отца.

С другой стороны, пролокутор ничего не сделал, чтобы предотвратить ссылку Палад в «Милосердное устранение», хотя наверняка это было в его силах. Она вспомнила, как Палад говорило, что ей стоит прислушаться к совету капитана Уйсина и отстраниться от семьи. Возможно, Палад сказало это потому, что познакомилось с Данаком и провело ночь в доме Нетано. А может, у него были совсем другие причины.

— Ты согласишься встретиться с ним, когда он придет? — спросила она, размышляя, а дадут ли ему возможность отказаться. — Все будет в порядке?

— В полном, пока они не вернут меня в «Милосердное устранение», — ответило Палад. — Ты уже столько сделала, чтобы помочь мне. Даже больше, чем следовало. Я все-таки считаю, что

тебе не стоит находиться здесь. Но раз уж ты пришла, можешь сделать для меня кое-что еще?

Ингрей открыла уже рот, чтобы сказать «да», но Палад прибавило:

— Не соглашайся, пока не узнаешь, о чем идет речь.

— Ладно, не буду.

Уголок рта чуть заметно дрогнул, и намек на улыбку тут же исчез.

— Ты можешь забрать мои вещи? Знаю, нож тебе наверняка не отдадут. Пожалуйста, передай повару мои извинения. Главное — забери сумку и то, что в ней. Питательных батончиков там, скорее всего, меньше, чем раньше. Буду признательно, если положишь туда еще несколько.

— Я постараюсь, — пообещала Ингрей. — Хочешь, чтобы она хранилась у меня?

Она чуть не сказала «хранилась у меня, пока ты не выйдешь», но и так ведь понятно, что Палад не выйдет, его отправят в «Милосердное устранение». Вся история с Палад, до сих пор казавшаяся ей абстрактной, за исключением моментов, когда могла доставить ей неприятности, вдруг стала абсолютно реальной. Что с ним случится? Все ее проблемы с братцем, и потенциальные трения с матерью, и даже возможные трудности, ожидаю-

щие ее, если кто-то вдруг обнаружит, какую роль она на самом деле сыграла, чтобы привезти Палад сюда, несравнимы с той ситуацией, в которой оно оказалось.

— Да, — серьезно и просто ответило Палад. — Пусть хранится у тебя. Но вообще-то я хотело попросить тебя о другом. Ты не могла бы поприсутствовать во время беседы с моим… с Этьятом Будракимом? Не хочу говорить с ним наедине. Ни за что! Я понимаю, что с технической точки зрения здесь это невозможно. Но я не хочу, чтобы присутствовали одни безопасники. Пойму, если ты откажешься. Наверное, тебе даже стоит отказаться. Так будет безопаснее для тебя самой.

Но не для Палад, хотя Ингрей и не понимала почему. Она не представляла, что может изменить ее присутствие. И вспоминала, как убедительно лгало ей Палад о себе на Тир Сииласе.

— Что такого ужасного в «Милосердном устранении»? — спросила она. — Я думала, преступники просто живут там вдали от всех остальных.

Палад не торопилось с ответом, затем тяжело вздохнуло и заговорило медленно, как будто аккуратно подбирало слова:

— Там было бы совсем не плохо, если бы еды хватало на всех. Предполагалось, что так и будет,

что узники вырастят себе еду, но в «Милосердном устранении» есть лишь несколько пригодных участков, и все они кем-то уже заняты. Если эти люди тебя принимают, если ты можешь им доверять, то все нормально, хоть и не просто. Выращивать еду без помощи мехов невероятно сложно, на это требуется множество усилий. А еще нужно быть все время начеку и стараться контролировать места, куда иногда сбрасывают провизию, потому что ее можно оставить себе и разделить со своими союзниками.

Ингрей даже не знала, что сказать.

— После очередной выброски разразилась небольшая война. Все, даже те, кто мог обеспечить себя пропитанием и обычно не задирал остальных, пытались заполучить лекарства. Здесь никому нет до нас дела. Ведь это «Милосердное устранение». Люди, живущие там, заслужили подобную жизнь. — Наверное, оно говорило с сарказмом и горечью, но в голосе не было даже намека на эмоции. — Знаешь, не стоит об этом. Если бы я считало, что у тебя есть хоть малейший шанс стать Нетано, то я бы рассказало больше. А так… Без обид. Лучше тебе не знать. Если бы вместо… У моей сестры, возможно, появится шанс что-то изменить. Можешь ей передать, если

вдруг увидишь?

— Конечно, передам. И когда приедет пролокутор, я буду здесь, если ты все еще этого хочешь.

— Спасибо.

Лицо его было предельно серьезным.

Дома Ингрей даже не присела, не сняла с плеча сумку Палад, а сразу направилась в приемную. Сегодня зеленые и синие стеклянные блоки сияли особенно ярко, а поросшие мхом серые камни, деревья и цветы за огромным окном заливал солнечный свет. Консул Федерации Омкем сидела, отвернувшись от вида за окном, и слушала Данака.

— Консул, — сказала Ингрей, не дав братцу договорить и не обращая внимания на его протесты. — Я — Ингрей Аскольд. Похоже, мы разминулись в Службе планетарной безопасности. Сегодня утром я первым делом отправилась туда, чтобы побеседовать с заместителем начальника, но оно как раз встречалось с вами. Затем я занималась другими делами, а когда вернулась, вы уже ушли. Видимо, мы разминулись.

— Светлость Аскольд, — сказала консул, поднявшись во весь свой невероятный даже для омкемки рост. Она была одета в рубашку и брюки, по хвайским меркам слишком простые для

деловой встречи, и Ингрей подумала, что консул решила напомнить, кто она такая. — Как мило с вашей стороны. Ситуация сложилась довольно неприятная. Я не смогла объяснить заместителю, что светлость Хевом не замешан в убийстве светлости Зат, для этого нет ни малейшей возможности. Как раз наоборот, он сопровождал светлость Зат именно потому, что никогда бы не смог причинить ей вреда.

Данак сидел хмурый и расстроенный, видимо, из-за появления Ингрей все пошло не так, как он рассчитывал.

— Конечно, он не мог бы причинить ей вреда, — кивнула Ингрей. — Он же даже говорить с ней права не имел.

— И прикасаться к ней. — Консул все еще стояла. — Признаюсь, Зат иногда вела себя грубо, и у нее были враги. Но Хевом не из их числа.

Ингрей вспомнила, что говорил Хевом в Эсвае днем раньше. «Пустая трата времени. У нас так много важных проблем, а мы занимаемся чепухой».

— Вы меня удивили, консул. Откуда у Зат враги?

— Это трудно объяснить, не рассказав вначале, хотя бы вкратце, о событиях нескольких деся-

тилетий омкемской политики, — ответила та с улыбкой. — Полагаю, мы должны быть благодарны, что Хевома не задержали. Он не может оставаться здесь один. Ему нужно переехать в Омкемскую Канцелярию на станции. Откровенно говоря, я разочарована, что ваша достопочтенная мать уехала, вместо того чтобы хоть как-то повлиять на решение заместителя начальника. Все это очень не вовремя.

— Да уж, — согласилась Ингрей. — У вас была возможность увидеться со светлостью Хевомом? Когда я ушла, он еще спал, и мне не хотелось беспокоить его, но уверена, что Данак о нем хорошо позаботился. — Она не взглянула на братца, чтобы увидеть, как он отреагирует на ее снисходительный тон и намек на ее более высокое положение. Знала, он не посмеет.

— Насколько я понимаю, он уже готов принимать посетителей, — сказала консул. — Я как раз собиралась с ним увидеться.

Теперь понятно, почему она не села обратно.

— Конечно, консул, — сказала Ингрей. — Пожалуйста, если вам или светлости Хевому что-то нужно, дайте нам знать.

Когда консул вышла из комнаты, Данак, не двинувшийся с места, проговорил милым голосом:

— Ну, конечно, именно поэтому ты с самого утра отправилась в Службу планетарной безопасности! Палад тебя заводит?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — ответила Ингрей.

Ей хотелось присесть, но она решила не ввязываться в долгий разговор с Данаком. Ингрей повернулась, чтобы уйти, но передумала. Данак никогда не упускал возможности куснуть ее, когда они оставались наедине, но всегда шел на сотрудничество, если на кону стояли интересы семьи.

— Тебе не показалось странным, когда консул сказала, что Хевом был единственным человеком, с которым Зат чувствовала себя в безопасности?

— Она не так сказала. — Голос брата сочился презрением. — Если бы ты была здесь, вместо того чтобы шарахаться где-то целых два месяца, то успела бы поговорить с гостями. Зат считала, что стоит вне политики. Что ее интересует лишь истина, так она говорила. Но ее проект был вовсе не таким аполитичным, как ей хотелось думать.

— Да, — сразу согласилась Ингрей, чтобы братец не продолжил читать лекцию. — Если бы она обнаружила, что омкемцы жили на планете раньше нас, то Федерация обязательно сделала

бы из этого политические выводы.

— Еще бы, — кивнул Данак. — Зат верила, что омкемцы, или, по крайней мере, эвет омкемцы, останавливались здесь на пути в систему, которая стала их домом. Но многие эветы считают, что именно Омкем — прародина человечества, что они, эветы, родились там и всегда жили.

Ингрей нахмурилась, но Данак продолжил:

— И те и другие не могут быть правы. Хотя вообще-то я почти уверен, что и те и другие ошибаются, но я никогда не говорил об этом в присутствии Зат и не скажу такого ни Хевому, ни консулу. Но если Зат все-таки была права или нас убедят в этом, то омкемцы получат дополнительный козырь, чтобы мы пропустили их флот через наш шлюз в Бейт. На это Федерация Омкем надеется уже много лет.

— Я не считаю, что это такой уж козырь. Только не для нас. — Ингрей задумалась, увидела ухмылку братца. — А мы-то им и не нужны, правда? Просто таким образом Федерация сможет оправдать свои действия перед собственным народом.

— Вероятно. В худшем случае определенные фракции Омкема получат юридическое основание.

— А если докажут, что Зат неправа либо что ей

помешали найти материальные свидетельства, тогда та или иная фракция потеряет политические и моральные козыри.

— И соответственно, какая-то другая фракция их получит, — добавил Данак. — Пусть даже и не сможет так легко использовать их против Хвай. Зат не просто тратила свои деньги на это. Она, конечно, была богатой, но не настолько. Ей предоставили средства Федерации.

Конечно, Федерация наверняка понимала, что эти средства уйдут к Нетано.

— Они думали, что если помогут маме выиграть выборы, то она останется у них в долгу, — сказала Ингрей. — Неужели Федерация Омкем или одна из богатейших фракций Федерации в самом деле считала, что Нетано, став одной из четырех пролокуторов, поможет им провести флот через хвайский шлюз в Бейт?

— Мама была уверена, что Зат не найдет того, что ищет. Иначе она вряд ли согласилась бы на это. Но возможно, кое-кто из Федерации опасался, что раскопки окажутся успешными. Им не понравилась идея, что Зат может найти доказательства того, что эвет омкемцы первыми населяли нашу планету.

— Значит, кроме хвайцев, которые всерьез

возражают против раскопок в заповеднике…

— Конечно, таких много, но если бы их обнаружили в районе заповедника, то заместитель наверняка задержало бы их еще вчера. Значит, Зат, скорее всего, хотели убить омкемцы.

И, скорее всего, только они могли управлять мехом Уто. Пока заместитель не нашло никаких доказательств, что Зат убили с помощью Уто, но Ингрей не стала рассказывать об этом братцу.

— Хевом был единственным омкемцем, находившимся поблизости. — Похоже, консулу очень хотелось отправить его подальше от планеты. — Так почему же заместитель не задержало его?

— Если хочешь знать мое мнение, — беспечно сказал Данак, — потому что заместитель Верет — хатли из округа Лим. Они до сих пор утверждают, что некоторые арсамольские раритеты, хранящиеся в ларии системы, были у них украдены. Само собой, их туда сдала не Нетано, и фамилия Аскольд на них не стоит, но хатли считают, что в этом замешан наш клан. Ты же знаешь, как хатли любят жаловаться, разглагольствуя о том, что их ущемляют в правах. Каждый год приезжает делегация из округа Лим и просит вернуть им раритеты. Каждый год Нетано отказывается обсуждать этот вопрос.

— То есть ты считаешь, что заместитель не выполняет свою работу и откладывает арест реального подозреваемого, чтобы насолить Аскольдам? Зачем ему стараться, если мы и так уже по уши погрязли в этом скандале?

Данак пожал плечами.

— Думаю, что в конце концов оно просто позволит Хевому улететь.

— А что, если это он убил Зат? Что, если мы будем защищать Хевома, а консул постарается вывезти его из системы…

— Тогда заместитель свалит все на Палад. Ему-то уже по большому счету все равно. Так что оно позволит убийце сбежать, думая, что нам все еще светят деньги Зат…

— Но если ты прав, то не светят, — перебила его Ингрей.

— Ну, или арестует и осудит Хевома и пошлет его в «Милосердное устранение». Заведет себе новых врагов во фракции, защищающей Хевома, и, возможно, вытеснит с политической арены фракцию, которая поддерживала Зат, раз уж ее убрали.

— Мы должны рассказать обо всем неде Лак, — заявила Ингрей.

— Мы? На твоем месте я бы не стал во все это

вмешиваться. Не думаю, что ты предупредила маму или недю о том, что собираешься в Службу безопасности. Для тебя этот разговор может плохо кончиться. Кроме того, я единственный знаю кое-что о ситуации. А у тебя и так будет забот полон рот, когда пролокутор Будраким поймет, что ты притащила Палад на Хвай. Да и маме вряд ли понравится, чем все закончится. Особенно накануне предвыборной кампании.

Данак злобно улыбнулся.

Прежде чем Ингрей успела что-то ответить, перед ее взором загорелся оранжевый тревожный огонек и что-то грохнуло в дверь. В гостиную вошел паук-мех, за ним стоял до смерти перепуганный слуга.

— Ингрей Аскольд, — просвистел паук-мех. — Где Тик Уйсин?

Ингрей моргнула, уставившись на него.

— Посол, это вы?

Последовала пауза. Посол Гек замерла на секунду, потом щелкнула когтем о пол, как делала раньше в доке Тир Сииласа.

— Где Тик?

— Я… я не знаю, где капитан, посол. Я нс видела его и не получала сообщений с тех пор… как покинула корабль, уже несколько дней.

Прошла еще секунда. Посол щелкнула когтем о пол трижды, громче.

— Где другой человек? Где Гарал Кет? Я не могу найти его.

— Как вы сюда добрались, посол? — спросила Ингрей.

В дверях стоял лишь испуганный и встревоженный слуга Аскольдов, похоже, посла никто не сопровождал.

Ни офицеры Службы планетарной безопасности, ни дипломаты, ни политики, даже собственных охранников не было. Хотя зачем охранять биомеха, это ведь не сама посол.

Снова пауза. Конечно, посол находится на орбите, поэтому происходят такие задержки в сообщениях.

— Пусть тебя не заботит, как я добралась сюда, — просвистела посол. — Где Тик Уйсин?

Мех поднял странно изогнутую волосатую конечность и ткнул ею в пораженного Данака, который безмолвно наблюдал за происходящим.

— Кто это?

— Это мой брат Данак. Данак, позволь представить тебя послу Гек. — Она моргнула, незаметно вызвав машину, которая только что высадила ее перед входом и не могла далеко отъехать.

— Что? — изумился Данак.

Посол посмотрела на него всеми глазами, кроме одного, который следил за Ингрей.

— Посол, — сказал он наконец, придя в себя, и встал. — Большая честь познакомиться с вами.

Пауза. Глаза на стебельках вновь повернулись к Ингрей.

— Отведи меня к Тику Уйсину. Он угнал наши корабли. Ты знаешь. Ты была на Тир Сииласе. Я много раз общалась с людьми и вижу тебя, вижу. Ты попытаешься сказать мне то, чего нет, может быть, тебе удастся меня обмануть, а может, и нет. Я тебя вижу.

— Данак, дай мне куртку, — попросила Ингрей.

— Во что ты впутала нашу семью, сестренка?

— Куртку не надо, — просвистела посол. — Мне нужен Тик Уйсин.

— Брось мне свою куртку, Данак, — потребовала Ингрей, в душе надеясь, что это один из редких моментов, когда Данак поведет себя как брат, а не как соперник.

Глаза на стебельках потянулись к Ингрей.

— Капитан Уйсин. — Когти щелкнули об пол. — Где Гарал Кет? Гарал Кет знает.

— Посол, — заговорила Ингрей. — Честное слово, я не знаю, где капитан Уйсин. Думаю, что

ваше присутствие здесь без всякого эскорта и, скорее всего, без разрешения может нарушать положения соглашения. Данак, куртку!

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — ответил братец и снял куртку.

Спустя мгновение стебельки меха расслабились, хотя глаза все еще смотрели на Ингрей.

— Не нарушение соглашения, но почти, — просвистела посол. — Я хорошо знаю все положения.

Перед взором Ингрей мелькнуло сообщение, что машина ждет ее у входа.

— Помню, вы уже говорили. Может, вам следует вернуться на корабль?

Ингрей понятия не имела, как послу удастся сделать это, не обнаружив себя. Хотя, с другой стороны, сюда же она как-то добралась, и никто не узнал. Ингрей вспомнила, как желеобразные мехи капитана Уйсина меняли форму, дрожали, выращивали дополнительные конечности.

— Я вернусь на корабль, когда ты покажешь мне Тика Уйсина.

— Посол, — ответила Ингрей как можно более спокойным голосом. — Капитан Уйсин — гражданин Тира.

У вас нет власти над ним, и если бы он хотел поговорить с вами, то сделал бы это еще на Тир

Сииласе.

Тут Данак незаметно скользнул за спину меха и набросил куртку на глаза на стебельках.

— Ой, — сказал он. — Я лишь хотел кинуть ее тебе, Ингрей, как ты просила.

Она не могла поблагодарить братца или остановиться, чтобы подумать, что делать дальше. И она стремглав бросилась из приемной в коридор, слуга, стоявший в дверях, едва успел отскочить в сторону. Ингрей рванула сквозь фойе к дверям, к ожидавшей ее машине.

— В мамин офис! — прокричала она, забравшись на пассажирское место, словно снова стала ребенком без имплантатов и не могла управлять машиной мысленно. — И сообщи неде Лак, что мне нужно срочно поговорить с ним.

Лак Аскольд вообще-то находился в столице вместе с другими сотрудниками Нетано, в нескольких часах лета на флаере. Но и в округе Арсамол у пего был свой офис, маленькая комната, на темно-коричневой стене висел лишь один-единственный раритет в простенькой узкой рамке — пропуск на заседание Ассамблеи, в котором Нетано Аскольд впервые участвовала в роли представителя своего округа. Но простоту с аскетичностью не спутаешь, на двух низких креслах

напротив стены лежали золотые парчовые подушки, между ними стоял столик, вырезанный из цельного камня с бело-зелеными прожилками.

— Погоди, — сказало изображение Лак Аскольд на экране, хотя Ингрей просила не прерывать ее, пока она не расскажет обо всем до конца.

Недя Лак было невысоким и коренастым, из-за роста, молчаливости и спокойного характера новые знакомые часто недооценивали его. Но длилось это обычно недолго. Казалось, что оно сидит лишь в паре метров от Ингрей, в таком же кресле с золотыми подушками, рядом со столиком из отполированного зеленого камня. Стена позади него, цвет и форма кресел и столика — все было точно таким же.

Недя Лак продолжило:

— Ты поехала в Службу планетарной безопасности и попросила разрешения поговорить с Палад Будраким? Мало того что ты притащила его в систему *с* фальшивыми документами, которые… — Оно вздохнуло. — Зачем, Ингрей? Такого можно было бы ожидать от Данака, но ты…

В этот момент дверь в кабинет, в котором сидела Ингрей, открылась, и недя замолчало, его круглое темное лицо вдруг приняло радостное выражение. Слуга принес чашку шербета и по-

ставил ее на стеклянный бело-зеленый столик. Когда слуга удалился, Лак сказало:

— Вряд ли это один из тех редких случаев, когда вы с братом решили сделать что-то вместе.

— Нет, конечно, недя!

— От тебя я такого не ожидало, Ингрей. — В голосе послышались нотки недовольства.

— Я еще не закончила! — сказала Ингрей, несмотря на то что ей хотелось бежать из офиса и здания, в котором он находился, как можно дальше. А что потом? Идти-то некуда. — В общем, Палад попросило меня присутствовать при разговоре с отцом. Оно было уверено, что Этьят Будраким обязательно приедет. Его отец, а не сестра. И я согласилась, а потом…

— О! Это может пригодиться. — Наконец-то хоть какой-то намек на одобрение. Лак сняло персиковую шелковую куртку и повесило на спинку кресла. Откинуло косу, упавшую на лицо, взяло чашку шербета со столика. — Может, в конце концов, все не так уж и плохо. Продолжай.

— Потом я пошла домой, — сказала Ингрей, снова чувствуя, что падает в пропасть. — А там сидела консул с Омкема…

— Да, твоя мать уже с ней переговорила. Подробно.

— Консул очень беспокоилась и хотела забрать Хевома с планеты. Я знаю, что он член семьи светлости Зат, а она… она была… очень влиятельной, но это все равно выглядит странно. Хевом же не арестован, он живет в нашем доме, и слуги делают все, чтобы обеспечить ему максимальный комфорт.

— Угу, — кивнуло Лак, глотнув шербета. — Именно так. Продолжай.

— В общем, я сказала консулу, что ездила в Службу планетарной безопасности, чтобы поговорить о Хевоме. Солгала, понятно, потому что на самом деле я встречалась там с Палад. — Она взглянула на недю, но выражение на лице Лак не изменилось. — Консул выразила неудовольствие, что Нетано нет дома, и отправилась побеседовать с Хевомом. А потом… — Сам факт того, что случилось дальше, заставил ее запнуться. — Потом в дом явилась посол Гек.

— Все не так плохо, как я думало вначале, — заметило недя Лак после паузы. — Все гораздо хуже.

— Ага. Мы с Палад возвращались домой на маленьком грузовом корабле, которым владеет гражданин Тира капитан Тик Уйсин. Пока мы были на Тир Сииласе, туда прилетели Гек. Они

увидели корабль и решили, что его угнали с их планеты. Капитан Уйсин предоставил им все документы и доказательства того, что он является законным владельцем корабля, но посол не поверила. И, похоже, прилетела сюда за нами. Она спрашивала меня, где капитан Уйсин. Но я не знаю! Понятия не имею, как она смогла так далеко забраться и никто об этом не узнал. Она, конечно, находится здесь не лично, а в виде меха. Сама посол где-то на орбите, во время общения возникает небольшая задержка во времени. В общем, она продолжала спрашивать меня, где капитан Уйсин, а я говорила, что не знаю. И еще она интересовалась, где Палад, то есть Гарал, она так его называла. А потом… — Она замолчала, думая, как лучше всего объяснить то, что произошло дальше. — Я попросила у Данака куртку, он как раз тоже сидел в приемной.

— Ага! Так и знало, что там: был Данак…

— Попросила у Данака куртку, он кинул ее мне и нечаянно уронил на посла, закрыв ей глаза… у нее их около дюжины. Я выбежала из комнаты, взяла машину и приехала сюда.

Недя Лак поставило чашку на стол и вздохнуло.

— Помню, когда ты только появилась в доме

Нетано. Ты была такой тихоней. И тогда я подумало, наконец-то моя сестра привела в семью разумного человека.

Ингрей удивленно моргнула.

— Правда?

Недя Лак обычно не преувеличивало, всегда спокойное, при необходимости оно могло быть жестким и прямолинейным.

— Я знаю, звучит странно в свете того, что произошло за последние дни, — снова вздохнуло оно. — Радо, что хотя бы вы с братом сотрудничаете.

— Я не… мы не то чтобы… — потерялась Ингрей.

Недя было право, Данак понял, что она имеет в виду, когда Ингрей попросила куртку, и помог ей, хотя не был обязан.

— Когда семье что-то угрожает или когда ставки высоки, он поступает правильно. Если бы ваша мать… но нет, поговорим об этом в другой раз, — покачало оно головой. — Полагаю, ты пришла сюда не для того, чтобы просить совета, и уж тем более не за указаниями, да простят меня вознесшиеся святые угодники.

— Нет, недя, мне очень нужен твой совет! — возразила Ингрей. — Я пообещала Палад, что

приду, когда пролокутор захочет побеседовать с ним, наверное, это не слишком хорошая идея, но я так решила. И думаю, что смогу справиться с тем, что случится потом, — сказала она, хотя и не была так уж уверена. — Но посол Гек — это ведь совсем другая история.

— Значит, ты не окончательно разума лишилась. Уже что-то. — Недя Лак прикрыло глаза, затем открыло, уставившись куда-то в пустоту перед собой. Наверное, читало или слушало что-то. Спустя какое-то время оно сказало: — Посол потребовала встречи с капитаном Тиком Уйсином, как только прибыла в систему, но капитан к этому времени уже покинул док. В документах значится, что его маршрут пролегает к одной из внешних станций, не принадлежащей Хвай. К этому моменту он, должно быть, вышел за границы хвайского сектора.

А может, еще и нет, если не вдаваться в детали. Эти внешние станции очень далеко.

— Проще всего сказать послу, что капитан Уйсин находится вне зоны досягаемости.

— Ну и ладно, — согласилась Ингрей. — Он гражданин Тира, и сама президент Тир Сииласа отказалась выдать его Гек. Мы же не хотим проблем с Тиром. Кроме того, он человек, и Гек не

имеют над ним власти.

— Именно это меня и удивляет, почему Гек так сильно хотят до него добраться. Но ты права, мы не можем сдать его. Это создаст плохой прецедент в отношениях с Гек. А если уж совсем честно, такого быть не должно. Раньше нам вообще не приходилось обсуждать вопросы с Гек. Этим должна заниматься посол радчааи, которая прямо сейчас, как мне подсказывают, находится на борту корабля Гек и говорит, что ничем не может им помочь. Ну и на что она вообще годится?

— Не знаю, недя.

— Сбежав, капитан Уйсин всем нам оказал услугу. Странно, конечно, что он заранее знал о прибытии Гек, хотя на тот момент это было известно всего лишь нескольким. — Лак помолчало немного, словно ждало, что скажет Ингрей, а затем спросило: — Корабль в самом деле угнан?

Не желая лгать неде прямо в лицо, Ингрей ответила:

— У него были при себе все документы, как я и говорила. Начиная с судоверфи.

— Полагаю, это и есть ответ на мой вопрос. Так зачем ты с самого начала отправилась на Тир Сиилас? И что ты там приобрела, раз вернулась домой совсем без денег?

Она решила потянуть время, чтобы придумать правдоподобный ответ, поэтому взяла чашку с шербетом.

— Ингрей. — Когда она отпила, лицо Лак исказилось, словно в голову пришла жуткая мысль. — Ты же полетела туда не для того, чтобы найти посредника и вытащить Палад Будраким из «Милосердного устранения»? Скажи мне, что это не так.

У Ингрей рот был полон шербета, и она едва не выплюнула его в чашку. Секунду спустя ей удалось проглотить напиток и даже поставить чашку на стол, а не уронить. Она хотела сказать: «Это просто смешно», но знала, что уже и так слишком долго тянет с ответом.

Лак вздохнуло:

— Я говорило Нетано, что нельзя заставлять своих детей соперничать. В самом начале еще. И предупреждало, что не стоит вознаграждать детей, когда они всерьез рискуют. Но она всегда поступала по-своему, никого не слушала. Думаю, она поняла свою ошибку, когда Ваор ушло. Знаю, вы с Данаком считаете, что она его выгнала, но это не так. Оно сбежало от Нетано. Ты не поверишь, но Нетано очень тогда расстроилась. Наша собственная мать… В общем, есть определенные

причины, почему у моей сестры не было детей, пока не умерла наша мать, и почему у нее лишь приемные дети. Нетано не желала становиться такой, как наши родители. Поэтому когда Ваор ушло… — Недя Лак покачало головой. — Возможно, Нетано хотела все изменить в отношении вас двоих, но моя сестра такая, какая она есть. Кроме того, прошлого не воротишь. И все же, я думало, что поступить настолько амбициозно и разрушительно для самого себя может лишь Данак.

Ингрей нечего было возразить.

— К кому ты обратилась? Полагаю, к «Золотой орхидее»? Они взяли плату и привезли Палад?

С ней никогда еще не говорили настолько прямолинейно, но…

— Да, — созналась она.

— Мне нужно подумать. Есть факторы, о которых ты даже не подозреваешь, но они все усложняют, и пока я не могу рассказать тебе о них. И если вся эта афера с Палад всплывет, то ни твоя мать, ни я не сможем защитить тебя, как бы ни старались. Надеюсь, что не всплывет… Подозреваю, практически все представители Ассамблеи заключали сделки с тирскими посредниками и при этом умудрялись не нажить проблем. Они сами или члены их семей. Кро-

ме того, есть несколько причин, из-за которых подобные вещи никогда не раскрываются в соответствии с пожеланиями правительства. Но обещать ничего не могу.

— Конечно, — кивнула она.

Все казалось нереальным, кроме стыда и обреченности. Зачем она сделала это?

— Что имеем, то имеем. Поезжай к безопасникам. Если посол увяжется за тобой, очень вежливо в присутствии свидетелей скажи, что не можешь говорить с ней и что сам факт того, что она находится на планете без разрешения, возможно, нарушает условия соглашения.

— Я ей еще дома об этом сказала.

— Хорошо. Повтори еще раз. А затем больше ни о чем с ней не разговаривай. Я передам твоей матери, чтобы она отправила сообщение послу радчааи к Гек и заявила о преследованиях.

— Спасибо.

— Поблагодаришь меня, когда расскажешь о том, как пройдет беседа пролокутора с Палад. Очень интересно, насколько быстро прилетит Этьят Будраким, когда услышит, что Палад вернулось, а еще интереснее то, что заявится он сам, а не его дочь, учитывая, что Гек тоже здесь. Что-то происходит за нашей спиной. Ты случайно не

знаешь что?

— Нет. Клянусь, я не знаю.

Недя Лак право, Ингрей была в этом уверена. Она видела все своими глазами, но не догадалась, хотя могла бы и сообразить, что у Палад с самого начала был какой-то собственный план, по крайней мере с того момента, когда оно согласилось взойти на борт и вернуться на Хвай. С намерениями Ингрей он совпал лишь по чистой случайности. Да и арестовали Палад тоже случайно.

— Прости меня, недя.

— Попросив прощения, разбитую чашку не склеишь, — отозвалось Лак. — А теперь иди. Нельзя заставлять себя ждать, да и у меня полно дел. И еще кое-что… Ингрей, ты до сих пор ни у кого не спрашивала совета, и мне жаль, что тебе пришлось это сделать сейчас, но в любом случае прошу тебя: держи меня в курсе дела.

— Конечно, недя.

Глава 9

В машине Ингрей наконец-то сняла черную сумку Палад с плеча и бросила на пол, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. От офиса Нетано до окружного отделения Службы безопасности недалеко, можно и пешком дойти, и в любой другой день она бы так и сделала, но сегодня не хотела столкнуться на улице с кем-то из знакомых или репортеров. Или что еще хуже — с послом Гек. Не успела она об этом подумать, как кто-то прошептал свистящим голоском пойиирски:

— Пожалуйста, Ингрей, только не кричи.

Она открыла глаза, голосок продолжил:

— Это я, Тик Уйсин. Ты не из тех, кто кричит, но хотел предупредить на всякий случай.

Из сумки, лежащей у ног, выросли глаз на стебельке и три странно сочлененные волосатые конечности. Ингрей попыталась вскочить и пребольно стукнулась головой о потолок машины.

— Произошел несчастный случай? — спросил автопилот, когда Ингрей с воплем удивления и испуга рухнула в кресло. — Требуется голосовое

подтверждение в течение пятнадцати се…

— Нет, все в порядке, — ответила Ингрей, вжимаясь в спинку сиденья, как можно дальше от внезапно появившегося паука-меха. — Что…

Больше слов у нее не нашлось.

Появился еще один глаз. Выходит, это паук-мех притворился сумкой…

Теперь понятно, как послу удалось добраться до дома Нетано и остаться незамеченной.

— А Палад… То есть Гарал…

Она не могла вспомнить, какое из имен известно капитану Уйсину. Когда заместитель начальника Верет назвало его имя, сумка висела у Палад на плече.

— Палад знало, что…

— Я просто хотел присмотреть за ним, — сказал паук-мех, словно не услышал ее слов. — Не то чтобы я думал, что ему это нужно, хотя позже все-таки выяснилось, что нужно.

Все ясно. Просто капитан находится очень далеко, идет задержка в связи. У посла она составляла где-то секунду. Капитан Уйсин предположительно намного дальше.

Паук-мех продолжил:

— Служба безопасности задержала Палад, и это приведет лишь к одному результату, худшему

для него, даже если не учитывать, что в дело вмешалась Федерация. Ты отлично все понимаешь, потому что твой дрянной братец упоминал об этом в доме матери. Но тебе приходится действовать в одиночку. Что мы можем сделать в такой ситуации? Вот в чем вопрос.

Ингрей помолчала, ожидая, что он еще что-нибудь добавит, а затем спросила:

— А-а-а… а вам-то какое дело?

— Что это еще за вопрос? — отозвался паук-мех буквально через секунду. — Мы не можем терять время. Думаю, что консул Федерации, скорее всего, настоит на том, чтобы Палад выдали им как убийцу Зат, хотя всем ясно, что это сделал Хевом. Правда, не знаю зачем. Возможно, это както связано с политикой Федерации или враждой внутри семьи, он ведь ее сродич. В любом случае в Федерации нет таких тюрем, как «Милосердное устранение». Они казнят Палад публично, если решат, что это необходимо. Ты знаешь влиятельных людей. Палад, конечно, тоже, но они ему не помогут. Твоя мать, скорее всего, сейчас на полпути к станции, и твое недя, кажется, готово помочь. До определенной степени. И если я за время полета узнал вас достаточно хорошо, то следующие пять-десять минут ты побудешь в

ступоре, а потом найдешь какой-нибудь выход. Но у нас нет и этих минут, потому что, если я все правильно рассчитал, прямо сейчас мы подъезжаем к Службе безопасности.

Паук-мех втянул конечности и стал сумкой. И это действительно была сумка, потому что Палад хранило в ней свои вещи.

— Погодите, — сказала Ингрей, машина как раз остановилась перед входом. — Почему вы взялись за это?

Молчание. Ну конечно! Она не могла просто сидеть тут и спорить с сумкой, поэтому подобрала ее с пола и вышла из машины.

— Ладно, пять-десять минут, — прошептала сумка спустя секунду. — Но это все, что мы можем себе позволить. А теперь возьми меня и пойдем.

Ингрей не ответила. Одна секунда. Ровно столько длилась задержка связи. Точно так же, как у посла Гек. Ингрей повесила сумку на плечо, еле сдержавшись, чтобы не вздрогнуть, и вошла в здание.

Не зная, кому подать жалобу на то, что инопланетный посол ворвалась к ней в дом, Ингрей решила для начала увидеться с Токрис. Утром они поговорили по душам, да и вообще Ингрей всегда относилась к ней дружелюбно. Кроме того,

Токрис разбиралась в работе Службы безопасности и могла бы посоветовать, к кому лучше всего обратиться.

Но как только Ингрей пересекла порог главного входа и оказалась в вестибюле, из угла выполз тонкий, как веретено, трехногий мех.

— Мисс Ингрей Аскольд, пожалуйста, следуйте за мной, — сказал он. — Помощник заместителя начальника по тяжким преступлениям встретится с вами немедленно.

— Что? — удивилась Ингрей. Она даже не успела заявить о своем желании встретиться с Токрис. — Что-то случилось?

— Мисс Ингрей Аскольд, — повторил мех. — Пожалуйста, следуйте за мной. Помощник заместителя начальника по тяжким преступлениям встретится с вами немедленно.

— Ладно, — озадаченно сказала она. Должно быть, что-то все-таки случилось. — Я иду.

Токрис встретила ее в коридоре у двери кабинета.

— Только собиралась послать тебе сообщение и узнала, что ты вошла в здание, — сказала Токрис, когда мех удалился. — Пролокутор Будраким…

Открылась соседняя дверь, и оттуда вышел пролокутор Будраким, высокий, широкоплечий,

с круглым, словно высеченным из камня, симметричным лицом, с тщательно уложенными волосами, зачесанными назад. Несомненно, он понимал, что прекрасный внешний вид играет немаловажную роль в удержании власти, и поэтому всегда появлялся на публике идеально ухоженным и одетым по последней моде.

— Я поговорю с начальником по тяжким преступлениям, — сказал Будраким. — И подам в суд, если нужно. Это…

Он неожиданно замолчал, заметив Ингрей.

С раннего детства привыкшая обращаться к политическим противникам Нетано с апломбом, она заученно улыбнулась и, слегка поклонившись, произнесла:

— Пролокутор Будраким! Рада вас видеть.

— Мисс Аскольд, — кивнуло заместитель начальника Верет, выходя из офиса следом за пролокутором. — Радо, что вы уже здесь. Палад Будраким отказывается разговаривать с кем бы то ни было без вашего присутствия. Пролокутор хотел встретиться с ним, но не смог.

— За этим стоит Нетано, — сказал пролокутор, игнорируя слова Верет. — Ведь ты привезла Палад сюда.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, про-

локутор, — ответила Ингрей с приклеенной улыбкой. — Но буду рада помочь вам.

— Твоя помощь не нужна. Я требую встречи с Палад без записи и лишних ушей. Оно — мой ребенок, в конце концов.

— Пролокутор, — сказало заместитель Верет. — Как я вам уже объяснило, никто не может общаться с лицами, задержанными Службой планетарной безопасности, без наблюдения.

Его лимский акцент резал слух Ингрей, особенно в сочетании с официальными словами. Наверняка пролокутору тоже.

— Любые исключения, имевшие место в прошлом… — Верет слегка запнулось. — Совершались без моего разрешения, и я никак с этим не связано. Моя работа заключается в соблюдении закона.

— Подозреваю, что вам скоро придется подыскивать себе новую работу, — сказал пролокутор.

Ингрей вдруг поняла, что речь, видимо, идет о встрече пролокутора и Палад в прошлом. Возможно, именно поэтому Палад так настаивало на присутствии свидетеля.

— При всем моем уважении, пролокутор, — сказала Ингрей, — не думаю, что справедливо обвинять заместителя Верет, ведь это Палад отка-

зывается встречаться с вами.

Внутри разрасталась паника. Нетано учила детей обращаться к Этьяту Будракиму с неизменной вежливостью и говорить лишь то, что предписано этикетом, не более.

— Но я буду рада помочь.

— Еще бы. — Пролокутор Будраким слегка подпустил сарказма в голос. Он обратился к заместителю: — Я же сказал вам, чтобы ее не звали.

— Меня и не звали, — ответила ему Ингрей. — Просто так совпало, я приехала по своим делам.

Пролокутор презрительно усмехнулся. Ингрей повернулась к Токрис, которая все это время стояла у двери и молча наблюдала за происходящим.

— Токрис, мне нужно с тобой кое о чем поговорить. Мы можем встретиться после того, как закончим с Палад?

— Конечно. Приходи в мой кабинет, когда будешь готова, — сказала она и закрыла за собой дверь.

— Я к вашим услугам, пролокутор.

Та же пустая мрачная комната, обшарпанная белая скамья. Палад, вернее, его изображение на стене, стояло. Уголок рта слегка дернулся при виде Ингрей, но оно не сказало ни слова, просто ждало.

— Мне больно, — протянул Этьят. — Мое дитя не хочет говорить со мной.

— Я не утверждало, что не хочу, — сказало Палад. — Лишь то, что не стану говорить, пока не придет Ингрей. Здравствуй, Ингрей, спасибо, что пришла.

— Пожалуйста.

— Как ты выбралось из «Милосердного устранения»? Прости, но сделать так, чтобы ты туда не попало, или вытащить тебя оттуда было выше моих сил.

— Давай не будем лгать, — спокойно и серьезно отрезало Палад. — Ты сказал, что сможешь сделать так, чтобы я туда не попало, или вытащить меня, но не собирался даже и попытаться. Когда ты пообещал мне и заявил, что теперь все будет по-другому, я тебе поверило. Сейчас уже не верю. Я всем пожертвовало ради блага семьи, но больше этого не будет: ни запальчивости, ни гнева. Просто спокойное перечисление фактов. Уверено, при первой возможности меня снова спросят, что я сделало с теми раритетами. Некоторые охранники уже намекали. Благодаря этому я стало знаменитостью.

— Нет, — сказал пролокутор.

— Ты был готов отправить своего ребенка в

«Милосердное устранение» за их кражу. Что ты сделаешь, чтобы вернуть их? — Палад посмотрело на Ингрей. — Истина заключается в том, что я не крало раритеты. И никто их не крал. Они находятся там же, где и были.

— Но вчера вечером ты сказало, что готово открыть нам, что сделало с ними, — возразила она, но тут же поняла, насколько смешно это звучит.

— Сказало, — согласилось Палад. — И было бы признательно, если бы ты сообщила новостным агентствам, что я зарыло их в Эсвай. Помнится, пролокутор Будраким выступал против раскопок в заповеднике. Когда все узнают, что раритеты спрятаны там, он, конечно же, будет вынужден сменить пластинку. Он устроил такое шоу, желая найти их и вернуть. Ну что ж, если их можно вернуть, только раскопав заповедник, значит, ему придется это и сделать.

— Новостные агентства еще не знают, что ты здесь, — сказал пролокутор. — А если узнают, то сочтут, что лучше об этом никому не сообщать.

— Полагаю, мы скоро узнаем, кто может сильнее надавить на них — ты или представитель Аскольд. Уверено, что она не упустит возможности публично осрамить тебя. Скоро ведь выборы, не так ли?

— Чего ты хочешь? — жестко и прямо спросил пролокутор.

— Конца твоей политической карьеры, — спокойно ответило Палад. — Хочу, чтобы все узнали, что ты со мной сделал. Проблема лишь в том, что у меня нет доказательств. По крайней мере, тех, которые были у меня во время суда, а потом… — Оно помахало рукой. — Мы же помним, как все пошло. Я прекрасно понимаю, что могу рассказать свою историю всем репортерам отсюда до станции Хвай, но это ничего не изменит. А если и изменит, то лишь после многих лет судебных тяжб, на протяжении которых ты будешь отравлять жизнь всем, кто посмел помочь мне. Ты научил меня прагматизму. Поэтому я постараюсь опозорить тебя любым возможным способом. — Оно снова повернулось к Ингрей. — В других системах люди смеются над нами и нашими раритетами. С одной стороны, из-за того что считают саму идею коллекционирования смехотворной, а с другой — потому что самые известные раритеты совсем не то, чем они должны быть. Помнишь панель в ларии системы? Ту самую, которая считается обломком шлюза первого пилотируемого исследовательского корабля, который прилетел в эту систему? Но корабли такого типа появились

лишь через шестьсот-семьсот лет после того, как это произошло.

— Фальшивка? — ахнула Ингрей.

— Она, — кивнуло Палад. — И «Отказ от выполнения дальнейших обязательств перед Тиром» тоже. Не сам текст, конечно, он как раз настоящий, именно эти слова были высказаны Тиру после погашения долга. Но документ, хранящийся в ларии системы, поддельный. Буквы стали изображать в таком стиле лишь после обретения независимости, да и ткань, на которой они написаны, не старше четырехсот лет. На самом деле почти все раритеты, «найденные» на чьем-нибудь чердаке или в заброшенном хранилище, были сфабрикованы за пару месяцев до счастливой находки. Это становится очевидно практически сразу, если исследовать раритеты и устанавливать их подлинность за границами Хвай.

Ингрей даже не знала, что сказать. «Отказ от выполнения дальнейших обязательств перед Тиром» — фальшивка? Она вспомнила, как подолгу рассматривала его, хотя часто бывала в ларии, где когда-то Основатели встречались с людьми, чьи имена непрерывной нитью шли от начала времен. Этот документ, провозглашавший

независимость и государственность хвайцев, настолько поражал ее, что она стояла пред ним в молчаливом благоговении. Если он фальшивка, то между льняной тканью из лария и информационным файлом нет никакой разницы.

— Мое преступление, — продолжило Палад, наслаждаясь ледяным молчанием пролокутора, — в том, что я лишь пыталось побольше узнать о семейных раритетах, которые мне надлежало хранить. Я стало искать информацию о гарседдианцах где только можно. И вскоре обнаружило, что практически везде, кроме Хвай, эксперты, разбирающиеся в этой теме, прекрасно осведомлены о раритетах Будракимов и знают, что они фальшивые. Сначала я просто не поверило, но чем больше копалось в теме, тем очевидней это становилось. Поэтому я рассказало о своем открытии отцу, так как считало это серьезным делом. Если раритеты, доказывавшие происхождение и родословную Этьята Будракима, — фальшивки, то кто мы тогда такие? Кроме того, мне поручили хранить семейные раритеты, а я серьезно отношусь к ответственности.

— Ты уже попыталось использовать эту ложь, когда тебя в первый раз обвинили в преступлении, — сказал пролокутор с неожиданно скорб-

ным лицом. — Но и тогда ты меня не убедило.

— Еще как убедило! Именно поэтому спустя несколько недель ты вдруг обнаружил, что это не оригиналы, а всего лишь копии плохого качества, и обвинил меня в краже. Чего уж проще — использовать информацию, которую я само тебе предоставило, рассказав про подделки. А теперь, если я и говорю правду, выглядит так, будто я лгу. Но когда меня задержали, ты уверял, что все будет в порядке. Это единственный способ сохранить репутацию Этьята, который провозгласил истинность семейных раритетов в самом начале, сказал ты, а еще — что позаботишься обо мне, если я буду молчать. Да уж, ты обо мне позаботился! — Палад обратилось к Ингрей: — Я лишь хочу сообщить новостным агентствам о том, что меня несправедливо осудили за преступление, которого я не совершало. А еще я надеюсь погубить политическую карьеру пролокутора и, может, даже увидеть, как его отправят в «Милосердное устранение», хотя не уверено, что у меня получится. Но думаю, что смогу заставить его подыграть мне и начать раскопки в заповеднике, где ничего нет… Если удастся, то это в конце концов приведет к нужному результату. Поэтому сделай мне одолжение: расскажи репортерам

о том, что я зарыло раритеты около холма, где погибла светлость Зат.

— Это им точно понравится, — восхитилась Ингрей, не в силах противиться самой себе.

— Еще бы! — согласилось Палад с веселыми искорками в глазах. — И матери своей тоже расскажи. А я собираюсь сообщить обо всем охранникам, сегодня же и начну.

Пролокутор Будраким сделал определенные выводы и сказал:

— Наш разговор записывают. Ты только что заявило, что не крало раритеты. Каким же образом они могут оказаться в Эсвай?

— Хорошее наблюдение, — сказало Палад. — А давай лучше пошлем в новостные агентства весь разговор. Пусть народ сам решает.

Ингрей этот ход показался рискованным: вряд ли хвайцы будут на стороне Палад, которое сказало, что «Отказ от обязательств» — фальшивка. И потом, его слова противоречат друг другу. Но, похоже, Палад уже нечего было терять, а Ингрей знала, как ему подыграть.

— Вообще-то скоро выборы, — благочестиво промолвила она.

— А ты только что сказало, что в ларии системы полно фальшивок, — заметил пролокутор

Будраким. — Вряд ли благодаря этому ты станешь популярнее и сможешь убедить людей прислушаться к тебе.

— Внимание хотя бы привлеку, — пожало плечами Палад. — Разговор окончен. По крайней мере, с тобой, пролокутор. Мне есть что сказать репортерам.

Оно улыбнулось лишь уголками рта. Ингрей даже поежилась. Пролокутор Будраким в ледяном молчании вышел в коридор. К нему подскочил веретенообразный мех, предлагая проводить, но тот развернулся и зашагал прочь. Мех кинулся следом, едва поспевая.

Другой мех отвел Ингрей к кабинету Токрис.

— Ингрей, возникла одна проблема, — сказала Токрис, встав ей навстречу. Она убедилась, что мех ушел, закрыв за собой дверь, и продолжила: — Консул Омкема говорит, что Федерация начинает судебный процесс, и требует, чтобы светлость Хевома передали им.

— Ожидаемо, — ответила Ингрей.

— Да, и это плохо. Час назад поисковики нашли меха, принадлежавшего светлости Зат. И нож. Другой нож, тот, которым зарезали Зат, а не тот, который лежал в сумке Палад. — Она мельком глянула на сумку, висевшую на плече Ингрей,

а затем посмотрела в глаза. — Нож был в отсеке внутри самого меха.

— Где нашли меха?

— В реке. Нога застряла между кусками стекла на дне. Одного маркировочного кола не хватает.

— Так, теперь ясно, что меха использовали для убийства Зат. Никто, кроме Хевома, не мог этого сделать. Мы же знаем, что мех произведен в Федерации и больше никто не умеет управлять им.

— Как мы и говорили, ни у кого не было доступа, и, скорее всего, он несовместим с нашими имплантатами. Мы, конечно, все еще раз проверим, чтобы убедиться. Сейчас мы проверим Палад, но сомневаюсь, что у кого-нибудь в радиусе километра от заповедника было необходимое оборудование. В этом случае положить нож внутрь меха могли либо Зат, либо Хевом. Так что без вопросов: убийство совершил Хевом, мы только не знаем почему. Но проблема не в этом. Вернее, это, конечно, проблема, что Федерация буквально требует, чтобы мы объявили убийцей невинного, а Хевома отправили домой. Но главное, что Омкемская Канцелярия хочет, чтобы мы выдали им Палад, которого они собираются судить за убийство светлости Зат.

Ингрей показалось, что сумка дернулась и, при-

тянув ее руку, прижалась к боку, словно хотела от чего-то предостеречь.

— Но Палад не могло этого совершить! — сказала она и добавила: — А откуда они вообще знают, что оно там было? Погоди. Хевом!

Хевом находился в комнате, когда заместитель Верет назвало имя Палад. *И* когда нашли нож.

— Что-то тут не так, Ингрей. Не сходится. Зат богатая и влиятельная. У нее много друзей и сторонников.

— А Хевом — бедный родственник. Почему же они так его защищают? И почему, — на нее вдруг накатила тошнота, — стараются обвинить Палад в убийстве?

— Возможно, им надо кого-то наказать, но гораздо проще решить, что это сделал не один из них, а кто-то из нас, — предположила Токрис. — Но даже если и так, вряд ли причина только в этом. Я чувствую, есть что-то еще, только не пойму что. Палад точно не убивало Зат, и мы можем это доказать. Заместитель начальника заверило в этом консула, но она все еще собирается затеять судебную тяжбу. И просит представителей поддержать ее требования. Боюсь, пролокутор Будраким будет только рад избавиться от Палад. И уже неважно, сможет ли оно убедить новостные

агентства насчет раритетов, если его отправят в Федерацию Омкем и казнят за убийство, совершенное Хевомом.

— Ты все слышала!

— Слышала, — призналась Токрис, смутившись больше, чем нужно, ведь, без сомнения, это входило в ее обязанности. — Вы с Палад друзья? Похоже, оно доверяет тебе, раз просило присутствовать при разговоре с отцом. Если пролокутор в самом деле предал его, чтобы защитить репутацию фальшивых семейных ценностей, то неудивительно, что оно не хотело общаться с ним наедине.

— Да, — подтвердила Ингрей. — Мы друзья.

Токрис кивнула, словно Ингрей сказала чуть больше, чем спрашивали.

— Не думаю, что я сумею чем-то помочь. Не знаю, смогу ли. Палад все еще считается умершим с юридической точки зрения. Такого раньше не случалось.

— Я уже подозреваю, что случалось, только нам не сообщали, — нахмурилась Ингрей. Внезапно причина, по которой она пришла на встречу с Токрис, показалась ей бессмысленной и даже тривиальной. Хотя все было, конечно, не так. Присутствие инопланетного посла, пусть даже и

в теле управляемого меха, могло представлять гораздо более серьезную опасность, чем ситуация, в которую попало Палад. Но вряд ли Служба планетарной безопасности поможет ей разобраться с этим. Посол Гек вправе делать все, что ей заблагорассудится, только не станет же она торчать здесь бесконечно? Что ж, по крайней мере, Тик и его корабль вне пределов досягаемости.

— Токрис, — сказала Ингрей.

Она заметила, как что-то мелькнуло на лице помощницы. Стыд? Удовольствие? Неужели просто от того, что она назвала ее имя? Токрис всегда была стеснительной, но… вдруг Ингрей поняла, почему Токрис открылась перед ней этим утром, почему интересовалась, с кем она дружит.

— Токрис, — повторила она.

На лице девушки появилось то же самое выражение. В общем-то Ингрей не имела ничего против, просто сейчас у нее совсем не было времени, чтобы остановиться и все как следует обдумать.

— На нашей планете находится посол Гек.

Ингрей рассказала о том, как посол задержала корабль на Тир Сииласе и обвинила капитана Уйсина в угоне, а затем этим утром заявилась к ней домой.

— Каким образом посол спустилась на планету? — спросила Токрис. — Я думала, что Гек нужно постоянно находиться в воде, слышала где-то.

— Вообще-то здесь не сама посол, а мех, которым она управляет. И это… довольно странный мех. Он чем-то похож на паука и может менять форму, — ответила Ингрей, вдруг вспомнив, какая сумка висит у нее на плече. Этот мех был практически таким же, как у посла.

— Вряд ли Служба планетарной безопасности может что-то сделать. Допрашивая тебя, посол, скорее всего, нарушает межрасовое соглашение. Со временем Гек все равно придется улететь. Думаю, даже если ты подашь заявление, тебе скажут, что мы ничем не можем помочь. И если это никому не принесет вреда, то мы, скорее всего, выполним, что она хочет. Полагаю, если бы капитан Уйсин не улетел, то Ассамблеи начали бы спорить, выдавать его ей или нет, даже рискуя отношениями с Тиром. В конце концов, он же не хваец, и никто не хочет нарушать соглашение.

— Точно, — сказала Ингрей, снова чувствуя, что летит в пропасть. Жуткое ощущение, но уже знакомое. — Но я же могу подать заявление, верно? Могу сделать так, чтобы появилась официальная запись о том, что она здесь, беспокоит меня и пы-

тается найти Палад? Кому я должна его подать?

Ингрей не хотела, чтобы сумка превратилась в паука в ее руках, поэтому, сев в машину, бросила ее на пол и принялась ждать. Спустя несколько минут на поверхности появились глаза и уставились на Ингрей.

— Это заняло больше десяти минут, — прошептал мех. — Но в целом я был прав. У тебя есть план. Давай расскажи мне, как мы будем вытаскивать Палад оттуда?

— Вы… ты все это время знал, кто оно такое?

Прошли две секунды.

— Трудно поверить, что ты сразу не поняла, кто оно такое. «Золотая орхидея» не совершает подобных ошибок. Палад, конечно, невероятно убедительно лжет, тут я соглашусь, но этого следовало ожидать, учитывая воспитание. У тебя и самой неплохо получается, вряд ли это врожденное качество. Но «Золотая орхидея» не доставила бы его, если не была бы абсолютно уверена, что это Будраким. Очевидно, что Палад не знало, что ты собираешься делать, и не хотело ни в чем участвовать. Как только оно разобралось в ситуации, сразу передумало. И, прежде чем ты спросишь, скажу, что Палад право насчет того, как люди, живущие за пределами Хвай,

относятся к вашим раритетам. И насчет гарседдианских раритетов Будракимов Палад тоже право, исходя из того, что мне удалось узнать, — они были фальшивками с самого начала. Неужели ты станешь спорить и доказывать, что весь этот хлам, выставленный на станции, настоящий и очень важный?

— Раритеты важны для нас! — воскликнула уязвленная Ингрей.

— Да какая теперь разница, — ответил мех. — Не будем отвлекаться. Что у нас за план?

— Ну… — протянула она. Внезапно идея, выглядевшая такой блестящей и очевидной в кабинете у Токрис, стала вдруг казаться непродуманной и даже смешной. — Вот этот мех, которым ты управляешь, он практически такой же, как у посла?

Она замолчала, боясь продолжить, потому что идея казалась теперь совершенно глупой.

— Ингрей, — прошептал мех. — А чем ты занимаешься в команде неди Лак? Пожалуйста, скажи мне, что оно каждый раз консультируется с тобой, когда ему нужна невероятная блестящая стратегия. То есть ты предлагаешь, чтобы я изобразил посла и потребовал, чтобы Палад выдали Гек? То есть мне? Нам?

— А ты сможешь?

— Конечно, смогу. Я знаю ее с рождения. Вообще-то какое-то время посол была не она, а он, к тому же использовалось еще несколько других местоимений. В этом языке не хватает нужных слов. Но суть в том, что я знал это существо всю свою жизнь и смогу выдать себя за нее. Делегацию Гек обмануть, конечно, не удастся, но посла радчааи вполне, только какой от нее прок.

— В этом-то и проблема. Посол радчааи поддерживает контакт с хвайскими властями. Она тоже поймет, что ты не посол Гек.

— Нет, не поймет, — прошептал Тик, каким-то образом сумев выразить презрение посредством свистящего голоса меха. — Посол Гек не разговаривает с ней. И никогда не говорила. Хоть радчааи занимала этот пост большую часть своей жизни, она, как я подозреваю, проводила время, просматривая радчаайские развлекательные программы, играя в кости и еще жалуясь, что не может найти хороший чай. В общем, для нас она не проблема.

— В отличие от посла Гек, — заметила Ингрей.

— Может быть, — не стал спорить Тик. — Но, если ты помнишь, она искала Палад не потому, что хотела навредить ему, а из-за того, что он

прилетел на моем корабле. На самом деле лучше, чтобы его действительно выдали делегации Гек, а не Федерации Омкем. Может, так и случится, если нам удастся доставить его на станцию, но мы не успеем поднять его на борт, прежде чем нас поймают.

— Ты же где-то в пределах станции, — сказала Ингрей. — Задержка слишком короткая.

— Подловила. Само собой, я не отправился по указанному маршруту. Лишь немного изменил внешний вид корабля и послал фальшивый идентификационный номер. Я не пришвартован в доках, но, если начнется проверка, вряд ли мне позволят взять пассажиров, если, конечно, я не склоню на свою сторону власти станции. Или посла.

— Так почему ты во все это ввязался?

Этот вопрос до сих пор беспокоил ее. Они знали друг друга уже несколько недель и общались вроде нормально. Она вспомнила, как пьяный Тик, слегка пьяный, сказал, что Палад ему нравится. Как паук-мех ласково гладил когтем его коротко стриженые волосы. И как Палад, узнав, что в систему прилетели Гек, сразу же сообщило капитану, еще до того, как она успела подумать об этом.

— Вы с Палад…

— Нет, — решительно просвистел мех. — Оно пока не готово. Если вообще когда-нибудь заинтересуется.

— Ха! — воскликнула она. — А ты к нему неровно дышишь!

— Давай лучше поговорим о молодой женщине, офицере безопасности, которая неровно дышит к тебе. А что? Она довольно соблазнительно выглядит в форме, уверен, что ты это уже заметила.

Ингрей ничуть не смутилась.

— Даже если и заметила, что с того? Не твое дело.

— Вот именно! — огрызнулся мех. — Так куда мы теперь направляемся?

— Домой, — сказала Ингрей. — Я проверяла, посол уже ушла. Я должна поговорить с Хевомом. Что-то не так, в смысле что-то происходит. И недя Лак, и Токрис это заметили, и они правы. Я хочу понять, что именно. Возможно, Хевом мне ничего не скажет, но вдруг я смогу разузнать. А еще я хочу пообедать.

— А после обеда мы вернемся в Службу планетарной безопасности и попробуем вытащить Палад.

Глава 10

Ингрей оставила сумку-меха в своей комнате и пошла искать Хевома. Он сидел на скамейке в саду под тенью ивы и смотрел в пространство. Совершенно опустошенный.

Она открыла стеклянную дверь, но не стала спускаться на замшелые камни дорожки, закрыла створку и просто стояла, глядя на него и думая, что лучше его не тревожить. Она могла бы пойти на кухню, где всегда находились слуги, которые знали ее с самого детства. Она могла бы сказать им, что просто не хочет оставаться одна. Именно это она поняла сейчас, выглянув в сад. Могла бы сесть где-нибудь в уголочке с чашкой шербета и смотреть, как слуги готовят.

С момента пробуждения она находилась в постоянном движении, все время что-то прикидывала, что-то просчитывала. Такое ощущение, будто она по поручению неди Лак занимается организацией встречи или кампании. Нужно было продумать кучу деталей и предотвратить возможные нежелательные результаты. Все происходило здесь и сейчас, так что у нее не было

даже времени, чтобы начать беспокоиться или бояться, пока это все не завершится. А завершаться оно и не собиралось. Но, посмотрев на Хевома, сидящего под деревом, она вспомнила утренний разговор о ножах и колах, о том, кто убийца, и в памяти очень живо всплыла неподвижная Зат, прислонившаяся к пучковому дереву, с запекшейся кровью в уголке рта. Упавший стручок, скользнувший по ее застывшему лицу.

Ингрей прижала ладонь к губам. Ей не хотелось вспоминать. Она не могла. Не могла даже думать о Хевоме, сидящем в ее доме, в ее саду. Вообще-то дом, конечно, принадлежал Нетано, и если это могло принести ей политическую выгоду, то Нетано держала бы Хевома здесь независимо от того, сколько убийств он совершил. Ингрей принимала это просто как факт, потому что слишком долго жила тут. И никогда не сомневалась. Ей необязательно было выходить в сад. Она не хотела говорить с Хевомом, но Ингрей желала узнать, ей нужно было понять, почему он совершил то, что совершил. Знать наверняка, а не просто предполагать и строить теории. Больше она не могла отгонять от себя воспоминания о светлости Зат, прислонившейся к дереву. Мертвой Зат.

А что, если это совершил не Хевом? Наверняка

он, кто ж еще?

Она опустила руку и вдохнула поглубже. Снова открыла дверь и, пройдя по замшелой каменной дорожке, села рядом с Хевомом на скамейку. Он мельком посмотрел на нее и отвернулся.

— Как ваши дела, светлость? — спросила она, сама удивившись, что голос не дрогнул и вышло вполне дружелюбно.

Он долго молчал, не меняясь в лице.

— Все хорошо как будто бы, — наконец сказал он. — Я больше не мог оставаться в комнате ни на секунду, но идти я тоже никуда не желаю. Только вернуться домой. — Он посмотрел в глаза Ингрей. — Не хочу показаться неблагодарным. Все были так внимательны ко мне.

Еще бы! Что бы он там ни совершил, с политической точки зрения выгодно верить, что не он это сделал. Сидя здесь, рядом с убийцей, и зная, что он убийца, Ингрей вспомнила, как предполагала, что Гарал (тогда для нее еще не-Палад) могло убить кого-то, раз уж его сослали в «Милосердное устранение». Тогда это все казалось таким абстрактным. А потом выяснилось, что его сослали за то, чего оно не делало. Просто потому, что его отец хотел скрыть обнаруженные факты.

То, что совершил Хевом, ее ужасало, и сидеть

рядом с убийцей было страшновато. А еще она вдруг поняла, что злится на него.

— Знаю, для вас наступили непростые времена, — сказала она мягким, заботливым голосом. — Даже если ненавидишь человека, убить его непросто.

Реакции не последовало, но сердце ее застучало быстрее от того, что она осмелилась обвинить Хевома вслух. Благодаря многолетней практике выступлений перед репортерами голос ее остался таким же спокойным, радостным и даже сочувствующим.

— Хотя кое-чего я все-таки не понимаю. Зачем вы это сделали? Вы ненавидели ее, но это же не причина убивать человека.

Хевом снова поглядел на нее.

— И почему вы использовали нож? Могли бы просто убить ее этими колами. Зачем было закалывать ее ножом, прятать его в меха, а мех топить в реке?

Никакого ответа. Ветер шелестел в кроне ивы, раскачивая ветви, солнечные зайчики плясали на замшелых камнях.

— И почему Федерация так настаивает на том, чтобы как можно скорее отправить вас в Омкем?

— Значит, так здесь расследуют убийства? —

спросил он, глядя мимо нее. — Неудивительно, что консул хочет поскорее вывезти меня. Я, конечно, знал, что хвайцы легковерны и бескультурны и что ваши так называемые органы правопорядка не более чем шутка для всего остального цивилизованного мира. Но даже не думал, что тут все настолько плохо.

Ингрей не сразу нашлась, что сказать в ответ. Лишь улыбалась, словно ничего не произошло.

— Почему вы пытаетесь повесить убийство на Палад? Оно ничего вам не сделало. У него и своих проблем хватает, почему вы хотите казнить его за то, что сами совершили?

Хевом не ответил.

— В этой истории столько несуразностей. Я просто хочу понять, что происходит.

— Не сомневаюсь, — заметил он, словно его веселило все происходящее. — Мне нет дела до того, что случится с Палад Будраким. Да и никому тут нет до него дела.

Ага, поэтому они и пытаются все повесить на него. В самом убийстве смысл, несомненно, присутствовал. Только зачем было использовать нож и привлекать Палад в качестве подозреваемого? Может, увидев Палад, Хевом узнал его? Или решил, что это человек без денег и семьи и такого

Служба безопасности с легкостью посчитает преступником? Или нож взяли для того, чтобы бросить тень на всех, проживающих в доме Нетано, по когда открылась истинная личность Палад, то все решили свалить на него. А может, все как-то связано. Тогда все равно непонятно, зачем это было нужно?

— Вы, наверное, очень сильно ненавидели светлость Зат, — предположила Ингрей. — Но вряд ли это единственная причина, как я уже и говорила. Однако вы не убили бы ее, если б не испытывали к ней ненависти. Почему? Понимаю, что у вас разные политические взгляды, но этого же недостаточно, чтобы желать ей смерти. Знаю, что она была, как это говорится… сродницей?

Это слово не имело точного эквивалента ни на бантийском, ни на йиирском и означало «родственник со стороны родителя сводного брата или сестры».

— Теперь-то, когда она умерла, вы же можете говорить о ней.

Хевом вдруг выпрямился и гневно посмотрел на нее:

— Вы не имеете ни малейшего представления об общепринятых приличиях.

Его оскорбили не обвинения в убийстве, а

нечто другое. Неужели мысль о том, что он может напрямую говорить о светлости Зат, даже о мертвой, более того, о той, которую он сам убил?

— Ну, я же легковерная и бескультурная. — Ингрей изумилась, насколько легко вылетели эти слова.

Хевом крякнул от отвращения и отвернулся. Раздался неожиданный скрип, что-то стукнуло. Ингрей вздрогнула, сердце ее заколотилось. Она оглянулась. Сквозь открытую дверь на замшелую дорожку сада спускался огромный черный паук-мех с дюжиной глаз на дрожащем теле.

— Ингрей Аскольд! — просвистел он. — Я вижу тебя, Ингрей Аскольд! Ты хотела спрятать от меня человека Гарал Кет, но у тебя не вышло. Я знаю, где он. Отведи меня к Гарал Кет!

— По… Посол? — Разговор с Хевомом давался тяжело, и она совершенно забыла, что они с Тиком все это запланировали. Она и в самом деле растерялась и на миг подумала, что вернулась посол Гек.

— Гарал Кет! — настойчиво повторил мех, стуча когтем по камню.

Наверняка это Тик. А если все-таки посол, то хуже не будет.

— Конечно, посол.

Ингрей встала и обратилась к Хевому, который с удивлением уставился на паука-меха:

— С вашего позволения, светлость Хевом, у меня есть другие, более срочные дела.

Хевом посмотрел на нее, потом перевел взгляд на меха, но ничего не сказал.

— Следуйте за мной, посол.

— Где твой брат Данак? — спросил паук-мех. — Больше он меня не обманет.

Ингрей нахмурилась и послала мысленное сообщение слугам.

— Я не знаю, где Данак.

Перед взором появился ответ на вопрос. Слуги сообщали, что Данак уехал и его не будет несколько дней. Он не сказал, куда отправился. Нужна ли Ингрей помощь? Может, следует позвонить в Службу безопасности?

То, чем занимался Данак, ее не волновало. Она моргнула, дав слугам знать, что все в порядке, и заказала машину.

— Насколько мне известно, посол, Данак сейчас далеко. Идемте к выходу, подождем машину, и я отвезу вас к Гарал Кет.

Заместитель начальника Верет взглянуло на посла Гек, вернее, на меха, который представлял посла, и сразу же позвонило неде Лак.

Спустя десять минут Ингрей, мех и заместитель начальника сидели в комнате, очень напоминавшей местный офис Нетано, только стены были выкрашены в голубой, а столы и стулья в менее роскошный, зато немаркий черный. Заместитель устроилось в одном кресле, Ингрей в другом, а паук-мех расположился на полу между ними, следя за обоими и успевая поглядывать на экран на недю Лак, который находился точно в такой же комнате, только стена за его спиной была синей.

— Я отправило сообщение в Комитет по внешним отношениям Хвай, — сказало заместитель Верет. — Но они пока не ответили.

— Ответят, — кивнуло недя Лак. Оно посмотрело на паука-меха. — Посол, мне жаль, что заместитель начальника не может выдать вам заключенного. Существуют определенные процедуры. И кроме того, Гарал Кет — человек, гражданин Хвай. Это вопрос человеческих отношений и хвайского законодательства, и при всем моем уважении, посол, у вас нет оснований требовать его выдачи.

Мех не двинулся.

— Я слушаю, — просвистел он. — Гарал Кет не гражданин Хвай. Гарал Кет — не Гарал Кет. Гарал Кет — человек, которого считают мертвым, а если

человек умер, то его больше нет. Есть человеческая раса. Но человек, которого нет, больше не относится к человеческой расе.

Заместитель начальника Верет нахмурилось.

— Но очевидно же, что оно существует. Это не всегда применимо, посол, если кто-то мертв, то это не всегда означает, что его нет.

— Но в случае с Гарал применимо, — сказала Ингрей. — То есть с Палад. Разве нет? Оно не принимало чужого имени и своего имени никому не передавало.

А даже если и так, то его высылка в «Милосердное устранение» все это аннулировала.

Недя Лак поглядело на нее, словно что-то прикидывая.

— Но на самом-то деле Палад не умерло, Ингрей. А даже если и так, кем бы оно ни было, оно проникло на территорию Хвай по подложным документам и нарушило закон, находясь здесь.

— Гек принесут вам свои извинения за нарушение, — прошептал паук-мех. — И заплатят штраф. На Тир Сииласе сказали, что деньги решают любые проблемы.

— Это на Тире, посол, — возразило заместитель начальника Верет. — Наша юридическая система работает по- другому.

— Кроме того, Федерация Омкем, — ввернуло недя Лак, — тоже требует выдачи Гарал Кет, чтобы судить его за убийство светлости Зат. Мы им ответили то же самое. Заместитель начальника по тяжким преступлениям не может выдавать задержанных любому, кто об этом попросит. Вам придется обратиться в суд, посол.

Паук-мех стукнул когтем по желтой плитке на полу.

— Вы удерживаете человека, который принадлежит Гек. Это нарушение соглашения. Не спорьте со мной насчет соглашения. Гарал Кет — человек, который не относится к человеческой расе. Я заявляю, что оно — Гек. Если вы выдадите Гарал Кет омкемцам, то нарушите соглашение. Не спорьте со мной насчет соглашения. Вы не знаете его положений так, как я.

— Не уверен, что все работает именно так, — сказало недя Лак.

Паук-мех приподнялся на несколько сантиметров и ткнул когтем в изображение Лак на стене.

— Не. Спорьте. Со мной. Насчет. Соглашения.

Прозвучал мелодичный сигнал, и на экране рядом с недей Лак появилось изображение другого человека, одетого в белое. Белый плащ, слегка помятый, словно он долго лежал свернутым и

его лишь недавно достали, белые брюки, белые туфли. Белые перчатки. Темные, коротко стриженные волосы, торчащие ежовыми иголками на голове, на ее голове. Перчатки означали, что перед ними радчааи, потому что на бантийском о радчааи говорили исключительно в женском роде. На самом деле пол этого человека определить на глаз оказалось невозможно. Ни мужчина, ни женщина, ни неино.

— Алло? — сказала она с сильным йиирским акцентом. — А, вот вы где! Я не сразу вас разглядела. Здравствуйте. Я — Тибанвори Невол. — Она вздохнула, из-за странного радчаайского акцента она говорила, как злодеи в мелодраматической развлекательной программе. — Я посол человеческой расы на Гек.

Казалось, она сама не слишком уверена в этом, будто читала слова по бумажке и не до конца их понимала. Возможно, она просто плохо знала йиирский и использовала устройство-переводчик.

— Спасибо, что присоединились к нам, посол Невол, — сказало заместитель начальника Верет.

Посол снова вздохнула.

— Тибанвори. Я не посол, я пос… ох, это безнадежно. Я не могу вам помочь. Пыталась

объяснить, но никто меня не слушает. Я не контролирую ситуацию. Понятия не имею, почему посол Гек так… так зациклилась на беглом механике-пилоте. Неудивительно, что она сбежала, будь я на ее месте, я бы держалась как можно дальше от планеты Гек.

— Ее? — спросила Ингрей.

— Ее. Его. Их. — Посол совсем отчаялась. — Да какая разница. Когда мы были на Тир Сииласе, мы узнали, что пилот Уйсин заявил, что является гражданином Тира. И это ее… — Она подмигнула. — Его? Его право в рамках соглашения. Гек больше не имеет власти над… ним. Пилотом. Капитаном, как я полагаю. Хотя на самом деле она… он угнал этот корабль. И не один. Это причинило много неудобств. — Посол Тибанвори слегка улыбнулась, словно воспоминания развеселили ее. — Посол Гек прекрасно об этом знает. Она разбирается в соглашении лучше, чем кто бы то ни было, и должна понимать, что у нее нет юридических оснований преследовать механика-пилота. Она могла бы подать властям Тира прошение на компенсацию стоимости украденных кораблей, как ей и предложили люди, к которым она обычно прислушивается.

Посол Тибанвори махнула рукой, словно пыта-

лась избавиться от надоевшей проблемы.

— Я не из их числа. Поэтому, честно говоря, не вижу особого смысла в моем присутствии.

— В любом случае спасибо, что уделили нам время, — сказало недя Лак. — Раз вы уж все равно тут, может, все- таки ответите на несколько вопросов? Думаю, вы и сами хорошо разбираетесь в положениях межрасового соглашения.

Посол Тибанвори сделала какой-то жест, который недя Лак восприняло как согласие.

— Ее светлость посол Гек в Пресгер заявляет, что некий хвайский гражданин на самом деле подпадает под юрисдикцию властей Гек.

Посол Тибанвори закатила глаза и раздраженно крякнула.

— Понятия не имею, какую игру затеяла посол. Хваец не может быть гражданином Гек.

— Это не совсем обычный случай, посол, — сказала Ингрей. — Этот человек хвайский гражданин, но он был объявлен мертвым с юридической точки зрения. Оно не должно было снова попасть на Хвай, но попало, приобретя фальшивые документы нелегальным путем.

Посол нахмурилась.

— То есть на данный момент у него нет гражданства? И с юридической точки зрения оно не

существует как человек.

— В целом все так, — согласилась Ингрей, не обращая внимания на сердитые взгляды неди Лак.

Посол Тибанвори нахмурилась еще сильнее. Она немного помолчала, а затем сказала:

— Ха! Что ж, в таком случае, если человек объявит себя Гек и они примут его, то оно, может быть, и Гек. Хотя зачем ему это нужно, не понимаю.

— Но есть кое-что еще, — добавило заместитель начальника Верет. — Этот человек в настоящее время находится под арестом по подозрению в убийстве. Убийстве гражданина Федерации Омкем, и омкемцы требуют, чтобы его выдали им.

— Но оно этого не совершало! — возразила Ингрей и посмотрела на заместителя начальника. — Вы же знаете.

— Какое облегчение, — заметила посол Тибанвори. — Потому что если оно совершило убийство и при этом является Гек, то это было бы прямым нарушением соглашения. Честно говоря, не вижу, в чем проблема. Выдайте этим… как их там… омкемцам настоящего убийцу. А этого человека выдайте Гек. Все просто.

— Благодарим вас, посол, — сказало недя Лак. — Вы нам очень помогли.

Когда посол отключилась, паук-мех, который все это время молча сидел у ног Ингрей, потребовал:

— Выдайте нам Гарал Кет.

При этом он даже не сослался на слова посла Тибанвори.

Недя Лак сказало:

— Посол, пожалуйста, поймите, мы все равно не можем выдать его вам. Существуют определенные процедуры. И претензии омкемцев тоже никуда не делись. Вам нужно подать официальный запрос, и власти примут официальное решение. Заместитель начальника поможет вам составить прошение, а я буду радо лично сообщить комитету, что им нужно рассмотреть не только прошение Омкема, но и ваше. Мне кажется, что комитет примет именно такое решение, какое только что озвучила посол Тибанвори, но на это потребуется время.

— Отсрочки, отсрочки, отсрочки, — прошептал паук-мех.

— Простите, посол, — сказало недя Лак. — Но по-другому не получится.

— Очень хорошо, — прошептал паук-мех. — А теперь я хочу поговорить с Гарал Кет.

Появление посла Гек в комнате общения с

заключенными Палад совершенно не удивило. Хотя, пока оно шло сюда из камеры, у него наверняка было время, чтобы принять привычный невозмутимый вид.

— Ингрей, — кивнуло оно. — Заместитель начальника. Посол, это честь для меня. Чем могу служить? Только, боюсь, посол, что я не знаю, где находится капитан Уйсин. Вряд ли я смогу в этом помочь.

Паук-мех помахал когтем и ткнул им в Палад.

— Ты — Гек, — сказал он.

Палад удивленно моргнуло и снова приняло невозмутимый вид.

— Я?

— Ты!

— Ситуация сложная, — сказало заместитель начальника Верет.

— Помнится, капитан Уйсин тоже так говорил, — заметило Палад. — Насколько я понимаю, мой юридический статус как представителя человеческой расы… неопределенный, и это подразумевает, что по условиям договора я могу провозгласить себя гражданином Гек? Речь идет об этом?

— Именно, — сказала Ингрей.

Палад дернуло уголком рта, прикусило губу

и отвернулось, словно ему хотелось улыбнуться или даже засмеяться, но оно сдерживалось. Спустя несколько секунд оно снова взглянуло на посла.

— Как я понимаю, вы хотите подать прошение, чтобы меня выдали вам, потому что я гражданин Гек, который не нарушил никаких законов, и Служба безопасности не имеет права удерживать меня.

— Вообще-то вы въехали по фальшивым документам, — заметило Верет.

— Нарушение не слишком серьезное, сказала Ингрей. — Кроме того, посол уже предложила принести извинения и заплатить штраф.

— Это решать комитету, — твердо сказало заместитель начальника.

— Человек по имени Гарал Кет — Гек. Скажи это, Гарал Кет.

— Я — Гек, — сказало Палад. — И я действительно проникло в систему по подложным документам. И прошу прощения, было неправо. Не следовало мне этого делать. Других законов я не нарушало.

— Вообще-то вы вернулись из «Милосердного устранения», — напомнило Верет.

— Никто не возвращается из «Милосердного

устранения», — ровным голосом проговорило Палад, но Ингрей показалось, что она услышала нотки раздражения. — Отправиться в «Милосердное устранение» означает умереть, потерять возможность передать свое имя. Я не могу быть тем человеком, которым вы меня считаете.

Повисло молчание, а потом заместитель сказало:

— Если вы выбрались оттуда и вернулись, то кем еще вы можете быть?

— Это ваши проблемы, заместитель начальника. Но так как я — Гек, то лично меня они не касаются.

— Отсрочки, отсрочки, отсрочки, — прошептал паук-мех. — Гарал Кет — Гек. Оно само так сказало. Я так сказала. А теперь сообщите об этом комитету и выдайте мне Гарал Кет.

Заместитель Верет вздохнуло:

— Если вы пройдете в мой кабинет, посол, я помогу вам связаться с комитетом и заполнить прошение. — Оно нахмурилось. — Но мне все это не нравится. Законы существуют для безопасности людей. С ними нельзя играть и изменять их, как вздумается.

— Вы правы, заместитель начальника. — Выражение лица Палад не изменилось, но в голосе

звучало сожаление. — Они не были созданы для того, чтобы изменять их как вздумается. Но их постоянно меняют. Так делали и будут делать. В нашем случае, как мне кажется, это лишь поможет решить пару проблем, с которыми вы столкнулись. И наконец-то определиться, что же со мной делать.

— Да уж, — согласилось заместитель Верет. — Но я не обязано принимать это с радостью.

— Не обязаны, — с сожалением вымолвило Палад. — Вы честное неино. Надеюсь, достаточно честное, чтобы продолжить задавать неудобные вопросы насчет «Милосердного устранения».

Несколько секунд Верет молча смотрело на него, а затем сказало:

— Пройдемте со мной, посол.

И вышло из комнаты.

Когда прошение было уже почти наполовину составлено, к Ингрей, сидевшей в кресле в углу кабинета заместителя начальника, подошла Токрис и протянула ей чашку с шербетом.

— Ты хоть что-нибудь ела? — шепотом спросила она.

Ингрей вдруг сообразила, что уже почти вечер, а у нее за весь день и минутки свободной не было, а уж тем более крошки во рту.

Заместитель начальника Верет, объяснявшее пауку- меху детали процесса подачи прошения, подняло голову.

— Это займет еще какое-то время, мисс Аскольд. Вам не обязательно сидеть здесь.

— Да-да, — прошептал паук-мех, шевеля волосатыми ногами. — Я останусь с Гарал Кет. Ты иди.

Ингрей следовало остаться. Удостовериться, что все идет так, как нужно. Она не могла бросить Тика, выдающего себя за посла Гек, одного. Но ей хотелось побыть наедине с собой хотя бы несколько минут. Закрыть глаза и ничего не делать.

— Позовите меня, если что-то понадобится.

Заместитель начальника кивнуло. Паук-мех помахал ногой.

— Пойдем-ка ужинать, — немного волнуясь, сказала Токрис.

Глава 11

Токрис отвела Ингрей в маленький дворик, где стояли пластиковые скамейки и столы, черные стены прикрывала волна листьев и белых мелких цветов, каскадом спускающихся по решетке.

Они сели на ближайшую скамейку.

— Спасибо, — сказала Ингрей.

— Пожалуйста, — улыбнулась Токрис. — Мне показалось, что тебе нужен перерыв. Все это так странно. Зачем вдруг Гек понадобилось Палад?

— Видимо, посол решила, что раз я не могу помочь ей найти капитана Уйсина, то Палад поможет.

Во дворик вошел тонкий, как веретено, мех с двумя коробками. Токрис взяла их, одну передала Ингрей и приказала меху удалиться.

— Какой в этом смысл? — спросила она. — Хотя, конечно, она же из другого мира.

Токрис открыла коробку, запахло жареными бобами со специями.

— Но если она инопланетянка, то почему она — она? В смысле у них же все не так, как у людей, правда?

— Я не знаю, — ответила Ингрей и открыла свою коробку, выудила из нее медальон из бобов, обвалянный в хлебных крошках. — Может, потому, что ей приходится говорить по-йиирски. У нас нет слов для понятий Гек, вот она и использует то, что более-менее подходит. Хотя… — Она откусила кусочек. — Ой, как вкусно!

— Это из кафе за углом. Попробуй с соусом.

Ингрей макнула жареный кругляш в соус.

— Хотя капитан Уйсин как-то упоминал, что раньше по отношению к послу применялись местоимения разного рода, а сейчас она именно женского.

— Они меняют пол? — Токрис наклонилась вперед, позабыв о еде. Ее прямые темные волосы слегка вились на концах, они еще не совсем отросли, но уже прикрывали щеки.

Ингрей подавила желание откинуть их с ее лица и съела еще кусочек.

— Очень вкусно.

— Правда?

Только тут Токрис поняла, насколько приблизилась к Ингрей. Она тут же выпрямилась и уткнулась в коробку с едой. Затем посмотрела на собеседницу.

— Нана всегда поддерживало Нетано, поэтому

я выросла, считая, что Этьят Будраким — лжец, которому нельзя доверять. Но я никогда… — Она взяла еще один жареный кругляш, но сразу положила обратно в коробку. — Я даже не думала, что он сможет сослать своего ребенка в «Милосердное устранение» ради политической выгоды. Да еще такой мелкой!

— Совсем скоро начнется новая предвыборная кампания на пост пролокутора, — сказала Ингрей и подумала, отчего это вдруг Токрис стала казаться такой… привлекательной. Хотя, конечно, до вчерашнего дня Ингрей не общалась со взрослой Токрис. И не просто взрослой, а уверенной в себе. Раньше такого за ней не водилось. — Если бы он потерял небольшое количество голосов из-за слухов о гарседдианских раритетах, то сейчас пост пролокутора занимала бы Нетано. Не такая уж и маленькая выгода.

— Этого недостаточно, чтобы сослать своего ребенка, — настойчиво повторила Токрис. — Насколько мне известно, я тоже разочаровывала недителя. Но не думаю, что оно могло бы так поступить.

Какое-то время они ели молча, пока в коробках не осталось даже крошек.

— Знаешь, мне иногда жаль Данака.

— Жаль его?! — поразилась Ингрей.

Токрис попыталась объяснить:

— С самого детства я знала, что моя биологическая семья отказалась от меня. Возможно, они родили меня лишь для того, чтобы отдать на воспитание, потому что связи Нана могли помочь им в будущем. Вообще-то даже для этого нужно было иметь какие-то связи. Нельзя же просто так прийти к Нана с ребенком. В общем, они могли бы сами воспитать меня, но не захотели. Да и неважно, потому что Нана теперь мое настоящее недитель. Не оттого, что я этого достойна, а просто потому, что я его ребенок. Я никогда не беспокоилась о том, что недостаточно хороша и меня могут выгнать из семьи. У Данака тоже есть биологическая семья, и он почти их не знает. Он им был не нужен, просто они хотели, чтобы Нетано взяла на воспитание их ребенка. Думаю, он всегда боялся, что все испортит, что его выгонят и тогда ему будет некуда идти, останется вернуться в семью, которая отнесется к нему как к вложению, не принесшему прибыль. Или ему придется жить в одиночку. В любом случае он потеряет свою важность, а Данак ведь всю жизнь хотел именно этого — быть значимым.

— У него, по крайней мере, хоть есть куда ид-

ти, — сказала Ингрей, не сумев спрятать горечи. У нее самой никого, кроме Аскольдов, не было. А контакты с друзьями из приюта она давно потеряла. Ингрей вздохнула, чтобы успокоиться: — Но вообще-то тут и гадать не приходится. Он будет следующим Нетано.

— Может быть, — ответила Токрис. — Вероятно. Похоже на то. А что, если Нетано примет совсем другое решение, неожиданное для всех? Или даже если она примет то самое решение, Данак-то все равно беспокоится о своем будущем.

Ингрей не ответила. Токрис забрала у нее пустую коробку.

— Думаю, мне стоит тебе сказать, что Данак отправился в Эсвай.

— Что? — Ингрей даже не знала, что ее больше удивляет: то, что Данак поехал в заповедник, или то, что Токрис об этом известно.

— Мы приглядываем за всеми, кто живет в вашем доме. — Она сделала непонятный жест рукой. — Хотим быть уверены, что ничего не пропустим.

— Ясно. — Значит, за ее перемещениями они тоже наблюдали. Но она была только дома, в мамином офисе и здесь. Ничего подозрительного. — Понятно. Но… Эсвай? Ты имеешь в виду

заповедник или город?

— Город. — Токрис подошла к аппарату по переработке отходов и кинула туда коробки. — Но он, конечно же, очень близко к заповеднику. Даже не представляю, зачем Данак туда поехал.

В городе Эсвай находились в основном магазины, обслуживающие фермеров, живущих в округе, а еще увеселительные заведения для туристов. Обычно такие места Данак не посещал.

— Он забронировал комнату и нанял меха для раскопок, предъявив документы на чужое имя. — Токрис вернулась и села на скамейку. — Похоже, он собирается начать раскопки в заповеднике, но мы поставили там охрану, как только узнали, что там спрятаны раритеты, по словам Палад. Информация еще не попала в новости. Мы могли бы задержать Данака прямо сейчас. Это было бы лучше для него самого, так или иначе, ваша мать все равно ему поможет. Но заместитель начальника склоняется к тому, чтобы подождать, пока Данак не начнет копать в заповеднике. В конце концов, вдруг он придет в себя и передумает, а задерживать его за поддельные документы — только время зря тратить. — Токрис вздохнула. — Мне, наверное, не стоило рассказывать тебе об этом. Но Нана всегда поддерживало Нетано, а ты… То

есть… если Данак попытается начать раскопки в заповеднике, то его наверняка задержат. Если репортеры прознают, то пролокутор Будраким выжмет из этой новости все, что сможет. То есть… возможно, Нетано не захочет больше иметь дел с Данаком и будет права. Но для Данака все может кончиться очень плохо. Он — мерзавец и полностью этого заслуживает, но ведь все-таки он твой брат. Может быть, зная, что у него начнутся неприятности, ты сделаешь что-то, чтобы лично тебя это не коснулось. — Она немного помолчала, глядя куда-то в сторону, и добавила: — Или если хочешь, можешь обратить ситуацию в свою пользу. Нана не политик, но я понимаю, как это все работает. Но что задумал Данак?

— В новостях еще не упоминали о возвращении Палад, так? Ты говорила, что репортеры еще не пронюхали. Значит, никто, кроме нас и нескольких охранников, которым Палад говорило, что спрятало раритеты в заповеднике, об этом пока не знает.

Нет. Погоди. Позапрошлым вечером Палад сообщило Данаку, что раритеты Будракимов спрятаны в заповеднике Эсвай. Когда позже Палад сказало, что это ложь, братец не слышал.

Остановись и подумай. Недя Лак всегда это

советовало, но она прислушивалась к его советам не так часто, как следовало бы. Что случится, если об этом узнают новостные агентства? Что, если Ингрей прямо сейчас пошлет Данаку сообщение и, сделав вид, что беспокоится о нем и переживает, спросит, где он находится? Можно еще добавить, что он срочно нужен дома, чтобы все выглядело так, будто Ингрей не знает, чем он занимается, и уж тем более никак с этим не связана. Все, конечно, зависит от того… от того, что известно новостным агентствам. И от того, захочет ли Этьят Будраким скрыть то, что произошло. Данак, ищущий украденные раритеты в заповеднике, несомненно, выставит Нетано в худшем свете, а пролокутора совсем наоборот… Но эти раритеты принадлежали Будракимам, и Нетано, скорее всего, подчеркнет это и расскажет репортерам историю Палад. В этом случае Палад будет легко дискредитировать. Оно — осужденный преступник, здесь находится нелегально, а ко всему прочему еще и заявило, что «Отказ от дальнейших обязательств», хранящийся в ларии системы, — фальшивка. Так это или нет, но хвайцам точно не понравится. Ей и самой сложно принять такое. Она подозревала, что Палад право, но поверить все равно было трудно.

Если Нетано решит выкинуть Данака за борт, ей не будет до этих событий никакого дела. Ей придется начать сначала, взяв в семью нового потенциального наследника. Ингрей и сама была слишком замешана в этой истории, хотя ей наследство и так почти не светило. Она уже думала о том, чтобы уйти из семьи, так что не страшно. Если сейчас вообще ничего не предпринимать, то лучше не станет. Правда, и хуже тоже не станет, но, по крайней мере, получится унизить Данака. И Токрис права: он этого целиком и полностью заслуживает.

Токрис все еще сидела рядом. Молча и терпеливо. Ингрей вспомнила, как она открылась перед ней этим утром. И потом заботилась, дала возможность отдохнуть и поесть. Ее волосы кудрявились на щеках, совсем близко. Соблазнительная, как заметил Тик. «Я даже не думала, что он сможет сослать своего ребенка в „Милосердное устранение“ ради политической выгоды. Да еще такой мелкой!» — сказала она. И еще: «Он — мерзавец и полностью этого заслуживает, но ведь все-таки он твой брат». Поделившись информацией, которая могла помочь Ингрей избежать проблем или навлечь их на братца, Токрис наверняка рисковала своей любимой и

важной работой, которой добивалась много лет. Сама сказала: «Нана, может, и не политик, но я знаю, как это все работает».

Токрис смотрела на листья и цветы на стене напротив. Отстранилась, чтобы дать ей время подумать. Ингрей вдруг захотелось увидеть взгляд Токрис, когда та повернется к ней.

— Чертовы вознесшиеся святые угодники, — выругалась она. Выбора у нее не осталось. Ей хотелось пнуть что-нибудь, но она была босиком, да и, кроме стен и скамеек во дворике, ничего больше не заметила. — А я ведь все-таки поеду туда и попытаюсь его как-нибудь вытащить из заповедника!

Ингрей добралась до Эсвая, когда стемнело, лишь красные и желтые светлячки порхали на фоне темной громады мотеля, где Данак снял комнату. Люди здесь не работали, на торце длинного здания размещался терминал, чтобы оплатить услуги. Хотя было еще сравнительно рано, улицы уже опустели. Из магазинчика метрах в ста лился яркий свет, там продавали готовые обеды для туристов. Наверное, стоило для начала заглянуть туда, потому что Данак скорее сидел бы там, а не торчал в индивидуальной капсуле мотеля.

Она постучала в дверь капсулы, но никто

не ответил. Можно вернуться в забегаловку и расспросить, не видел ли кто Данака. А если и видели, что дальше? Возможно, они вспомнят, что он купил на ужин, а толку? Кроме того, она и так знала, куда он собрался. Так что расспрашивать — лишь тратить время зря.

Она вернулась в машину и попросила отвезти ее в заповедник.

— Заповедник Эсвай закрывается через час после заката и открывается за час до рассвета, — ответил автонавигатор.

— Я знаю. Просто я кое-кого ищу, поэтому хочу медленно проехать вдоль дороги до заповедника.

— Вам требуется помощь Службы планетарной безопасности?

— Нет. И не потребуется.

Пока. Машина пришла в движение. Через несколько минут темную дорогу освещали только фары. Под деревьями по обе стороны мелькали светлячки. Пусто, все туристы давно вернулись в город и наслаждаются горячим ужином в ярко освещенной забегаловке, оставшейся позади. Если бы Ингрей все-таки решила расспросить о Данаке и выпить шербета, то и она бы сейчас сидела там, окруженная светом и людьми. И хоть

немного отвлеклась бы от своих мыслей. Тик, вернее, его мех, делавший вид, что он посол Гек, сказал, что проведет ночь в Службе планетарной безопасности Арсамола с Палад. Поэтому ей пришлось поехать одной, и мысли ее все чаще возвращались к той минуте, когда она обнаружила светлость Зат, сидящую на холме. Об этом думать точно не стоило, потому что вокруг такая темень, а ей нужно отыскать Данака. Если он поехал другим путем, вряд ли она его найдет.

Но он отправился той же дорогой. Прямо перед мостом через реку Йог фары осветили большого строительного меха, сползшего на обочину к деревьям:.

— Стоп, — приказала Ингрей и вышла из машины.

Темно, лишь свет фар да звездная лента над головой, здесь, вдали от города, она казалась широкой и очень яркой. Нужно было взять с собой фонарь, только Ингрей об этом даже не подумала.

— Данак! — позвала она. — Данак, ты тут?

Нет ответа. Ингрей подобрала юбки и шагнула с дороги в грязь. Хорошо, хоть ботинки надела. Она вытянула руку и коснулась огромного, не меньше двух метров в высоту, строительного ме-

ха и пошла к передку. Если этот мех такой же, как те, что ей приходилось видеть, то он должен быть метра три в длину с тяжелым ковшом на конце, который может двигаться в любом направлении и копать так, как это нужно механику-пилоту. Где-то впереди находились и скобы, позволяющие забраться на него. Сиденья у меха нет, но на нем можно передвигаться верхом. Данак наверняка был наверху, когда мех свернул на обочину. Она не могла представить, что в такой темноте он пошел бы пешком, имея возможность оседлать меха, как в детской развлекательной программе.

Ингрей ступала медленно, боясь споткнуться или провалиться куда-нибудь в темноте. Мех не работал и на ощупь был холодным. Свет фар остался позади, и глаза уже почти привыкли к темноте: Ингрей наконец начала различать очертания деревьев.

— Данак, ты в порядке?

Нет ответа. И тут Ингрей по-настоящему испугалась. А вдруг он покалечился, когда мех съехал с дороги? Что, если он лежит без сознания или вообще умер? Ингрей наконец-то добралась до передней части меха, ощупала сложенный ковш.

— Данак!

— Какого черта ты тут делаешь? — раздался

из темноты, откуда-то сверху и сзади, сердитый голос Данака.

Она оглянулась, посмотрела наверх. Данак сидел на самой макушке, хотя в свете звезд и фар Ингрей смогла разглядеть лишь его тень.

— Могу и тебя спросить о том же, только ответ мне известен.

Она вздохнула с облегчением, хотя ни за что бы в этом не призналась даже самой себе.

— Вот и хорошо, что ты здесь, — сказал Данак. — Заодно покажешь мне, где раритеты, когда я заставлю этого чертового меха выбраться снова на дорогу. Не придется копать наугад.

— Их тут нет. Они не в заповеднике и никогда здесь не были.

— Хорошая попытка, — презрительно процедил Данак. — Если не поможешь мне найти раритеты, я все расскажу маме.

— Дерзай! Только если ты сейчас же не слезешь оттуда и не вернешься со мной домой, я позвоню в Службу планетарной безопасности.

Угрожая, она была готова пойти до конца, хотя знала, что для нее это окончится полным крахом. По дороге сюда она заранее обдумала все возможные варианты действий Данака и необходимые ответные меры со своей стороны.

— Нет, — сказал братец. — Ты не позвонишь.

Мех со скрежетом раскрыл ковш и резко поднял вверх, едва не угодив Ингрей по голове. Она отскочила, но запнулась за что-то и рухнула в грязь. Данак выругался, махнул ковшом в другую сторону и обо что-то ударился, наверное об ветку. Раздался шум и треск, мех уперся ковшом в дерево и угрожающе наклонился к Ингрей, затем кое-как выровнялся. Ковш вновь метнулся в ее сторону и прошел намного ниже, Ингрей даже почувствовала движение воздуха, когда он проносился мимо. Она перекатилась на живот и, прижимаясь к земле, поползла к дороге.

— Думаешь, это остановит безопасников? — крикнула она, грязные спутанные волосы тут же набились в рот.

— Похрен! — прокричал он. Ковш снова грохнул о дерево. — Когда они сюда доберутся, я буду уже далеко. У меня есть дюжина свидетелей, которые чем хочешь поклянутся, что я все время был до…

Слова Данака оборвались, превратившись в придушенный вопль. А затем кто-то прошипел:

— Плохой брат Данак.

Ингрей замерла.

— Тик? — Она вдруг сообразила, что это мог бы

сказать Тик, делая вид, что он — посол. Наверное, еще не вышел из образа. — Посол?

Поднявшись на ноги, она осторожно подошла к замершему меху и только тут сообразила, что нападение посла Гек на человека наверняка сочтут нарушением межрасового соглашения. Хорошо, что на самом деле происходит совсем другое!

— Я думала, вы остались с Палад.

— Плохой брат Данак, — повторил паук-мех. — Человек Ингрей, ты убьешь брата Данака? Он пытался убить тебя.

— Да не собирался я ее убивать! — испуганно прохрипел Данак. — Чертовы вознесшиеся святые угодники! Ингрей! Да кем ты меня считаешь?

В свете звезд Ингрей могла разглядеть лишь скорчившуюся фигуру, оседлавшую меха.

— Человеком, который пытался убить своего согнездника, — ответил паук-мех. — Твоя мать может сожрать тебя, если решит, что ты недозрел, но ты всегда можешь положиться на согнездников с того самого момента, когда вы вылупились, и до тех пор, пока годы не возьмут свое. Прости, человек Ингрей, я не могу убить плохого брата. Не могу нарушить соглашение. Но если брат Данак соскользнет вперед, то машина может его

случайно переехать.

Ингрей наконец-то нашла скобы и взобралась на бок меха.

— Нет, посол! Не надо!

Она, конечно, не думала, что Тик убьет Данака, но свистящий голос меха звучал очень угрожающе.

— А вообще-то ты едва не убил меня, Данак.

Или мог очень сильно покалечить.

— Ты же собралась звонить в планетарную безопасность! Это бы вышло боком не только мне, но и всей семье!

Паук-мех держал его в своих объятиях, прижимая к верху меха-копателя.

Один коготь, схватив за волосы, оттягивал его голову назад. Второй был приставлен к горлу. Держась за скобки, Ингрей сказала:

— Я хотела остановить тебя любым способом. Раритетов Будракимов нет в заповеднике, это правда!

Данак в лапах паука-меха прикрыл глаза.

— А где они?

— Там, где всегда были, в ларии. Палад их не крало. Пролокутор все придумал, потому что Палад обнаружило, что все раритеты фальшивые. Пролокутор Будраким не хотел в этом

признаваться и сочинил историю об украденных раритетах, которые заменили поддельными.

Данак открыл глаза.

— Невероятно! — Он попытался подняться, но паук-мех крепко держал его. Данак обиженно запыхтел: — Ты уже рассказала маме?

— Нет еще, я сама только сегодня узнала. Палад собирается сообщить обо всем журналистам, если у него, конечно, получится, потому что пролокутор сделает все, что в его силах, чтобы этого не произошло.

— Мы можем поделиться этой информацией с местными независимыми агентствами, — предложил Данак. — Поговорим, пустим слушок. Потребуется время, пока он дойдет до планетарных служб, но это уже дело техники. Недя Лак легко с этим справится. Черт возьми, да даже ты справишься, Ингрей.

Она промолчала.

— Нет, — спустя секунду сказал Данак, словно она ему возразила. — Никто не знает, что я взял в аренду строительного меха. Я предъявил фальшивые документы. Давай просто бросим его здесь и поедем домой.

Она ждала, пока он сообразит. Молчание затянулось.

— Ладно, я бы и так ничего не нашел. Но никто ведь не знает, что я тут был. Так какая разница?

— Данак, а как, по-твоему, я нашла тебя? В следующий раз, когда тебе понадобятся фальшивые документы, лучше обратись ко мне. Может, тот, кто их сделал, и компетентен, но серьезной проверки они не выдержат.

— О черт!

— Плохой брат Данак, — прошептал паук-мех. — Сестра Ингрей слишком добра к тебе, ты этого не заслужил.

— Отпустите его, посол, — сказала Ингрей. — Вы же знаете, что не можете причинить ему вреда, не вызвав при этом дипломатического скандала. Вам не стоит удерживать его.

— Он пытался убить тебя, — настойчиво повторил паук-мех, но ослабил хватку.

— Это вышло нечаянно! — возразил Данак, потирая горло. — Я лишь пытался напугать тебя, чтобы ты не позвонила. Я бы не стал тебя убивать!

— Но и не сожалел бы, если бы я погибла, — уточнила она.

Он ответил не сразу.

— Адские силы, Ингрей! Я не убийца.

— Человек Ингрей слишком добра к тебе.

— Вот что нужно сделать, — сказала Ингрей. — Садимся в машину и едем домой. Если кто-то спросит, скажешь: да, арендовал меха. Был пьян, думал об убийстве, расстроился. Ты общался со светлостью Зат, и она тебе нравилась. Добрая душа, которая заботилась лишь об истине. Ты огорчился, когда ее убили, и очень разозлился. Ты и сам не понимаешь, что собирался делать со строительным мехом, но, что бы там ни было, после бутылки араки мысль казалась правильной. Вспомнил про Дапи-экскаватор.

Так звали популярного героя детской программы, которая с успехом шла уже несколько десятилетий подряд. Благодаря Дапи, многие поколения юных хвайцев мечтали научиться управлять строительными мехами.

— Не сумел с ним справиться и разбил… — продолжила она.

— Не сумел. Хоть почти не пил, им просто невозможно управлять. Не думал, что будет настолько сложно, мне же приходилось сталкиваться с мехами раньше.

— Непросто, — прошипел паук-мех. — Нужно много практиковаться.

— Мех разбился. Тебе очень жаль. Ты заплатишь за причиненный ущерб. Из собственных

денег и без лишних напоминаний. И очень серьезно подумаешь о том, чтобы впредь больше не пить. Палад — это Палад, и никто другой, а вся эта история с раритетами для тебя полнейшая новость.

— Если ты не подвинешься, я не слезу, — сказал Данак. Ингрей шевельнула рукой и ничего не ответила, тогда он обиженно добавил: — Ладно-ладно, спасибо. Если бы ты не приехала, я бы вляпался по уши. Особенно если бы добрался с этой кучей металлолома до заповедника. Ты это хотела услышать?

Ингрей вдохнула, размышляя о том, как ответить, но вместо этого просто спустилась на землю и медленно направилась к машине. Сзади что-то стукнуло, послышался скрежет, через секунду паук-мех уже шел рядом с ней.

— Наверное, вам стоит снова превратиться в сумку, — сказала Ингрей. — Будет хуже, если репортеры узнают, что в дело вмешались Гек.

— Сумка, сумка, — просвистел паук-мех. — Ха! Сумка. Понимаю. Нет, я пойду сама.

Паук-мех выбрался на дорогу и спрятался под днищем машины.

— Как хотите, — сказала Ингрей и вздрогнула. Она совсем забыла об осторожности, перестала

думать на два-три хода вперед. Что сказал паук-мех? «Ха! Сумка. Понимаю». В голову вдруг пришла жуткая, тошнотворная мысль.

— Тик, — позвала она. — Тик, это же ты там?

Должен быть он! Зачем послу Гек угрожать Данаку, это же нарушение соглашения?

— Оставь ее в покое, — сказал Данак, подойдя сзади. Ты, может, с ней подружилась, но я не хочу ехать в одной машине с этой… Она… вся такая мягкая. — Его передернуло. — И чуть не задушила меня.

Ингрей открыла дверцу.

— Ладно, поехали.

Глава 12

К дому Нетано машина подъехала далеко за полночь. В окнах было темно, виднелись лишь слабые отблески синего и красного около входной двери. На другой стороне улицы, на разрешенном законом расстоянии, стоял четырехногий ярко-оранжевый новостной мех в виде колонны, отбрасывающий желтые блики на асфальт.

Данак выругался:

— «Голос округа»?

— Они самые, — подтвердила Ингрей, выглянув из окна. По передней панели меха побежали черные буквы. — Вроде только один. Видимо, новость о Палад просочилась, но об этом пока знает только «Голос округа».

Данак устало хмыкнул.

— Пролокутор опирается на крупные агентства. Если это насчет Палад, то, скорее всего, они приехали к тебе, сестренка, — самодовольно сказал он.

— Это ж надо было до такой степени напиться в самый неподходящий момент, — ответила ему Ингрей. — Пойду позову слугу, чтобы он помог

затащить твое бесчувственное тело в дом.

— А может, я уже слегка протрезвел.

— Да ты погляди на себя, вдрызг пьяный, и ночка выдалась не из легких. Короче, ты отключился, пока мы ехали, и я не хочу, чтобы ты проснулся и сморозил какую- нибудь глупость перед «Голосом округа». Кроме того, я уже сообщила слугам, что мы приехали.

— Ингрей, — вдруг умоляюще сказал Данак. — Я не собирался делать тебе больно. Просто… думал, что ты приехала, чтобы втравить меня в какую-то аферу, или решила сама найти раритеты и присвоить всю славу или… — Он запнулся.

— Зачем тебе все это, Данак? — спросила опа. Ес злость и обида улеглись, пока они ехали домой, но неуклюжая попытка братца принести извинения снова их пробудила. — Ты же знаешь, что мама выберет тебя. Я тебе не конкурент и никогда им не была.

— Нет, не знаю! И никогда не знал! Мама не всегда делает то, чего от нее ждут. Недя Лак больше любит тебя, чем меня. И тебе это известно. А мама всегда прислушивается к нему. — Данак вздохнул. — Слушай, я не собирался начинать очередную ссору. Просто сидел и думал: а что, если бы я тебя действительно ранил или даже убил.

И… Я не хотел этого, Ингрей. Никогда не хотел. Просто мне показалось, что у меня наконец-то появился шанс вернуться домой с раритетами Будракимов и положить их перед мамой прямо накануне выборов, надеялся, что она больше не будет тянуть с назначением наследника. А потом пришла ты, чтобы все это у меня отобрать.

— Я пришла не потому. — Ингрей больше не хотела говорить об этом, но голос его звучал по-настоящему искренне. Беспокойство, желание угодить Нетано и чувство, что от этого зависит вся твоя жизнь и будущее, были слишком хорошо ей знакомы.

Входная дверь открылась, и мех-репортер повернулся, чтобы посмотреть, кто там, но тут же потерял интерес, увидев двоих слуг.

— Быстро они, — заметила Ингрей и, открыв дверцу, сказала слугам: — Простите, что потревожила вас в такой час. Просто Данак, он… — Она стала говорить тише, но не настолько, чтобы мех-репортер не смог ее расслышать. — Он напился. Спит или потерял сознание, но лучше разбираться с этим не на улице.

— Конечно, мисс, — сказал слуга, даже не моргнув. Они вытащили вялого, несопротивляющегося Данака из машины и понесли в дом.

— Мисс Аскольд! — позвал мех-репортер. — Вы не могли бы прокомментировать ваше участие в возвращении Палад Будраким из «Милосердного устранения»? Виновно ли оно в убийстве гражданки Омкема светлости Зат? Почему в дело вмешались Гек? Что вам известно о раритетах клана Будраким? И объясните, отчего вы с ног до головы в грязи?

Проходя мимо него, Ингрей улыбнулась:

— Извините, вечер выдался непростой, и я беспокоюсь о своем брате. Давайте поговорим потом.

— За кого вы меня принимаете? — спросил мех-репортер. — Данака Аскольда не в первый раз приносят домой мертвецки пьяным. С ним будет все в порядке, когда пройдет похмелье. Я хочу поговорить с вами, а не с ним. Вы знали, что это Палад Будраким, когда привезли его на Хвай? Как вы думаете, возможно ли, что пролокутор солгал Судейскому комитету, заявив, что раритеты были украдены? Вы считате, что Палад право, говоря, что «Отказ от дальнейших обязательств», хранящийся в ларии системы, подделка? Могло ли Палад украсть подлинник?

— Буду рада ответить на ваши вопросы утром, — пообещала Ингрей, стоя у порога.

— Ну да, когда сюда уже доберутся крупные новостные агентства, — обиженно сказал мех, но не сдвинулся с места: по закону он не имел права приближаться к дому или самой Ингрей, не получив официального приглашения. — Ну же, Ингрей, помогите местному агентству.

— Утром! — твердо сказала она, вошла в дом и захлопнула дверь.

Внутри, в тусклом свете ночника, она увидела Данака, который с непривычно виноватым видом стоял перед недей Лак, сидевшим на скамейке у лестницы.

— Ингрей, — сказало недя Лак. — Я приехало лишь пять минут назад и удивилось, не найдя тебя тут. Разве я не просило держать меня в курсе? И почему ты вся в грязи?

— Это я виноват, недя, — сказал Данак.

— Вознесшиеся святые угодники, — издевательски воскликнуло оно. — Данак признал свою вину! Дожили! Правду говорят, в жизни может случиться все что угодно. — Недя снова обратилось к Ингрей: — Не надейся, что ушла от ответа. Я просило держать меня в курсе.

— Прости, недя.

— Не извиняйся, — вздохнуло оно. — Пока тебя не было, я подбросило твою информацию «Голосу

округа». Не предупредило тебя, потому что ты все равно знала, что так и случится.

— Я заметила, — сказала она без всякой злобы, и недя Лак засмеялось. — И совсем не удивилась. Вообще-то именно поэтому я и поехала за Данаком. Когда я догадалась, куда он отправился, то подумала, что нужно его вернуть. Тебя решила не беспокоить, потому что у тебя и так дел по горло.

— И куда это отправился наш Данак?

Ингрей не видела лица братца, но по опущенным плечам поняла, что отвечать ему совсем не хочется. Но он все-таки заговорил:

— Я поехал в Эсвай. И остановился там.

— И зачем, дорогой мой племянник, ты отправился в Эсвай? Даже трудно представить, что тебя на это толкнуло.

Данак фыркнул.

— Когда Ингрей привела Палад домой, я его узнал. Прижал его, и оно рассказало, что раритеты Будракимов спрятаны в заповеднике Эсвай. Я подумал, что смогу найти их, прежде чем это станет всем известно. А еще подумал, что пролокутор сделает все возможное, чтобы предотвратить такую утечку, и никто и не узнает. — Он пожал плечами. — В общем, был шанс, что я их найду. А затем мы смогли бы использовать их против

Будракима.

Недя Лак молча смотрело на него.

— Надо было сперва посоветоваться с тобой или Ингрей, — добавил Данак. — Сразу бы понял, что идея плохая, и передумал бы.

Недя Лак все еще молчало, и Данаку пришлось продолжить с отвращением в голосе:

— Я уже поблагодарил Ингрей, что она остановила меня и забрала оттуда, чего еще ты ждешь?

— А ты передумал?

— Он расстроился из-за светлости Зат, — вмешалась Ингрей. — И напился. Данак точно не помнит, о чем думал, когда взял в аренду строительного меха. Я просто догадалась, куда он поедет, потому что вспомнила наш утренний разговор, и решила остановить его, пока он не стал всеобщим посмешищем. Данак заплатит за причиненный ущерб.

— Какой еще ущерб?

— Я разбил меха, даже не доехав до заповедника, — признался Данак. — Совершенно неуправляемый зверь.

— Знаешь, существуют люди, которые всю свою жизнь занимаются тем, что управляют строительными машинами. Это тебе не игрушки, нужно долго учиться и много тренироваться.

Нельзя освоить за пять минут то, в чем ты совсем не разбираешься. Ты же понимаешь, что я собираюсь сказать.

— Угу, что было бы лучше, если бы я относился к сестре как к союзнику, а не к сопернику и сейчас, и в будущем.

— Нетано обожает, когда дети ее удивляют. Особенно когда она даже не подозревает, чем вы занимаетесь. Она всегда поощряла подобное безрассудство, и чаще всего тебе удавалось поражать ее воображение. Должно признать, Данак, ты всегда проявлял особое рвение. И если бы принес ей раритеты Будракимов, то, несомненно, очень бы ее впечатлил. Возможно, даже настолько, что она не обратила бы внимания на твой весьма непродуманный поступок. Даже не будем упоминать о том, что более всего тебя привлекал шанс обогнать сестру, когда ты узнал о ее планах. Но… — Недя Лак пристально посмотрело на горько вздыхающего Данака. — Но на твоем месте я бы, прежде чем сделать следующий шаг, убедилось в том, что располагаю всей необходимой информацией. А ее можно было получить просто из разговора с Ингрей. И если бы я не делало попыток шантажировать ее и Палад, когда они вернулись, — оно посмотрело вверх, словно

на потолке можно было разглядеть что-то интересное, — то не стало бы так сильно переживать о том, что она меня победит. И делать глупости себе во вред тоже не стало бы.

Слушая все это, Ингрей старалась не хмуриться и лишь крепче сжала зубы, чтобы нечаянно не выдать своего удивления. Похоже, такие нотации недя Лак читало Данаку не впервой.

— Можно быть вежливым и учтивым даже с людьми, которые тебе не слишком нравятся, — продолжило недя Лак. — У тебя это хорошо получается. И ты умеешь быть дипломатичным, когда нужно, но только не с сестрой. Я знаю, семья тебя достала, вознесшиеся святые угодники, мне ли этого не знать. И знаю, что, поощряя конкуренцию между вами, ваша мать в каком-то смысле вас подставила. Но нужно быть умнее, Данак. Я знаю, что ты гораздо умнее.

Данак промолчал.

— Что ж, — сказало недя Лак. — Буду честно с тобой, мой племянник, если бы Ингрей решила оставить все на волю судьбы, я бы не стало ее винить. И не надо рассказывать мне, как бы поступила ваша мать в этом случае, — сейчас не время для игр. Хотя мне известно, что ты не единственный ребенок моей сестры, который ведет

свою игру. Я пыталось понять, что происходит, и пришло к определенным выводам. Ингрей, мы с тобой уже поговорили о том, почему ты летала на Тир Сиилас. Думаю, тебе стоит рассказать об этом своему брату.

Ингрей вдохнула, но так и не смогла заставить себя сразу заговорить. Если недя Лак хочет, чтобы Данак узнал, то он узнает, независимо от того, что она сейчас скажет или утаит.

— Я обратилась в «Золотую орхидею» и попросила их вытащить Палад из «Милосердного устранения», чтобы узнать, где оно спрятало раритеты Будракимов.

Данак никак на это не отреагировал.

— И «Золотая орхидея» с этим справилась, — спокойно сказало недя Лак, словно речь шла о заказе еды или формулировке заявления для репортеров. — Сколько ты им заплатила?

Братец внимательно слушал ее признание, и Ингрей отчаянно захотелось оказаться в любом другом месте, только не здесь. В лесу, в грязи, среди города под проливным дождем. Все лучше, чем здесь. Потому что там она находилась бы в безопасности и окружающие люди ничего бы от нее не требовали. А еще лучше было бы оказаться на борту грузовика капитана Уйсина.

Она назвала цифру.

— Я так и думало, — сказало недя Лак. — Если бы ты владела дополнительной информацией, то поняла бы, что это ничтожная плата за такую услугу. Обо всей этой истории, включая то, что я скажу дальше, не должен узнать никто, кроме нас троих. — Оно взглянуло на Данака, который что-то хрюкнул. — Никогда. Ингрей не первая из Аскольдов, попросившая «Золотую орхидею» вытащить человека из «Милосердного устранения». В тот раз они и все остальные посредники отказались. Они даже объяснили свой отказ, хотя обычно так не поступают. Сказали, что никогда, ни при каких обстоятельствах не пойдут на это, потому что подобная сделка подразумевает не только похищение человека, но и прямое нарушение законов другой системы.

— Но кто?.. — начал Данак. — Почему…

Недя Лак перебило его:

— Ваша бабушка была той еще штучкой. Остальные детали лишь для ушей Нетано. — Оно имело в виду, что не ответит на вопрос Данака, пока тот не станет следующим Нетано. — Цена, которую заплатила Ингрей, лишь малая часть того состояния, от которого в прошлом отказалась «Золотая орхидея». Так что изменилось?

Невольно задаешься вопросом, а не действует ли Палад по указанию Тира?

— Оно лежало в капсуле жизнеобеспечения, когда его привезли, — сказала Ингрей и тут же вспомнила, как Палад говорило, что ему нужно пойти в Службу для вновь прибывших. — Капитан не позволил взять его на борт, не спросив его согласия, поэтому пришлось его разморозить. Оно вело себя так, словно не знало, кто я. Сказало, что оно не Палад, и отправилось в Службу для вновь прибывших. Оно не хотело лететь на Хвай, мне пришлось убеждать его.

— Может, это не ты его убедила, — предположил Данак. — Кому-то было нужно, чтобы Палад вернулось.

— Тиру, — уточнило недя Лак. — Тир мог убедить Палад вернуться на Хвай, но теперь оно здесь, терять ему нечего, и оно может поступать так, как захочет. Конечно, правители Тира не дураки и, скорее всего, предполагали, что, добравшись сюда, оно исполнит их указания.

— Выходит, Тир хочет испортить репутацию пролокутора Будракима, — сказала Ингрей. — Только непонятно зачем.

— Как тут не вспомнить, что совсем недавно пролокутор выступил с заявлением, что нам

следует всерьез рассмотреть просьбу Федерации Омкем и пропустить их армию сквозь наш шлюз, чтобы они смогли восстановить контакты с Бейтом.

— А почему это так беспокоит Тир? — спросил Данак.

— Мы находимся на расстоянии одного шлюза не только от Бейта, — ответила Ингрей. — Но и от Тира.

— А через Тир проходит огромный транспортный поток, — согласилось недя Лак. — А еще информация и финансы. Я бы не стало проверять, насколько хороша их оборона, но Федерация, скорее всего, не прочь. Возможно, их интересует не Бейт, вернее, не только Бейт. Вероятно, они и сюда не прочь сунуть свой нос, особенно сейчас, когда отрезаны от прямого доступа к Тиру. Эта мысль пришла в голову многим. Думаю, что власти Тира тоже об этом задумались.

Ингрей возразила:

— Но если у них действительно такой план, то пролокутор Будраким наверняка отказался бы в этом участвовать. — Подумав, она добавила: — Если бы знал…

— Он же не дурак, — хмыкнул Данак.

— Пять минут назад и ты об этом не знал, —

неодобрительно сказало недя Лак. — Но теперь-то он наверняка знает или хотя бы подозревает, на что нацелилась Федерация Омкем. Этьят Будраким — человек сложный, но он не глупец и не предатель. Вероятно, он считает, что для Хвай важно, кто контролирует Тир, но кто бы они ни были, если Этьят Будраким сейчас им поможет, то в будущем они ему пригодятся. Кроме того, он, скорее всего, считает, что может взять деньги омкемцев, а потом отказаться от любых возложенных на него обязательств. Ваша мать тоже так думала, несмотря на мои советы. Светлость Зат в самом деле не беспокоило, получит ли армия Федерации доступ на Хвай или нет. Вообще-то она была даже против этого, так мне сказала Нетано.

— А Хевома беспокоило, — заметила Ингрей. — Это он убил Зат.

— Конечно, а посол хочет как можно скорее вернуть его домой. И, кроме того, надеется провести в Омкеме суд над Палад, обвинив его в убийстве, совершенном на Хвай. Возможно, это услуга Этьяту Будракиму. Или лишняя причина обидеться, когда в исполнении их требований будет отказано.

— Им нужен повод, чтобы напасть на Хвай, — догадалась Ингрей.

Смешно, нереально! Но недя Лак подтвердило:

— В дело вмешалась посол Гек, вступившись за Палад. Думаю, комитет согласится с ней и выдаст его Гек. Насколько я понимаю, особого выбора у них нет. Что это будет означать для Палад, понятия не имею. На мой взгляд, его это не слишком волнует. Хотя, как я уже говорило, терять ему нечего.

— А светлость Хевом? — спросила Ингрей.

— Сомневаюсь, что мы единственные, кто считает это предлогом для омкемской агрессии. Возможно, комитет выпустит Хевома по просьбе Омкемской Канцелярии, при условии что он сядет на первый же корабль и никогда больше не пересечет пределы хвайского сектора космоса. Но есть вероятность, что оскорбительное, высокомерное поведение посла Омкема разозлит членов комитета, и тогда они настоят на том, чтобы Хевома судили здесь. В любом случае утром мы узнаем об их решении. Вернее, уже через несколько часов.

— Адские силы! — воскликнул Данак. — Я-то думал, что комитеты никогда не принимают решение быстрее, чем за пару недель.

Недя Лак не обратило внимания на его слова.

— Поэтому я и слило информацию «Голосу

округа». Будем придерживаться версии, что Ингрей познакомилась с Палад на Тир Сиилосе и не знала, кто оно такое. Ей стало его жалко, и она помогла ему вернуться домой. Она на такое способна, мы все это знаем, более того, мать намеренно воспитывала в ней щедрость и доброе отношение к родному хвайскому народу. А все остальное для нас полнейшая неожиданность. — Оно посмотрело на племянницу. — В общем, ты поняла, что нужно сыграть утром. Придется поприсутствовать, когда Палад освободят из Службы планетарной безопасности. Это отвлечет внимание от нашего дома и отъезда Хевома, куда бы он ни отправился: в Омкемскую Канцелярию, на станции или в камеру. Кроме того, на твоем присутствии неоднократно настаивала посол Гек.

Отчего-то из всех странных событий ночи эта новость больше всего озадачила Ингрей.

— Неоднократно?

Недя Лак объяснило все спокойно и прямолинейно, будто в его словах и правда имелся смысл:

— Каким-то образом посол проникла в камеру Палад. Она отказалась уходить и провела там всю ночь.

— Всю ночь? — повторила Ингрей, удивленная, что голос ее не дрожит. — Как странно…

Данак промолчал. А что он вообще мог сказать? Закричать: «Это невозможно! Потому что несколько часов назад посол попыталась задушить меня у заповедника Эсвай, чтобы помешать мне убить Ингрей», — так что ли?

Тик провел с Палад всю ночь.

Значит, на Данака все-таки напала сама посол. Вне всяких сомнений она доехала с ними до дома, сообразила, что тут был Тик, ну, или его мех, и поняла, что он собирается сделать. Интересно, что произойдет утром, если посол придет в планетарную безопасность и раскроет обман?

— Вся ситуация сама по себе странная, — сказало недя Лак. — Теперь-то вы понимаете, почему сейчас не время для мелких распрей?

— Да, недя, — ответил Данак.

Он выглядел послушным и покорным, но Ингрей знала: неважно, каким раскаявшимся братец кажется сейчас, он все равно постарается извлечь свою выгоду. Он не знал о пауке-мехе, которого использовал Тик. Но слышал ли он, как Ингрей назвала имя капитана, когда мех заговорил? Ему не понадобится много времени, чтобы сопоставить эти два факта. Может, он уже успел

сообразить.

Но у Ингрей не было другого выбора, поэтому она послушно повторила за братом:

— Да, недя.

Заместитель начальника Верет предложило Ингрей присесть и выпить шербета. Кабинет у него был почти такой же, как у Токрис, только немного просторнее и с более удобными креслами для посетителей.

— Когда придет Токрис, — сказало Верет, подав чашку шербета и сев напротив, — я попрошу ее принести вам завтрак.

В голосе чувствовалось напряжение, словно ему было неловко или оно сердилось и пыталось это скрыть.

— Вы здесь всю ночь провели? — спросила Ингрей. Ей самой удалось урвать лишь несколько минут сна в машине по дороге из Эсвай.

— Да. Но я бы все равно не уснуло.

Себе оно шербета так и не налило.

Ингрей не сразу разобрала, что оно сказало. Заместитель начальника Верет говорило с сильным лимским акцентом. На его рабочем столе лежал черный квадратный лаковый подносик с горкой темно-синих с золотыми прожилками бусин. Всем известно, что у хатли странные религиоз-

ные обычаи, специальные дни для регулярного поста, ночи для молитвы и прочая чепуха. А еще обычай запрещал им употреблять в пищу некоторые продукты.

Она знала, что заместитель начальника родом из Лима, а это означало, что, скорее всего, оно — хатли, Данак мог бы об этом и не упоминать. Но Ингрей никогда не думала, что человек с хорошим образованием, получивший такую работу и говорящий на йиирском, до сих пор может соблюдать обычаи своих предков.

— Не подумайте чего насчет вчерашнего вечера, — прервало молчание заместитель начальника Верет. — Я никогда не было сторонником вашей матери, и это обстоятельство не прибавляет мне очков в округе. На самом деле бросить вызов вашей матери может лишь человек, занимающий такой же пост, и мне это неприятно. В любом случае я как представитель меньшинства могу позволить себе не голосовать за нее, хотя, скорее всего, это принесло бы мне гипотетическую выгоду.

Ингрей не знала, что ему ответить, и промолчала.

— Я уже привыкло, — продолжило оно. — Почти. Просто время от времени происходит то,

что я не имею права игнорировать. Никто не произносит вслух: «Вы так хорошо говорите по-бантийски, заместитель начальника Верет! Вы же образованный, не такой, как остальные хатли!» Но все так думают. Да, я знаю, что и вы только что об этом подумали.

Ингрей попыталась возразить, но тут же поняла, что от любых ее слов станет только хуже.

Заместитель начальника язвительно улыбнулось.

— Это же видно! А еще время от времени приходят политики и начинают учить меня, как вести следствие. Ладно, мое начальство говорит мне, кого нужно посадить и что при этом сказать репортерам, ладно, судебный комитет приказывает мне выпускать тех, кого, как мне кажется, освобождать не следует. Это моя работа, а они — мое начальство. Может, в конце концов, я не право, судебное заседание именно для того и проводится, чтобы во всем разобраться. Но это! — Оно покачало головой. — Совершено хладнокровное предумышленное убийство, а я не могу задержать убийцу, и ему, скорее всего, позволят отсюда улететь. И я не могу при этом ничего сказать. А с другой стороны, у нас тут Этьят Будраким и его фальшивые гарседдианские раритеты.

Верет протянуло руку к подносу с бусинами, словно собиралось взять их, ио лишь отодвинуло на пару сантиметров дальше.

— В моей семье есть имена, которые появились на Хвай задолго до того, как Будракимы прилетели в систему. Это правда, но над раритетами хатли, оставшимися от наших предков, смеются, считают их ничтожными и хранят где-то в запасниках лария системы, словно мы не настоящие хвайцы. Либо их похищают, а потом с гордостью выставляют под чужими именами. Будракимы прибыли на Хвай одними из последних, как и все гарседдианцы или те, кто считает себя ими. А их раритеты? — Оно презрительно хмыкнуло. — Подделки с самого первого дня. И ради того чтобы скрыть этот факт, Этьят сослал своего ребенка в «Милосердное устранение»! А я даже не могу высказать своего мнения и вынуждено говорить лишь то, что в интересах Нетано Аскольд.

Оно задумчиво посмотрело на стол. Сжало кулак, раскрыло его, словно хотело что-то взять. Может быть, чашку шербета, но выпить оно сейчас не могло, потому что постилось.

— Я знаю, что это Хевом убил светлость Зат, — сказала Ингрей. — Он даже не пытается скрывать.

— Он молчит. Хотя так, наверное, даже лучше. Консул Омкема так покровительственно разговаривает со всеми, что я уже с трудом выношу и ее, и Хевома.

— А я все вспоминаю, как нашла светлость Зат, — сказала Ингрей. — Иногда мне кажется, что все прошло и я уже в порядке, а потом вдруг как накатит. И сразу вспоминается она.

Прислонившаяся спиной к тонкому стволу, с запекшейся каплей крови в уголке рта.

— Так и бывает, — довольно мрачно, но с заметным сочувствием в голосе проговорило Верет.

— Я тоже не хочу, чтобы его отпустили. Но не нам решать.

— Прекрасно осознаю это, мисс Аскольд. Просто мне хотелось хоть перед кем-то выговориться. Сказать такое за пределами кабинета я не могу.

Оно немного помолчало. Взглянуло на стену, на изображение площади перед Службой планетарной безопасности. Предрассветное небо еще не посветлело, но за зданиями, стоявшими по другую сторону улицы, солнце уже вызолотило облака.

— Мне хотелось произнести это вслух, — сказало Верет. — Представляете, когда Палад Будраким сослали в «Милосердное устранение», никто

даже не подозревал, как обстоит дело. Что за границами Хвай хорошо известно, что раритеты Будракима — фальшивки. Я много об этом думало. Не видело, как Палад осудили, но не верю, чтобы хоть кто-то из противников пролокутора не захотел бы использовать такую информацию против него. В столице в Службе планетарной безопасности есть целое подразделение, которое занимается поддельными раритетами. Я запросило доступ к их архивам, чтобы найти записи об аресте Палад Будраким и суде, но никто из тех, кто занимался этим делом, не рассматривал всерьез его утверждение, что все гарседдианские раритеты были поддельными с самого начала. — Заместитель Верет выразительно взглянуло на Ингрей, словно предлагало разделить с ним удивление. — Они все повязаны политикой, даже не сомневаюсь. Как можно осуждать их за молчание, если на кону стояла их репутация, а может, и жизни. Никто не возразил, даже слова не сказал. Ради политических амбиций Этьята Будракима дюжина людей добровольно согласилась отправить в «Милосердное устранение» невиновное неино. Просто я хочу, чтобы хоть кто-то об этом знал. Я считаю их решение неправильным. Нельзя освобождать убийцу, но нельзя и выдавать

Палад Будраким Гек, игнорируя тот факт, что оно здесь, а не в «Милосердном устранении» и что с самого начала его осудили за преступление, которое оно не совершало. Нужно решать все по закону, то есть я хочу сказать, что это не просто какая-то бессмысленная новость, которая через пару дней забудется, когда вы устроите очередную вечеринку или сделаете новую прическу. — Оно вздохнуло. — Вы только поглядите на меня: протестую против произвола, выговариваю вам в лицо, вместо того чтобы идти к тем, кто на самом деле мог бы изменить ситуацию.

— Я тоже задавалась вопросом: почему моя мать ничего не сделала?

Ингрей могла бы спросить об этом недю Лак, только оно вряд ли бы ей ответило.

— Думаю, ей бы пришлось сделать следующий шаг и задать вопрос: «А что еще у нас фальшивое?»

Так справедливо заметило само Палад.

— Очень легко отбросить мнение людей, живущих в других системах. Они не понимают нас и нашей культуры, у них свои причины оскорблять нас и проявлять неуважение. Совсем другое дело, если так же считает наш собственный судебный комитет. Их мнение просто так не отбросишь. —

Она взяла чашку с шербетом, отпила немного и, не желая искушать Верет, поставила ее обратно на стол. — В заповеднике, как раз перед… перед тем, как светлость Зат поднялась на холм, Палад спросило ее, кем она будет считать себя, если найдет доказательства своей теории о стеклянных руинах. Правда, еще спросило, зачем тратить столько денег и усилий на поиски доказательств. Я сама раньше никогда об этом не думала с такой точки зрения. Кто мы такие, если наши раритеты ненастоящие?

— Вы никогда об этом не думали. Потому что никто никогда не сомневался в том, кто вы такая. Никто не говорил вам, что ваши раритеты — фальшивки и это означает, что вы ненастоящая хвайка.

— Люди говорили мне, что я ненастоящая Аскольд, — обиженно заметила Ингрей, даже сама не понимая, почему слова Верет так оскорбили ее. — Меня взяли в семью из общественного приюта.

Заместитель начальника промолчало. Оно только что говорило, как часто люди удивляются тому, что оно смогло получить образование, и называют его религиозные убеждения суеверием. Ингрей поступила точно так же, только вслух не

сказала. Ей хотелось взять свои слова обратно, извиниться перед ним, но она не знала, как все исправить, кроме того, она все еще чувствовала обиду, хоть и сама не понимала почему.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Токрис.

— Простите, заместитель начальника, можно ненадолго украсть у вас Ингрей?

— Конечно, мы уже закончили, — ответило Верет.

— Я заказала для вас завтрак в кафе за углом, — сказала Токрис. — Его принесут через двадцать минут.

Ингрей встала, ища нужные слова.

— Спасибо за откровенный разговор. Я подумаю о том, что вы сказали.

Верет не ответило, лишь кивнуло и махнуло рукой, и Ингрей вышла в коридор следом за Токрис.

— Вообще-то я просто так тебя позвала, — сказала Токрис, прикрыв дверь. — Сегодня у Верет последний день поста, и, возможно, ему нужно помолиться или еще что-то сделать до восхода солнца. Ну и позавтракать. Я могла бы и с собой принести, но заместителю начальника еще нельзя есть минут пятнадцать-двадцать. Имеются, конечно, варианты, если человеку приходится

работать, но заместитель некапризное, так что мне легко все организовать так, чтобы ему не приходилось об этом беспокоиться. В общем, завтракать будем там же, где ужинали вчера. Это единственная забегаловка поблизости, где по просьбе заместителя готовят без молока и масла и при этом не делают недовольную мину. — Она запнулась. — Правда, тебе снова придется немного посидеть со мной в кабинете. Надеюсь, ты не против?

Ингрей улыбнулась.

— Совсем не против.

Глава 13

Комитет принял решение только после полудня, и прошел еще час, прежде чем Палад вывели из камеры, все еще одетое в бело-зеленую рубашку и лунги, взятые на время у Ингрей. Рядом с ним семенил паук-мех. Тик, в этот раз точно Тик. Ингрей была почти уверена, но не могла окончательно убедиться до тех пор, пока они не вышли в коридор или даже не спустились в вестибюль.

— Теперь микс Будраким в вашем полном распоряжении, мисс Аскольд, — сказало заместитель начальника Верет. — Я уже ответило на все вопросы, заданные мне судебным комитетом.

Сквозь стеклянные двери невозможно было разглядеть черные камни, потому что площадь заполонила толпа мехов-репортеров и журналистов, все стояли, как и положено, в пятнадцати метрах от входа.

— До свидания, заместитель начальника, — сказало Палад. — Спасибо, что приютили меня на пару дней. Все сотрудники вели себя вежливо, а еда здесь намного лучше, чем в отделении Службы планетарной безопасности в моем род-

ном округе. Надеюсь, светлость Хевом не уйдет безнаказанным.

Комитет постановил не отдавать Хевома омкемскому послу. Хотя решение не было еще обнародовано, Хевома уже препроводили в здание Службы планетарной безопасности через боковой вход, так что вскоре он окажется в камере. Посол Омкема наверняка заявит публичный протест, это лишь вопрос времени.

— Не вижу машины, — сказала Ингрей.

— Она там, — ответила Токрис, стоя рядом с Палад. — Репортерам придется уйти с дороги, и мехам, и даже людям.

Журналистам-людям разрешалось подходить ближе, чем мехам.

— Все будет в порядке, — сказало Палад. — Не впервой. Подозреваю, что даже если Ингрей не доводилось оказываться в толпе мехов-репортеров, то рано или поздно придется привыкнуть.

— Доводилось, хоть и не в такой ситуации.

Токрис послали проводить их. Она могла бы ничего у них не спрашивать, но все-таки спросила:

— Вы готовы? Уверены, что хотите остановиться и ответить на вопросы?

Палад, паук-мех, Ингрей и Токрис могли бы просто прямиком пойти к машине.

— Конечно, очень хочу поговорить с ними, — улыбнулось Палад.

Выйдя за дверь, они утонули в невероятном гвалте толпы, крики отражались эхом от соседних зданий, и казалось, что на площади собралось намного больше народа. Над головой, в ярко-голубом небе, парили зеленые, красные и желтые летающие новостные мехи, поднимаясь и опускаясь в воздушных потоках, они тем не менее не нарушали границ разрешенной дистанции. Всю ночь Ингрей провела в темноте, а потом сидела в помещении, и теперь солнечный свет казался ей абсурдным и совершенно нереальным. Выкрики мехов наконец-то сложились в понятные слова:

— Микс Будраким! Микс Будраким!

Ингрей внезапно ощутила разочарование от того, что обращались не к ней, хотя и боялась этого.

— Я больше не зовусь этим именем, — объявило Палад громким ясным голосом. Оно остановилось в четырех шагах от двери, паук-мех и Токрис стояли по обе стороны от него. — Меня зовут Гарал Кет.

Несмотря на то что оно говорило громко, в этом шуме никто из мехов-репортеров его не расслышал. Но толпа понемногу стала затихать, все

призывали друг друга к молчанию.

— Я больше не зовусь этим именем, — повторило Палад, и в этот раз до мехов наконец-то дошло. — Меня зовут Гарал Кет.

В какой-то миг мехи окончательно затихли, раздавалось лишь стрекотание летающих машин, озадаченные журналисты нахмурились, а потом мех из «Вокруг да около Урада» сказал:

— Микс Будраким!

Снова поднялся невероятный шум, отражающийся эхом от камней площади. Палад… Нет, уже Гарал. Гарал посмотрело на Ингрей, затем снова на толпу мехов и пошло вперед, паук-мех держался рядом с ним.

— Микс Будраким! — завопил ближайший мех-репортер. — Это вы убили светлость Зат?

Гарал даже не взглянуло на него. Токрис шагнула вперед, чтобы мехи, стоявшие перед ними, расступились.

— Микс Кет! — крикнул кто-то из толпы высоким голосом, точно зная, что звук отразится от фасада здания планетарной безопасности и будет услышан. Ингрей даже показалось, что он был чуть громче дозволенного.

— Микс Кет, это вы убили светлость Зат?

Гарал резко остановилось и вопросительно

посмотрело на Ингрей.

Это «Голос округа Арсамол», — тихо подсказала она. Все остальные мехи тут же затихли.

— Я не убивало светлость Зат, «Голос округа», — громко и ясно ответило оно, чтобы все услышали.

— Микс Кет! — снова крикнул «Голос округа». — Мы видели запись, на которой вы говорите пролокутору Будракиму, что не крали семейных раритетов, что с самого начала они были поддельными. Это правда?

— Правда, «Голос округа». Именно так я и сказало. Попавшая к вам запись точна, по моей просьбе ее не редактировали. Почему бы вам не выйти вперед и не проводить нас до машины?

Тут же раздались протестующие вопли журналистов.

— Аенда Крав, — сказало Гарал спокойным, но достаточно громким голосом, так что его было слышно до середины площади. — Терс Ратем и вы, Хорем Каеллас. Вы все прилетели сегодня утром из столицы, чтобы лично задать мне вопросы, по даже не хотите назвать меня тем именем, которым я желаю называться. И никто из вас! Кроме «Голоса округа».

Ярко-оранжевый мех выбрался из затихшей

толпы и подошел к Гарал.

— Спасибо за приглашение, микс Кет. Мисс Аскольд. Офицер Итеста. А это, полагаю, посол Гек в Прегер? Для меня большая честь познакомиться с вами.

Паук-мех посмотрел на него шестью глазами и спросил:

— Что это? Что это такое?

— Мех из новостного агентства «Голос округа», — ответила Ингрей. — Им управляет человек-репортер. Если вы не хотите отвечать на его вопросы, просто скажите об этом, и вас оставят в покое.

Она многозначительно взглянула на оранжевого меха.

— Не вам решать, как нам следует называть вас, — возразила Хорем Каеллас, невысокая полная женщина из популярного на всю планету издания.

— Я буду разговаривать только с «Голосом округа», — сказало Гарал, и Токрис тут же отогнала остальных мехов от машины.

— Мисс Аскольд! — взревел мех-репортер. Ее имя начали повторять со всех сторон, и на этот раз Ингрей была бы рада, чтобы они просто забыли о ней. Она знала, как вести себя в такой

ситуации, когда тебя бомбардируют вопросами, когда разноцветные меха наступают, сжимая в кольцо. Нужно улыбаться и хранить молчание.

— Если бы здесь появился пролокутор Будраким, — сказал «Голос округа», когда Токрис открыла пассажирскую дверцу, — то они бы не обращали на вас внимания и задавали вопросы только ему.

— Если бы им удалось получить от пролокутора информацию, которая им нужна, то никто бы не пришел сюда, чтобы поговорить лично со мной, — сказало Гарал. — Если Ингрей и Токрис не возражают, вы можете поехать с нами до остановки, где мы пересядем и отправимся к подъемнику.

— А посол Гек? — спросил «Голос округа», сложившись вдвое и забираясь в машину следом за Гарал и пауком- мехом.

Ингрей тоже села.

— Я заметила, что вы оказались в машине еще до того, как поинтересовались мнением посла, — сказала она, прежде чем Гарал или паук-мех могли бы ответить. Мех- репортер сидел напротив Гарал. — А вы еще беспокоились, что будет, когда сюда придут крупные агентства.

«Голос округа» издал удивленный щебет.

— Спасибо, что помогли мне, Ингрей. Эй, офицер Итеста, как вы думаете, смогу ли я получить от заместителя начальника Верет хоть какой-то дополнительный комментарий, кроме официального заявления?

— Нет, — ответила Токрис, усевшись рядом с мехом- репортером и закрыв дверь. — Считайте, что меня здесь нет, ладно?

— Хорошо, — согласился «Голос округа». — Итак, посол, мы так и не поняли, почему вы считаете, что Гарал — Гек. То есть понятно, почему оно с вами согласно, но это немного другая история.

Глаза паука-меха воззрились на репортера.

— Я не хочу отвечать на вопросы, — сказал он и уселся на пол, свернувшись калачиком. — Гарал Кет — Гек.

— Хорошо, — радостно сказал мех-репортер. — Итак, Гарал. Как вам удалось выбраться из «Милосердного устранения»? Это место спроектировано так, чтобы никто не мог его покинуть, там все входы с односторонним проникновением, да еще и охраняются, не так ли?

— Я не стану рассказывать о том, как выбралось, — вежливо ответило Гарал. — Лучше поговорим о жизни там, если хотите. И с еще

большим удовольствием я расскажу вам о гарседдианских раритетах.

— На записи вы делаете довольно шокирующее заявление, — все так же радостно сказал «Голос округа». — Как вы… — Он запнулся на мгновение. — Погодите! Только что судебный комитет отдал приказ арестовать светлость Хевома за убийство светлости Зат! А я еще полагал, что вы оказали мне огромную милость, позволив поехать с вами.

— Так и есть, — сказала Ингрей. — Не стоит посылать другого меха «Голоса округа» срочно бежать к нам домой. Хевома увезли чуть больше часа назад, там не на что смотреть, да и поговорить вы с ним не сможете.

— И никаких дополнительных заявлений заместитель начальника делать не станет, — вставила Токрис.

— О, Ингрей! — воскликнул мех-репортер. — Вы — драгоценная жемчужина нашего округа. — Он повернулся к Гарал. — Итак, микс Кет, больше всего я хотел бы поговорить с вами о ситуации вокруг гарседдианских раритетов Будракимов. Хотелось бы сделать серьезный аналитический материал на эту тему. Но, к сожалению, времени у нас нет, поэтому позвольте спросить, почему

вы посчитали нужным заявить, что «Отказ от дальнейших обязательств» — подделка?

— Потому что это правда, — сказало Гарал. — Не сами слова, конечно, у нас есть черновики и записи заседания Ассамблеи, на которой «Отказ» был единогласно принят. Но ни на одной записи нет даже признаков того, что кто-то в тот самый день физически создал этот документ. Именно тот, что хранится в ларии системы. Конечно, раритеты того момента есть, все представители, присутствовавшие на заседании, получили личную копию, которую они подписали, но оригинала никогда не существовало.

— Вы намекаете, что у нас все еще есть обязательства перед Тирским правительством?

— Вовсе нет. Просто изучите историю документа, хранящегося в ларии системы. Четыреста лет тому назад Торет Валмор находилось на грани банкротства и почти потеряло свое место во Второй ассамблее. Его имя принадлежит древнейшему роду, человек с таким именем присутствовал на заседании, когда рассматривался черновой вариант текста «Отказа», но насколько это было законно, вот вопрос. Торет Валмор, жившая до него, умерла по пути на внешнюю станцию, не успев передать имя наследнику.

Новый представитель Валмор вернулось на Хвай, заявив, что старейшина рода передала ему свое имя незадолго до смерти, разумеется, без свидетелей. Но при этом предшественница якобы поведала ему о тайном месте, где хранились самые важные семейные раритеты, включая оригинал «Отказа от дальнейших обязательств», о котором не знал никто, кроме нее и ее наследника. При этом наследник, конечно, рассказало трогательную скрупулезную историю о том, каким образом его предшественница Валмор стала обладательницей раритета. Ларий системы был основан именно благодаря тому, что представитель Валмор пожертвовало его народу, до него никто не желал расставаться с ценными раритетами. Щедрый жест, несомненно, пошел на пользу, обеспечив Валморам место в Ассамблее, не говоря уж о состоянии, которое сделали наследники имени Торет. Самый очевидный признак подделки — это шрифт, который стали использовать лишь спустя сто лет после предполагаемой даты создания документа. Мошеннику, которого Валмор наняло, чтобы изготовить фальшивый документ, следовало серьезнее отнестись к своей работе, но полагаю, все это не так уж и важно, потому что им удалось всех обмануть.

Существуют и другие признаки, например то, каким образом появился раритет. И особенно тот факт, что раньше никто не подозревал о его существовании. Документ возник именно в тот момент, когда это было наиболее выгодно его владельцу.

— Но почему никто, кроме вас, не заподозрил подлога? Вам же удалось догадаться, — спросил мех. — Например, почему этого не сделали прежние хранители лария системы?

— Гарантирую, что некоторые знали об этом. Почему бы и нет. Но они либо отказывались поверить, либо предпочитали молчать. Скажи они хоть слово, сразу потеряли бы работу, и не только они, а еще и их родные, и друзья. В конце концов, важен ведь именно текст «Отказа» и тот факт, что документ был подписан и отослан в Тир, что появились Ассамблеи. Именно поэтому копия, выставленная в ларии системы, так ценна. Теперь этот документ сам по себе уже стал раритетом, даже не являясь тем, чем все его считают. Неужели так важно, подлинник это или подделка?

— Что значит «неужели это важно»? — гневно переспросил мех-репортер. — Конечно, важно! Как вы можете так говорить?

— Изучите этот вопрос, «Голос округа», — сказало Гарал. — Займитесь расследованием всерьез. Опубликуйте материал, а затем найдите меня и спросите еще раз, почему кураторы лария системы молчали и убеждали себя в том, что это не так уж важно.

— Я не смогу спросить вас, — заметил «Голос округа». — Вы собираетесь улететь на другую планету и будете жить слишком далеко. Терять вам нечего.

— Ничто не может быть важнее того, что Этьят Будраким сделал со мной. Ничто! — Впервые Ингрей услышала гневные нотки в голосе Гарал, до того все время спокойном и ровном. — Все остальное для меня не имеет значения. Только когда вы начнете изучать доказательства, всерьез займетесь гарседдианскими раритетами, у вас возникнут вопросы по поводу всех остальных раритетов, и если вы побоитесь их задать, «Голос округа», то лучше вам остановиться прямо сейчас.

— Снова спрашиваю себя, действительно ли вы оказали мне услугу, взяв с собой, — печально промямлил мех-репортер.

Послышался присвист паука-меха:

— Мех из новостного агентства «Голос округа»,

вы невероятно глупы.

— Будьте повежливее, посол, — сказала Ингрей. — Вы же дипломат.

— Кроме того, он сделал правильные выводы, — тоже возразило Гарал. — Я поставило его в трудное положение, хотя самому мне терять нечего. Это он верно заметил. Но я сказало правду.

— Дипломат не обязан говорить лишь приятное, — пробормотал паук-мех. — Дипломат требует, чтобы посторонние оставили нас в покое.

— Позвольте назвать вам некоторые имена, — обратилось Гарал к меху, перебив «посла». — И я подскажу несколько мест, где стоит начать поиски, а вы уже сами решайте, что с этим делать.

В огромной кабине, окольцевавшей массивный, свитый из множества канатов кабель подъемника, было несколько этажей, магазины, рестораны и купе класса люкс для тех, кто мог себе это позволить. И еще, конечно же, киоски, в которых продавались памятные сувениры.

Служба внешних отношений Хвай вступила в дебаты по поводу того, в каких условиях надлежит путешествовать Гарал и сопровождающему его дипломату Гек. Обычно чужеземный дипломат всегда добивалась своего благодаря тому, что

все боялись нарушить межрасовое соглашение, представителем которого она являлась. Послу полагались самые комфортабельные условия, но Служба планетарной безопасности заявила, что посол присутствует здесь в виде меха, а ему комфортабельная каюта не положена. А Гарал Кет, независимо от того, является ли оно гражданином Гек или нет, так и вообще осужденный преступник, поэтому Служба внешних отношений платить за него не собирается. В итоге им отвели маленькую каюту с одной койкой, на которой кое-как могли уместиться три человека, а паук-мех скрючился в ногах на полу. Они находились уже на полдороге наверх, когда Ингрей наконец-то набралась смелости, чтобы признаться Токрис, что они обманывали ее. Что это она все придумала и Гек на самом деле не собираются брать Гарал Кет под свое крыло.

Несколько часов назад подъемник прошел серединную точку, и гравитация начала возвращаться. Возможно, не сама гравитация, а какая-то другая сила, Ингрей точно не знала. Однако ее хватало, чтобы перевернуть все с ног на голову. Теперь они втроем сидели на том, что раньше считалось нижней стороной койки, а паук-мех устроился там, где только что был потолок.

Может, стоит отложить этот нелегкий разговор, думала Ингрей. Они могут рассказать Токрис о том, что случилось на самом деле, в последний момент, когда сойдут с платформы «Зенит» на станцию Хвай. Мудрое решение. И наиболее безопасное.

Ингрей не хотелось обманывать Токрис, не хотелось видеть, как изменится выражение ее лица в тот миг, когда она обо всем узнает. И она понятия не имела, что сделает Токрис, если открыть ей правду прямо сейчас.

Ингрей набрала побольше воздуха и заговорила:

— Токрис…

— О черт! — воскликнула Токрис и выпрямилась.

Она встала слишком быстро, вернее, попыталась встать, и возрастающая гравитация отбросила ее к противоположной стенке.

— О черт! — повторила она. — У нас проблемы. В смысле не только у нас. Но и у нас в том числе. Ингрей, включи скорее связь и посмотри новости станции.

В глазах тут же замелькали срочные сообщения и еще более срочные новости. Поняв, что случилось, Ингрей не смогла даже выругаться.

* * *

За неделю до того, как Ингрей, Гарал и Тик Уйсин прилетели из Тир Сииласа, из шлюза Энтена появились два грузовых судна, которые пришвартовались на станции Хвай. Задекларированный груз не сильно отличался от того, что обычно привозят большие грузовики. Товары, которые здесь не производятся: арака, медицинские препараты, запчасти для межзвездных шлюзов, чай, хотя и не из Радча. Они частично разгрузились на Хвай, и пока ждали, чтобы принять на борт дополнительный груз, экипажи занялись тем, чем всегда занимаются члены команды на станции. Ничего необычного или вызывающего беспокойство. Ничего запрещенного, хотя это уже само по себе подозрительно.

Энтен находился на расстоянии одного шлюза от Хвай и одного шлюза от Омкема. И на самом деле груз их кораблей состоял вовсе не из араки, запчастей и чая, как говорилось в декларации. И вообще, на них не оказалось ничего даже близко похожего на товары, потому что они были под завязку забиты омкемскими боевыми мехами. Час назад эти мехи стройными рядами вышли из грузовиков и с боями прорвались к выходу

из доков.

— Что произошло? — спросило Гарал, которое до сих пор так и не получило доступ к хвайской связи.

— Кое-что очень плохое, — прошептал паук-мех. — Мне надо было следить за новостями со станции.

Токрис с головой ушла в изучение разных источников информации и даже не обратила внимания на то, что паук-мех заговорил совсем по-другому, как Тик, а не как посол.

— Челночное сообщение между платформой «Зенит» и станцией прекращено, — сказала она. — Всем, кто находится на станции, рекомендовано спрятаться в укрытии.

— Что случилось? — настойчиво спросило Гарал.

— Омкемская Федерация, вот что! — сказала Ингрей. — Они умудрились провезти на станцию вооруженных мехов, там сейчас идет бой. Никто толком не понимает, зачем они это сделали и что им нужно.

Гарал нахмурилось.

— Неужели все из-за светлости Зат? Только они вряд ли смогли бы прилететь сюда так быстро.

— Нет, — ответил паук-мех. — Похоже, что

корабли, на которых они прибыли, находились здесь уже неделю или даже больше. Это не связано с убийством Зат. А если и связано, значит, они заранее знали о том, что это произойдет. Мы влипли.

— А они знали? — спросила Токрис, похоже, она, как и Ингрей, дошла до такой точки, что уже не могла сложить хаотичную, раздробленную информацию в стройную картину. — Неужели убийство Зат лишь повод для вторжения?

— Возможно, — сказал паук-мех голосом Тика Уйсина. — Вероятно, они обещали Хевому, что вытащат его, но он всего лишь бедный двоюродный брат. Никто не станет сильно стараться ради того, чтобы спасти его.

— Посол? — Токрис наконец-то заметила, как изменилась манера речи паука-меха.

— Нет, — отрывисто прошептал он. — Нет времени на знакомство и объяснения, поэтому буду краток. Я — капитан Тик Уйсин, и я на самом деле угнал свой корабль и несколько биомехов в придачу. Это не случайность, что они выглядят как корабельные мехи Гек. Посол действительно преследовала Ингрей, чтобы выйти на меня. Она не требовала выдачи Гарал Кет, это был я. Посол Гек почти наверняка знает, что я сделал, но не

попыталась меня остановить. Скорее всего, она где-то на подъемнике, выжидает, чтобы получить информацию о том, где я сейчас нахожусь.

— Я… — Токрис посмотрела на Ингрей.

— Прости, — ответила она. — Омкемцы собирались судить Гарал за убийство, хотя оно этого не совершало, кроме того, убийство произошло на Хвай, и мы знаем, что это сделал Хевом! Они просто хотели найти козла отпущения и решили, что им станет Гарал. Если бы даже власти не выдали его омкемцам, то, вероятнее всего, вернули бы в «Милосердное устранение» за другое преступление, которое оно тоже не совершало!

Токрис молча выслушала ее, затем посмотрела на паука-меха и на Гарал.

Тик сказал:

— Мы собирались подняться на станцию, а затем Гарал и при желании Ингрей должны были надеть скафандры и выйти на внешнюю обшивку. Я хотел подобрать их там с помощью мехов и доставить на свой корабль. Это, конечно, слишком долгое путешествие в скафандре, но стоило потерпеть ради того, чтобы убраться отсюда. В худшем случае Гарал бы обнаружили Гек. Вряд ли они причинили бы ему вред.

Все еще не находя слов, Токрис снова посмот-

рела на Ингрей.

— Прости меня. Я не могла оставить Гарал там.

— Рано или поздно этот разговор все равно бы случился, — подвел итог паук-мех. — Проблема в том, что мои мехи уже летят к станции. Потребуется время, чтобы изменить курс и добраться до платформы, этим я сейчас и занимаюсь. Сделать это непросто, но уверен, у меня получится. Вопрос в том, кто полетит со мной? Само собой, Гарал. Вряд ли Ингрей хотела, но теперь появилось множество причин, в частности тот факт, что из-за ее семьи омкемцы отправили на станцию Хвай боевых мехов. Так что подозреваю, она может и передумать. Но, улетев, мы поставим вас, офицер, в непростое положение. Вы должны были привезти Гарал на станцию и передать Гек, исходя из того, что они якобы потребовали этого.

Токрис долго напряженно рассматривала паука-меха, а потом сказала:

— Ситуация не изменилась. В соответствии с договором Гарал считается Гек, если таковым себя признает.

— Да, — прошептал свистящим голоском паук-мех. — Гек должны принять его, просто пока у них не было такого шанса.

— Может, еще появится, — ответила Токрис. —

В сложившихся обстоятельствах мы не можем доставить Гарал на станцию, не можем и передать его Гек. Но вы, капитан Уйсин, можете. Вы же отвезете Гарал Кет к Гек?

Паук-мех помедлил.

— Нет.

Токрис нахмурилась и сложила руки на груди.

— Я думала, вы ответите по-другому.

— Просто стараюсь быть честным по отношению к вам, — осторожно сказал паук-мех. — Как я и говорил, мы, вероятно, поставили вас в очень неловкое положение.

Токрис крякнула с отвращением.

— Послушайте, — продолжал паук-мех. — Ингрей очень расстроится, если у меня начнутся проблемы, а вы бы сильно обиделись на Ингрей, если бы узнали, что мы снова солгали вам. И что мне теперь делать?

— Ты же отвез бы меня к Гек, если бы я этого захотело? — тихо спросило Гарал.

— Конечно. Просто не понимаю, зачем тебе этого хотеть.

— Насколько мне известно, — вступила в разговор Ингрей, — посол утверждала, что Тик тоже Гек. Токрис обязана передать Гарал Гек.

— Вообще-то я должна доставить его Службе

внешних отношений Хвай, которые передадут его Гек. Но этого я сделать тоже не могу.

— Правильно, — обрадовалась Ингрей, и тут снова накатила тошнота. В этот раз вовсе не из-за микрогравитации. Она проглотила комок и задышала носом.

Токрис села между ней и Гарал и вздохнула.

— Наверное, тебе лучше отправиться с ними, Ингрей. Капитан Уйсин прав, так для тебя будет безопаснее.

Паук-мех ласково погладил ее когтем по коленке.

— Не беспокойтесь, офицер. Мы вернем ее вам при первой возможности. Или если хотите, можете полететь с нами.

— И потерять работу? — спросила Токрис. — Возможно, конечно, я ее и без того потеряю. На платформе может начаться паника, думаю, Службе безопасности понадобится моя помощь. Вы уже закончили расчеты?

— Да. Теперь у меня есть план.

Глава 14

К тому времени, как подъемник добрался до платформы «Зенит», новостные агентства уже несколько часов вещали о том, что случилось на станции. Обслуживающий персонал сообщил пассажирам, что подъемник все-таки прибудет на платформу, потому что по-другому никак, но выйти им не разрешат, не говоря уж о том, чтобы пересесть на челнок, отправляющийся на станцию.

— Так даже лучше, — сказала Токрис. — За нами Службы внешних отношений и планетарной безопасности, мы наверняка сможем убедить их, чтобы нас пропустили. Никаких лишних зевак вокруг, так что вам троим будет намного проще выбраться на внешнюю обшивку платформы, и никто не станет следить.

Но когда они вышли из тесного купе примерно за час до прибытия на «Зенит», содержание сообщений изменилось. Если раньше пассажирам не дозволялось лишь покидать подъемник, то теперь по громкой связи объявили: «Не разрешается выходить в коридоры и толпиться у дверей».

Сообщение повторялось снова и снова, каждые несколько минут. Обычно к этому моменту люди начинали собирать вещи, искать потерянное и прощаться с попутчиками, к санузлам и киоскам с сувенирами выстраивалась небольшая очередь. Но сейчас, несмотря на приказ, множество людей бездумно бродили по широким коридорам, разглядывая витрины магазинов, с сумками и чемоданами толпились у лифтов и выходов на лестницы, ведущие на нижний уровень. Добравшись туда, они не могли пройти дальше к главному выходу. Раздраженные пассажиры начинали жаловаться, их багаж запрудил весь коридор.

— Почему они собрались здесь так рано? — возмущалась Токрис. — Почему все торопятся выйти на платформу?

— А мы почему? — спросило Гарал.

— Вообще-то это не одно и то же, — заметила Ингрей. Ей оставалось лишь наблюдать, как какая-то пассажирка жаловалась стоявшему рядом неино на то, что все это просто смешно и у нее куча важных дел на станции.

— А у меня там семья, — сказало неино. — И что, мне просто бросить их и вернуться обратно?

Оно оглянулось и заметило Токрис в зеленой

форме офицера безопасности. Открыло уже рот, чтобы пожаловаться, но тут толпа колыхнулась. Неино торопливо отскочило в сторону, чтобы не столкнуться со стоявшим впереди него, но споткнулось о тяжелый чемодан на полу.

Токрис и Ингрей едва успели подхватить его, но Токрис пришлось прикрикнуть на стоявших рядом, чтобы они расступились и освободили место, где можно было бы поставить человека на ноги.

Неино взволнованно поблагодарило их, Токрис машинально махнула ему и сказала:

— Это плохо.

Толпа напирала сзади, люди толкались, пытаясь прорваться к выходу.

— Меняем план, — сказал Тик, и стоявшие рядом с пауком-мехом вздрогнули и отшатнулись, вдруг осознав, что это вовсе не багаж странной формы. Толпа вновь колыхнулась, люди за ними попадали.

Подходили все новые и новые пассажиры, заполняя коридор, возмущаясь, что у дверей уже собралась такая толпа.

— Мне придется остаться здесь, — сказала Токрис. Она махнула рукой вновь прибывшим и повысила голос, хотя ситуация не подпадала

под ее юрисдикцию: — Вы! Сейчас же очистите коридор! Это официальное предупреждение!

— А как же они? — спросил мужчина, показывая на остальную толпу, стоявшую перед ним.

— Они никуда не уйдут, пока вы загораживаете проход! — громким командным голосом ответила Токрис. — Второе предупреждение! Еще десять секунд, и я начну выписывать штрафы!

Некоторые развернулись и пошли прочь.

Токрис обратилась к друзьям:

— Придется остаться здесь. В такой толпе может начаться паника и давка, хоть никто этого не хочет. Мне нужно им помочь, пока не придет охрана.

— Конечно, — сказало Гарал.

Лишь некоторые пассажиры ушли, остальные все еще стояли и ждали неизвестно чего, не признавая авторитета Токрис.

Ингрей сказала:

— Ты не можешь остаться одна.

— Идите, — ответила она. — Со мной все будет в порядке. Я уже вызвала охрану подъемника, через несколько минут они пришлют мне подмогу. — Она наклонилась к Ингрей и крепко поцеловала ее в губы. — Увидимся, когда вернешься.

Гарал схватило Ингрей за руку.

— Офицер приказала очистить коридор, — заботливо пробормотало оно и потащило ее назад, паук-мех трусил за ними. — Сделаем так, как она говорит. — И добавило чуть тише: — Не оглядывайся, а то оступишься. Она в порядке.

— Ты право, — уверенно заявила Ингрей, хотя чувствовала совсем другое. Но она все-таки оглянулась на какое-то мгновение и увидела серьезную Токрис, которая строго разговаривала с пассажирами. — С ней все будет в порядке.

Выбраться на верхний уровень подъемника оказалось просто, потому что все стремились спуститься и лишь некоторые всерьез отнеслись к приказам Токрис и поднялись выше.

— Так, может, даже лучше, — сказал Тик, когда дверь закрылась и они ненадолго остались одни. — Я заберу вас с подъемника, совсем скоро он прибудет на платформу, и мои биомехи уже направились туда. Во всей этой суматохе на нас никто не обратит внимания. Наверху должен быть воздушный шлюз, через который мы выберемся на внешнюю сторону корпуса, нужно лишь пройти по кругу и найти дверь в подсобное помещение. Не думаю, что кто- нибудь нас увидит, все хотят попасть на платформу.

Верхний уровень был зеркальным отображе-

нием нижнего. Внизу на Хвай он служил входом, и вдоль изгибающегося коридора, покрытого коричневыми панелями, не было ни магазинов, ни ресторанов, ни кают. Лишь голые стены и двери с табличками «Запасный выход», «Только для персонала» и «В случае разгерметизации раздастся сигнал сирены». Ингрей всегда полагала, что после начала подъема тут никого не бывает. Но, судя по брошенному багажу и свернутым одеялам, здесь размещались пассажиры, не имевшие возможности купить место в каюте или не желавшие платить лишнее.

Некоторые все еще сидели с распакованными вещами и совершенно не собирались спускаться. Другие прогуливались по пустому коридору, разминая затекшие ноги. Ингрей и Гарал, стараясь вести себя не слишком подозрительно, сделали полный круг, паук-мех бежал за ними следом, проверяя двери. Тик наконец определился и выбрал нужную в одном из рукавов коридора, но мимо то и дело проходили другие пассажиры. Минут пять беглецы топтались у двери, надеясь, что удастся выкроить хотя бы секунд десять без посторонних взглядов, наконец Тик сказал:

— Ладно, придется пойти на крайние меры. Я останусь здесь, чтобы прикрыть вас.

Ингрей хотела возразить, но поняла, что другого случая может и не представиться. В конце концов, это же просто мех, а не Тик. Сам Тик в безопасности, где-то на корабле.

— Обо мне не беспокойтесь, — сказал Тик. — Держите на всякий случай.

Паук-мех отрыгнул блестящий черный комок и передал его Гарал.

— Если я не вернусь, прикрепи это к контрольной панели воздушного шлюза. Должно сработать.

— Что ты собираешься сделать? — спросило Гарал.

Вместо ответа паук-мех развернулся и ушел на четырех задних ногах, угрожающе размахивая клешнями. Он уставился полудюжиной глаз на проходящего мимо пассажира и просвистел:

— Ты смотришь? На что ты смотришь? Я тоже смотрю! Разве я еда? А может, это ты — еда?

Пассажир тут же ретировался, паук-мех уставился на второго.

— И ты тоже? Тоже смотришь?

Спустя минуту в рукаве коридора никого не осталось.

— Поторопитесь, пока кто-нибудь не вызвал охрану, — прошептал Тик, ненадолго вернув-

шись к ним.

Он отошел на несколько метров и прислонился к двери, затем сплющился и растекся по всей поверхности, лишь табличка со словами «Только для персонала» просвечивала сквозь желеобразное тело. Ноги куда-то исчезли, глаза на стебельках повылезали в разных местах. Ингрей сдержала невольную дрожь, когда тело меха снова сгустилось и приняло форму, но теперь это был не совсем паук.

— Пора, — сказал Тик, когда дверь приоткрылась. — Мои остальные мехи еще сюда не добрались, поэтому, возможно, нам придется подождать…

Послышались шаги и голоса: «Оно было прямо тут, офицер».

— Идите! Скоро увидимся!

Гарал схватило Ингрей за локоть и утащило в нужную дверь как раз тогда, когда паук подскочил к охраннику, появившемуся в конце коридора.

— Ты! — просвистел паук-мех, размахивая тремя когтями, глаза его угрожающе вращались в разные стороны. — Я тебе пожалуюсь!

Дверь закрылась, щелкнул замок, Ингрей с Гарал оказались в мрачном тихом служебном

проходе.

— Мы не можем долго стоять и ждать, даже здесь, — сказало Гарал.

Ингрей глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. У нее кружилась голова то ли от мысли, что придется выбраться на корпус подъемника, то ли от того, что пару минут назад Токрис ее поцеловала. Она и сама не знала почему.

— Я понимаю. Пошли.

Они довольно быстро обнаружили воздушный шлюз и углубление в стене со скафандрами и шлемами. Спустя несколько минут, полных страхов и разочарований, они перебрали все защитные костюмы, но не нашли такого, который подходил бы Гарал.

— Начни проверку своего, — сказало оно. — А я пока поищу у другого шлюза.

Спустя пять минут оно вернулось, волоча за собой скафандр.

— Твой в порядке? — тихо спросило оно.

— Да.

Ингрей только что закончила проверку. И тут ее охватил ужас. Теперь же придется надеть скафандр, еще раз все проверить, а затем выйти наружу, где между ней и вакуумом будет лишь тонкая скорлупа защитного костюма! Ей уже

доводилось это делать. Ее, правда, стошнило тогда прямо в скафандр, но экзамен она все-таки сдала. Чисто теоретически она была достаточно подготовлена для того, чтобы выйти в безвоздушное космическое пространство. Где, допустив малейшую ошибку, можно умереть.

— С нами все будет хорошо, — проговорило Гарал, проверяя свой защитный костюм.

Трудно было сказать, это оно ее успокаивает или себя. Ингрей не ответила, потому что опасалась, что голос задрожит и сорвется. Она боялась, что ей не хватит воздуха, и по покалыванию в кончиках пальцев поняла, что уже задыхается от страха. «Успокойся. Просто успокойся. Ты уже это делала».

Гарал закончило проверку и посмотрело на нее.

— Ты в порядке?

— Мне страшно, — призналась она прерывистым голосом, но, по крайней мере, он дрожал не так уж сильно.

— А я не боюсь, — сказало Гарал, скривив уголок рта. — Я просто в ужасе.

Ингрей не смогла сдержаться и рассмеялась.

— Надевай скафандр, — скомандовало Гарал. — Мы выйдем из шлюза, закрепимся на борту и

подождем Тика. Вот и все, что нам нужно сделать.

— Точно, — согласилась Ингрей. Она собрала юбки и кое-как впихнула себя в скафандр, который более-менее подходил по размеру, но предназначался для человека менее фигуристого, так что из-за пышных юбок она практически исчерпала его возможности. Ингрей загерметизировала скафандр и попыталась надеть шлем, но, чтобы он сел как полагается, ей пришлось вытащить все шпильки. Она с отчаянием посмотрела на них, не зная, куда их деть. Они все равно ни на что не годились, волосы держались лишь в том случае, если прическу укладывала служанка из дома Нетано.

Гарал защелкнуло шлем и окончательно загерметизировало скафандр. Затем взглянуло на Ингрей.

Она сунула шпильки в карман, застегнула свой шлем, едва удержалась от того, чтобы проверить связь. Не стоит, иначе кто-то может перехватить сигнал и заметить их. Недолго думая, она прикоснулась к панели управления шлюзом и, как только он открылся, шагнула в люк. Гарал последовало за ней, включило автоматическое закрытие люка и прилепило черный блестящий

шарик, который дал ему Тик, к внутренней панели управления. Они подождали, пока в камере сбросится давление, отчаянно надеясь, что аварийная сирена не сработает и сюда не прибежит охрана. Ингрей считала секунды, стараясь дышать глубоко и ровно, чтобы в панике судорожно не хватать воздух ртом, как ей этого хотелось.

Миновала вечность, и внешний люк открылся. Вздох. Еще один. И Ингрей вышла на залитый солнечным светом технический выступ шириной метра два. С поручнем, хвала всем посмертным богам! Над ним башней возвышался кабель подъемника, вернее, огромное множество кабелей, свитых воедино, ослепительно сияющих и преломляющих солнечный свет, испускающих множество тонких радуг. А сверху нависала станция Хвай. Ночь уже укрыла тьмой половину темно-синего океана Итс, в восточной его части четко, словно на карте, виднелся полуостров Адос в полосах и завитках различных оттенков зеленого. Легкие, как дымка, облака тонкой вуалью окутывали коричнево-зеленую Южную Устрию. И хоть ноги Ингрей твердо стояли на выступе, она в ужасе схватилась за поручень. Она и раньше все это наблюдала из иллюминатора подъемника и с платформы «Зенит», но тут чарующий вид на-

столько сбивал с толку, что казалось: ноги сами собой соскользнут, и она полетит вниз головой прямо в океан.

Гарал прислонился своим смотровым щитком к ее шлему.

— Посмотри вниз, Ингрей.

— Я не могу! — задохнулась она.

— Посмотри на меня, Ингрей!

Она заставила себя опустить голову. Гарал смотрело на нее широко распахнутыми глазами, впервые за все время знакомства она видела на его лице страх.

— Ну вот, — сказало оно. — Так-то лучше. Больше не смотри наверх.

Удержаться от этого было практически невозможно. Мощный, яркий, испускающий радуги ствол кабеля неумолимо рвался вверх, к станции Хвай, такой близкой и огромной.

— Если запаникуешь и с тобой что-нибудь случится, то не сможешь еще раз поцеловать офицера Итесту.

Ингрей засмеялась и всхлипнула одновременно.

— Сколько еще нам ждать Тика?

— Недолго, — ответило Гарал. — Может, минут пятнадцать.

Внешне оно выглядело спокойным, но голос слегка дрожал. Я не выдержу, хотела сказать Ингрей, но вдруг краем глаза заметила какое-то движение. Она медленно, осторожно повернула голову. По выступу пробирался черный глазастый паук-мех.

— Он здесь. Уже здесь! — Она отвела взгляд от Гарал и подняла руку.

Паук-мех поднял в ответ коготь, подбежав к ней, крепко обхватил шестью лапами. На выступе появился еще один мех, за ним другой. Третий. Ингрей не представляла, что у Тика их так много.

Еще ничего не закончилось. Им предстоят несколько долгих часов. Но ей уже не придется ничего делать. Она может закрыть глаза и расслабиться, Тик обо всем позаботится, осталось совсем немного, и они окажутся на корабле, в полной безопасности.

— Увидимся на борту, — сказала она, зная, что теперь, когда их шлемы не соприкасаются, Гарал не услышит ее. Но оно увидело, как шевелятся ее губы, и тоже сказало что-то в ответ, пока мех оплетал его волосатыми ногами. Слов Ингрей не разобрала.

Мех, державший Ингрей, вытянул коготь и

коснулся руки, которой она все еще хваталась за поручень.

— Ах, да! — сказала она и разжала пальцы, поверхность выступа уплыла из-под ног, и Ингрей тут же потеряла ориентацию. Она уже не знала, где верх, а где низ. Закрыла глаза, чтобы не закричать от страха. Пыталась ни о чем не думать, лишь считала вдохи и выдохи.

Она давно сбилась со счета и, возможно, уже не раз называла одни и те же цифры, а может, даже в какой-то момент отключилась. За смотровым щитком разливалась пугающая чернота. Ингрей могла бы следить за временем, одним движением век выведя перед глазами часы и не подавая лишних команд системе связи, но боялась. Вдруг прошли всего лишь минуты и ей предстоит еще очень долгий путь? А может, они провели в открытом космосе уже несколько дней и пролетели мимо корабля, а теперь бесцельно несутся в пространстве, и никто не сможет вытащить ее из скафандра, ставшего тюрьмой.

Не нужно было в это ввязываться, лучше бы она осталась на подъемнике, пусть даже ей довелось бы столкнуться с планетарной безопасностью или охранниками, а может, и с боевыми мехами омкемцев.

В ухе зазвенел сигнал опасности. Она открыла глаза и увидела мигающий оранжевый индикатор.

— Тик! Кислород кончается, — ахнула она.

Он говорил, что захватит запасной баллон, потому что путь до корабля неблизкий и продержаться на запасе скафандра невозможно. И только сейчас она сообразила, что ни у одного меха не было с собой кислородных баллонов, но постаралась не паниковать.

— Уже недолго осталось, — раздался тонкий писк извне.

Она понятия не имела, чей это был голос, и ни разу не видела, чтобы мехи говорили ртом.

— Успокойтесь.

— Стараюсь, — ответила она.

Но если говорить и волноваться, как она это делает сейчас, вместо того чтобы дышать спокойно и размеренно, кислород израсходуется еще быстрее. Ингрей снова закрыла глаза и попыталась восстановить дыхание. Это помогло, но ненадолго, вскоре она снова почувствовала покалывание в кончиках пальцев, а еще начинала болеть голова от того, что она крепко сжимала зубы. Тик сказал, чтобы она успокоилась. Что уже недолго осталось. Она понятия не имела, сколько времени

прошло с того момента, как она это услышала. Все будет в порядке. Ее не стошнит, как в прошлый раз, потому что, хотя скафандр и самоочищается изнутри, лучше все равно этого не делать при микрогравитации, поэтому ее не стошнит.

Послышался глухой стук: то ли она врезалась во что-то, то ли что-то врезалось в нее. Ориентация в пространстве внезапно вернулась, и низ оказался у нее под ногами. Корабль. Ощутив гравитацию, Ингрей облегченно вздохнула. Осталось лишь дождаться, пока давление в воздушном шлюзе нормализуется, ничего, можно и подождать, раз она уже в безопасности. Только бы ее не стошнило. Хотя комок уже подкатывал к горлу, и голова раскалывалась.

Задыхаясь, она открыла защелки и сняла шлем с головы, как же хорошо было снова дышать нормальным воздухом! Она разгерметизировала скафандр, и мех, доставивший ее сюда, помог Ингрей выбраться из него.

Она стояла в тускло освещенном помещении, ее качало. Рядом с помощью меха выбиралось из скафандра Гарал. Похоже, оно уже было в полном порядке.

Странный, знакомый голос, который Ингрей не сразу узнала, сказал:

— О, это вы!

Ингрей обернулась. В белом плаще, брюках и перчатках, привалясь к двери, стояла посол радчааи в Гек, сама Тибанвори Невол.

— Не знала, что вы тоже прибудете. Мне тут никто ничего не рассказывает. Надеюсь, хоть вы не собираетесь претендовать на то, что вы тоже Гек?

— Здесь нет ничего, даже близко напоминающего чай, — сказала посол Тибанвори двадцать минут спустя. — Иначе я бы вас угостила.

Она сняла свой помятый плащ, оставшись в одной белой рубашке, брюках и перчатках.

— В подобных ситуациях люди с Гек пьют теплую подсоленную воду, — скривилась она. — Сейчас вам ее принесут.

— Спасибо, не надо, — ответила Ингрей.

Они с Гарал сидели на выступе, хотя вообще-то это был не выступ, а скорее, нарост, который поднимался из пола плохо освещенной комнаты. Она сужалась к выходу, как раз там, где они сидели. Углов в помещении не было, но из стен, пола и потолка в разных местах торчало еще шесть извилистых наростов.

— Простите за плащ.

Посол Тибанвори небрежно махнула рукой и

присела на ближайший нарост.

— Хорошо хоть, что вы плотно не пообедали перед тем, как отправиться в путь. Когда в следующий раз соберетесь в долгое путешествие в одном скафандре — не самая блестящая идея, должна заметить, — то лучше запастить дополнительным кислородом. Голова уже прошла?

— Да, благодарю вас, посол.

— Корабль все еще пришвартован к станции Хвай? — спросило Гарал.

— Конечно, но нам следовало бы отчалить еще несколько дней назад, невзирая на межрасовое соглашение. Но нет, посол решила обязательно найти человека по имени Тик Уйсин. И ее корабль. То есть его корабль, — вздохнула Тибанвори.

— Что происходит на станции? — спросила Ингрей. Она знала, что мехи прорвались к выходу из доков, а больше ничего. — Бои все еще идут? Вы не слышали…

У Ингрей были знакомые, которые жили и работали на станции. Там же находилась Нетано. Ингрей послала короткий запрос по всем новостным службам, но в ответ получила лишь уведомление, что ей необходимо срочно найти укрытие и оставаться там. Плохой знак, решила

она, но постаралась не думать об этом, пока не получит дополнительную информацию. Недя Лак наверняка знало, где сейчас находится Нетано, или, по крайней мере, пыталось разузнать. Потом оно обязательно сообщит. Не стоит умножать хаос, посылая лишние запросы.

— Понятия не имею, что там происходит, — ответила Тибанвори. — Да и какое вам дело, если вы — Гек?

— Это Гарал — Гек, а я нет.

— Мне лишь известно, что примерно сутки назад в доках началась стрельба, и после этого нас оставили в покое.

В дверь вошел человек, первый после Тибанвори, которого они увидели на корабле. Мокрый, высокий и крупный. Выглядел он странно: в зеленовато-коричневом обтягивающем костюме с темными горизонтальными полосками на боках. Голова лежала прямо на плечах, словно у него совсем не было шеи.

Лицо показалось ей смутно знакомым, но Ингрей не смогла его вспомнить.

— Ингрей Аскольд, — сказал человек странным хрипловатым голосом. — Гарал Кет. Пройдемте со мной. Посол хочет лично поговорить с вами.

— Конечно, — сказало Гарал, словно это было

обычное светское приглашение.

Они с Ингрей встали, кивнули, как велит вежливость, послу Тибанвори и пошли за человеком. Но не в коридор. Оказалось, что на этом корабле вообще нет коридоров, только множество отсеков самой причудливой формы. Ингрей вспомнила, как Тик рассказывал, что ему пришлось переделать свой корабль. Неужели раньше, до того как был угнан, его корабль выглядел изнутри точно так же? Только в разговоре с послом об этом, естественно, упоминать нельзя. Насколько Ингрей известно, Тик приобрел свой корабль вполне легально.

Наконец-то человек привел их в отсек, очень похожий на все остальные, только посередине него находился бассейн с темной водой, метра три в ширину, вокруг которого располагались причудливо изогнутые, похожие на змей сиденья.

— Садитесь, — сказал человек. — В воду не влезать. Некоторые ее компоненты вредны для ваших тел. Посол прибудет через минуту.

Он нырнул в бассейн, и несколько мгновений его еще можно было разглядеть под поверхностью воды. И лишь тогда Ингрей сообразила, что никакого костюма на нем вовсе не было, а горизонтальные полоски по бокам — это жабры.

От такого шокирующего открытия у нее снова закружилась голова.

— Давайте присядем, — сказало Гарал. — Садись, Ингрей.

— У него жабры!

— Ага. — Гарал усадило ее рядом с собой на изогнутую скамейку.

Ингрей хотела спросить: «Так, значит, Тик собирался стать таким? Когда вырастет? И ему до сих пор жаль, что он не такой?» Она даже открыла рот, но передумала. Вздрогнула, когда из воды появилось нечто зеленоватое. Гладкая, блестящая бесформенная туша, ронявшая капли, изогнулась и… частично растеклась по бортику бассейна. А затем в этой туше образовалось отверстие, сначала оно расширилось, затем сузилось.

— Гарал Кет, — прошептало, а может, просвистело существо. — Человек Ингрей.

Большая часть существа, темная массивная тень, все еще оставалась под водой. Наверное, это и была сама посол. Ингрей знала, что до сих пор никто из людей еще ни разу не видел представителей расы Гек своими глазами. Кроме Тика, разумеется.

Прямо сейчас на ее глазах происходило событие чрезвычайной важности, и ей требовалось сооб-

ражать как следует. Несмотря на то что Ингрей устала и находилась в полнейшем замешательстве, она помнила, как нужно вести себя в такой ситуации.

— Посол, благодарю вас… — начала она и замолчала, потому что хотела сказать «за то, что пригласили нас», но вспомнила, что на самом деле их никто сюда не приглашал.

— Вы — друзья Тика, — сказала зеленая масса, не обратив внимания на ее бессмысленный лепет. — Гарал Кет, у тебя нет легального статуса, как у человека. Но ты — человек, который объявил себя Гек. Нужно лишь, чтобы Гек признали тебя. Ты сделал это в страхе за свою жизнь. Я многое видела и слышала, поэтому все понимаю.

Тик Уйсин хотел защитить тебя от опасности. Я знаю, что вы не согнездники, даже по человеческим стандартам не можете ими быть. Я знаю многих людей. Я понимаю людей. Мало кто так хорошо понимает людей. Их трудно понять, даже тех, которые являются Гек. И Тик Уйсин… — Посол запнулась и издала странный звук, похожий на вздох, зеленая туша при этом посинела. — Тик Уйсин больше не Гек. Не хочется так говорить, но все уже ясно. И все-таки я хорошо его понимаю. Полагаю, ты — друг Тика. Мы подумаем, что с

тобой сделать, Гарал Кет.

Бесформенная туша на мгновение вспыхнула ярко-синим и затем снова стала светло-зеленой.

— Благодарю вас за терпение, посол, — сказало Гарал. — Капитан Уйсин будет счастлив, когда узнает, что вы признали его человеком.

— Да, — просвистела посол. — Да. Я не верила, что такое может случиться, но он им стал. Человек Ингрей, я причинила тебе немало неприятностей. И нарушила соглашение, напав на твоего согнездника, брата Данака.

Сидевшее рядом Гарал с удивлением уставилось на нее.

— Что?

— Я тебе потом расскажу. Сейчас это неважно. Посол, вы не причинили ему вреда, и все уже в полном порядке. Я отвезла его домой, проблема решена.

— Все равно мне не следовало так поступать. Признаюсь, я не рада тому, что не причинила брату Данаку вреда, но мне все равно не следовало этого делать. Я все обдумала и считаю, что поступила нехорошо. Плохо. Сделала то, чего не должна была. И должна сказать «прости меня», Ингрей Аскольд. Эти слова я говорю.

Молчание. Вода в бассейне заплескалась, вол-

ны ударялись в бортик рядом с ногами Ингрей, потемневшая туша снова зашевелилась под водой. А может, Ингрей это лишь показалось, она все еще не могла понять, как вообще выглядит голова посла и какого она размера.

— Все в порядке, посол.

— Нет, не все в порядке, — возразила зеленая туша. — Нет. Я расскажу вам кое-что. Скажу. Когда люди впервые появились, многое из-за них погибло. Очень многое, но есть людей невозможно. Многие из нас захотели их просто убрать, но другие сказали — нет. Люди очень странные, и все вокруг них погибает, но они похожи на наш народ. Они пришли сюда, чтобы жить, разве они могут жить вне мира? Там никто жить не может. Представьте себя вне мира, это ужасно. Разве можно за это убивать странных, пусть даже очень странных, существ, которые могут стать нашим народом, если мы поможем им выжить? Поэтому мы изменили их, и теперь вокруг них ничто не умирает, и сами они могут жить в нашем мире.

— Большинство, — вставило Гарал Кет.

— Терпение, Гарал Кет. Именно это я собиралась сказать дальше. Модификации неидеальны, и некоторые люди все равно не могут жить в нашем мире. Но то же происходит и с икринками,

и с вылупившимся молодняком. Откладываются тысячи икринок, а выживают единицы. В тот день, когда я вылупилась, у меня были тысячи согнездников. Через несколько дней осталось лишь несколько сотен, только двенадцать дожили до зрелости, но двое из них так и не смогли уйти на глубину.

— Но… у людей все по-другому, посол, — сказала Ингрей.

— Да, у людей по-другому. За молодняком нужно ухаживать много лет, заботиться о них, кормить, учить, прежде чем они уплывут из гнезда. А еще молодняк, о котором ты заботишься, может оказаться твоими согнездниками. Странно и извращенно, да. Но так бывает у людей. Нельзя оставлять своих согнездников до самой смерти, нельзя позволять, чтобы кто-нибудь съел их. Если молодая особь заботится лишь о собственном выживании, она не превратится во взрослого, на которого можно будет положиться, и если весь молодняк будет вести себя именно так, то вряд ли кто-то из них выживет. Модификации несовершенны, поэтому некоторые особи из человеческого молодняка не могут остаться. Но все равно они — наши согнездники. Они не могут остаться, но мы не высылаем их из мира. Как

можно поступить так с согнездником? Поэтому люди-Гек построили особое место на краю мира, и в нем этот молодняк может жить и даже приносить пользу.

— *У* Тика не выросли жабры, — заметило Гарал. — Это он нам сказал.

— Я поступила неправильно. Я должна сказать Тику Уйсину: «Прости меня, Тик Уйсин». — Посол замолчала, слышался лишь плеск воды, отдававшийся эхом от голых стен.

— Что вы сделали? — наконец спросила Ингрей.

— Мой согнездник, который выжил и смог вместе со мной уйти на глубину, был человеком-Гек. Его дочь — мать Тика Уйсина. Она не моя согнездница, но она согнездница моего согнездника. Вы понимаете? Даже несмотря на то что она не моя согнездница и у нее свое гнездо, другое, я все равно ощущаю с ней родство. Мой согнездник — человек, и я люблю его дочь, потому что он ее любит. А люди горюют о своем молодняке, если их потомство не выживает, и когда ее потомок, пусть даже один, не смог уйти на глубину, чтобы там выжить, я горевала вместе с ней. Вы понимаете? Мы изменили людей, чтобы они смогли жить в мире, а люди изменили нас. Не знаю, стоило ли

нам разрешать им оставаться в нашем мире. Я не знаю. Но она продолжала горевать. Один раз, второй, третий. Вы понимаете? Если молодняк не умеет как следует плавать, то лучше отправить его на край мира. Потому что там он хотя бы сможет выжить, и она не будет так сильно горевать. В первый же день, когда она показала мне Тика, я поняла, что он тоже не выживет, если попытается уйти на глубину. С ним случится то же, что и со всем остальным ее молодняком. Вы понимаете?

— Не совсем, — призналась Ингрей. То, что она услышала, ее ужаснуло, хотя она и половины сказанного не поняла. Она испугалась, хоть и сама не знала почему. — Я не понимаю.

— Вы это сделали, — сказало Гарал. — Каким-то образом вы сделали так, что у Тика не выросли жабры.

— Я это сделала. Поступила неправильно, но если бы я этого не сделала, то Тик Уйсин ушел бы на глубину, но не смог бы выжить, нырнув. Если бы я позволила ему нырнуть, он бы погиб. Я это сделала, чтобы он выжил в нашем мире. Но затем он угнал корабли и ушел из мира. Только он мог совершить такое. Гек бы так не поступил. Но он бы не выжил, нырнув в глубину. Нет. Не выжил. — Она немного помолчала и добавила:

— Его мать горевала. Мой согнездник горевал. Кто может жить вне мира? Лишь те существа, которые всегда там жили, но все они полны горя, боли и смерти. Чтобы принять участие в конклаве, я покинула мир, сделала то, что требовалось, и вернулась в мир. Мне совсем не хотелось находиться вне мира, мне пришлось сделать это, чтобы не пустить к нам чужаков. Я вернулась в мир при первой возможности. И в этот раз собиралась сделать то же самое. Но мы увидели наш корабль, я подумала, что, возможно, найду Тика Уйсина и смогу вернуть его. Тогда, возвратившись в мир, он больше не будет испытывать постоянные боль и страдания, и мать его перестанет горевать. Но Тик Уйсин всегда был упрямцем. Всегда! С тех пор когда был еще личинкой.

Бесформенная туша побледнела, на миг погрузилась в воду и снова выползла на бортик. С нее стекали струи воды.

— Наверное, я тоже упрямая. Немного.

— Совсем чуть-чуть, — вставила Ингрей. Гарал промолчало, и Ингрей решила, что лучше не смотреть на выражение его лица.

— Да. Я пошла за ним, подумала, что, возможно, испытывая боль и страдания, окруженный горем и смертью, он ведет себя не так, как должен.

Неправильно, если он поступает так из-за того, что я сделала с ним. Поэтому я и прилетела сюда. Мне страшно, мне не нравится находиться вдали от мира, что может быть ужаснее. Но я смотрю, я вижу. Я слушаю, я слышу. Ты очень странная, человек Ингрей, но, похоже, ты не живешь в постоянной боли и печали. Нет, ты плаваешь здесь так, словно это твой мир, ведешь очень странную жизнь, словно она хорошая и правильная. И тогда я подумала: а может, люди пришли к нам отсюда? Они вылупились вне нашего мира, и здесь их родные воды. Неужели мы поступаем неправильно, удерживая молодняк на краю мира?

— Думаю, что многие из них счастливы в вашем мире, — сказало Гарал. — Все-таки там их дом.

— Но не все счастливы, Гарал Кет. Не все. И до сих пор я даже не думала, что кому-то может нравиться жить за пределами мира. Теперь я об этом думаю. Поэтому и говорю с вами. Мне нужно кое-что сказать Тику Уйсину, но вряд ли он согласится встретиться и поговорить со мной. А вы, Гарал Кет и Ингрей Аскольд, вы — друзья Тика Уйсина. Передайте ему, что если он не хочет возвращаться на Гек, то я признаю, что он — человек, и не буду больше считать его подданным Гек. Скажите, что я прошу прощения. Скажите

еще, что он может вернуться на край мира, если захочет, даже не будучи Гек, и что мне нет дела до кораблей, я забочусь лишь о его благополучии. Если ему нравится за пределами мира, то я рада за него. Я расскажу его матери, что у него все хорошо, что он плавает в водах, которые намного больше подходят ему, что у него есть друзья, и, может, тогда она перестанет горевать. Вы передадите все это Тику Уйсину?

— Я… — Ингрей запнулась, не сразу найдясь, что ответить. — Думаю, будет лучше, если вы сами сообщите ему об этом, посол. Возможно, он не захочет говорить с вами и… — Она снова запнулась. Да и что тут скажешь? В дипломатических протоколах такие случаи не прописаны.

— Я и сама не захотела бы разговаривать с собой, — ответила посол.

— Вы сказали, что готовы оставить его в покое, — продолжила Ингрей, ободренная ее неожиданной откровенностью. — Но вы поступаете вопреки своим словам. Теперь вы попросите нас найти его и привести к вам. Думаю, что вам лучше отправить ему письмо и все в нем объяснить, и тогда он сам решит, выслушать вас или нет. Перестаньте искать с ним встречи до тех пор, пока он сам не захочет поговорить с вами.

Повисла тишина. Ингрей поняла, что сжимает в руках замызганные, измятые в скафандре юбки. А еще что до смерти устала. И проголодалась. И нуждалась в хорошей ванне. Шпильки ее остались в кармане скафандра, она так намучалась в нем и потом обрадовалась, когда сняла его, что обо всем позабыла. Гарал молча сидело рядом, такое же измученное, но не выдавало этого ни словом, ни жестом.

— Неприятно слышать такое, человек Ингрей. Но я об этом подумаю. Подумаю. Гарал Кет, ты — Гек. Если хочешь, можешь оставаться за пределами мира. Дома мне придется каким-то образом объяснить все это своему народу, раньше о таком мы не думали, но теперь придется ради молодняка, живущего на краю мира.

— Спасибо, посол, — ответило Гарал.

— Не нарушай соглашение! — наставительно сказала посол. — Ты должен изучить его положения и никогда не нарушать их. Соглашение позволяет не пускать в наш мир чужаков. Ингрей Аскольд, я не понимаю, что происходит на станции, но думаю, если ты покинешь корабль прямо сейчас, то можешь подвергнуться опасности. Здесь есть вода и еда, подходящие для людей. Есть место для сна. Я подумаю, и позже мы еще

поговорим.

Зеленая туша оттолкнулась от бортика и исчезла в глубине.

Глава 15

Паук-мех провел их в комнату с парой выступов из пола, немного напоминающих столы, и вышел, правда, не так грациозно, как мехи, управляемые Тиком, а скорее, как тот, которым пользовалась посол. Через несколько минут он вернулся, сжимая тремя руками какие-то свертки, и вывалил их на стол.

— Тут еда, — просвистел он.

— Спасибо, — сказало Гарал. Похоже, его ничего особо не интересовало, кроме собственного благополучия. — А тут есть горячая вода?

Паук-мех ткнул когтем в дальний конец комнаты и удалился.

— Ты что, собираешься есть? — недоверчиво спросила выбившаяся из сил Ингрей. — После всего, что случилось?

— Еду уже принесли, и ситуация все равно не изменится, даже если мы останемся голодными. Гораздо проще размышлять, когда ты сыт и не умираешь от жажды.

Ингрей нахмурилась и хотела ему возразить, но вспомнила, как по дороге на Хвай Гарал

запасалось едой, а еще рассказывало, как в «Милосердном устранении» было чрезвычайно трудно добывать пищу.

— Ты ведь тоже давно не ела.

Она побоялась что-либо ему ответить и пошла в ту сторону, куда указал паук-мех. В дальнем углу отсека она обнаружила нишу с раковиной, полной теплой воды. Ингрей осторожно зачерпнула ее рукой и попробовала.

— Пресная теплая вода, — раздался голос посла Тибанвори. Ингрей оглянулась и увидела, как она входит в комнату. — Горячей не сделают, как ни проси.

— А что они обычно едят? — спросило Гарал, усаживаясь на выступ, торчащий рядом со столом.

— Все сырое, — с отвращением ответила Тибанвори. — И гнилое. Но в пакетах человеческая еда. Мы взяли ее на борт в Тир Сииласе, хотя я понятия не имею, что там.

— Питательные брикеты, — предположила Ингрей. — В основном дрожжи с разными вкусами.

Посол Тибанвори скорчила гримасу.

— Или лапша, которую разводят горячей водой, — добавило Гарал. — Думаю, что и теплая сгодится.

— Нет, спасибо, — презрительно бросила Тибанвори и села рядом.

— А еще шербет. Быстрорастворимый.

— Его бы я выпила, — обрадовалась Ингрей. — А тут есть чашки или плошки или…

Она потеряла мысль и не смогла закончить.

— Потрогайте стену над раковиной, — посоветовала Тибанвори.

Поверхность дрогнула под пальцами Ингрей, разошлась, открывая полость в стене, где лежали тарелки, чашки и большие глубокие ложки.

— Мерзкое ощущение, правда? — сказала Тибанвори, и Ингрей пришлось согласиться: стена была очень неприятной на ощупь. Словно это и не стена, а живая плоть. — Ложки используют только для зачерпывания воды. Едят они руками, — продолжила Тибанвори, и ее передернуло. — А что такое шербет?

— Такой горячий напиток, — ответило Гарал. — Шербет.

Посол Тибанвори неодобрительно поглядела на него, вздохнула и подошла к стене. Вытащила несколько чашек и плошек и протянула их Ингрей.

— Держите.

Затем разлила теплую воду из раковины по

чашкам.

— Чем бы ни был этот ваш шербет, он наверняка не хуже пойка. Соленой воды, о которой я вам раньше рассказывала. А лапшу нужно залить и подождать чуть дольше. Не знаю, какую вы обычно едите, но та, что приходилось есть мне, в холодном виде совсем невкусная. В любом случае лучше уж это, чем живые морские черви и лапша из водорослей.

— А мне нравится лапша из водорослей, — сказала Ингрей, направляясь следом за ней к столу. — И рыбу я люблю, готовую и сырую. Правда, червей не пробовала.

— Поверьте мне, они ужасны. — Тибанвори забрала плошки у нее из рук и добавила: — Садитесь.

Только тогда Ингрей поняла, что стояла у стола с плошками в руках, не зная, что с ними делать дальше.

— Простите. Я ужасно устала.

— Заметно, — сказала Тибанвори и, разорвав пакетик с сухим шербетом, изучила содержимое. — Его нужно с водой смешать, насколько я понимаю?

— Да, — кивнуло Гарал.

Ингрей села и стала смотреть, как Тибанвори

заливает теплой водой лапшу и разводит в чашках шербет.

— Я хочу знать, что происходит на станции, — сказала Ингрей.

— Неплохо, — одобрила посол Радча, сев за стол и отпив немного теплого шербета. — Не чай, но тоже ничего. Интересно, можно ли переслать его на Гек? Без горячей воды чайку не попьешь. В смысле настоящий чай, каким его следует делать.

— Мне нужно знать, что происходит на станции, — повторила Ингрей, так и не сев. Она моргнула, чтобы открыть сообщения, но уставший мозг отказывался воспринимать информацию. Вестей не было ни от Нетано, ни от неди Лак. Она кинула обоим короткое послание, попросив сообщить последние новости.

— Что бы там ни происходило, нас это волновать не должно, — сказала Тибанвори. — Ваша подруга… друг, право, вам нужно поесть, а затем проверить новости. И постарайтесь поспать. Хотя с прискорбием сообщаю: нормальных кроватей, как во всем цивилизованном мире, тут нет. Здешние люди, из тех, что живут на орбите, обычно спят на полу где придется. Эта комната, — она обвела рукой помещение, — уступка иноземным

обычаям. Люди с Гек едят стоя или сидя на корточках. Хотя, полагаю, если ты просто закидываешь руками в рот склизких тварей, то тебе не нужны ни удобства, ни хорошие манеры.

— Не понимаю, с чего посол Гек вас так невзлюбила? — сказало Гарал.

Тибанвори язвительно хмыкнула.

— Ну уж если на то пошло, она мне тоже не особо нравится.

Ингрей села и взяла чашку тепловатого шербета. Когда недя Лак ответит, она сразу узнает об этом, а пока делать все равно нечего.

— Тогда почему вы до сих пор служите послом людей?

— Те, кто назначил меня на эту должность, не входили в круг моих друзей или родни. У нас существует одно понятие, не знаю, есть ли у вас такое. — Она сделала глоток шербета и ручкой ложки размешала лапшу, чтобы понять, готово ли. — В общем, можно сказать, что мне дали почетную отставку. Представлять людей перед иными расами, может, и очень почетно, только если эти инопланетяне не Гек. Им совершенно нет дела до того, что происходит в других частях галактики, они занимаются политикой лишь затем, чтобы не пускать к себе никого. Им не

нужно ни общение, ни какие-либо другие взаимоотношения с людьми, поэтому делать мне особо нечего, лишь участвовать в конклаве. В моей должности нет никакого смысла. Даже на этом конклаве по поводу ИИ мне, в общем-то, присутствовать необязательно. В прошлый раз, когда в договор были включены Рррррр, я ничего не делала. Может, сейчас даже и соваться не стоит. Я потребовала взять меня с собой лишь в надежде на то, что тут найдется еда повкуснее. В общем, «должность посла людей на Гек», может, и звучит как прекрасная возможность и очень важная работа для наиболее отличившихся и опытных дипломатов, но в реальности это способ разрушить чью-то карьеру самым оскорбительным образом.

— Так почему же вы не выйдете в отставку? — спросила озадаченная Ингрей.

— Я подаю прошение каждый год. И каждый раз мне говорят, что мои услуги неоценимы и я сама незаменима, поэтому Служба переводчиков не принимает моего прошения об отставке. — Она снова помешала лапшу и нахмурилась. — Надеюсь, что хоть на конклаве найдется кто-нибудь, кто поможет мне выбраться из этой дыры. — Она взглянула на Гарал. — Думаю, вы даже не осо-

знаёте, куда угодили, и чуть погодя решите, что лучше бы вам вернуться в тюрьму.

— Ну уж нет, — ответило оно.

— Вы уверены, что хотите обратно в Радч? — спросила Ингрей. — Новости сейчас…

— Там мой дом, — ответила Тибанвори. — Там цивилизация. Куда мне еще податься? Все лучше, чем оставаться здесь. Как вы уже слышали, в доках вчера была перестрелка. Мы в этом не участвовали, как я и говорила, нас не тронули. Но это не слишком безопасное и цивилизованное место.

— Вы знаете, что происходит сейчас? — спросило Гарал. — Помню, вы сказали, что это не наше дело, но вы же должны были хоть что-то слышать.

Посол Тибанвори вздохнула.

— Я слышала, что Служба безопасности станции сумела остановить этих… как их там, омкемцев. Их удерживают в доках и частично на одном из уровней станции. Не думаю, что Служба безопасности так уж хорошо вооружена, так что либо тут уже находились военные подразделения, либо омкемское командование чересчур глупое. Есть и третий вариант, что захват станции лишь отвлекающий маневр для осуществления более

сложного замысла.

— Какого, например? — спросила Ингрей.

Тибанвори кинула один питательный брикет Гарал, второй — Ингрей.

— Откуда мне знать? Я туг не живу. Что омкемцам от вас нужно?

— Доступ к шлюзу в Бейт, — сказало Гарал.

— Или в Тир, — добавила Ингрей.

— Вот вам и ответ. Думаю, они станут угрожать всей станции либо кому-то, кто на ней находится, чтобы их условия приняли, хотя, возможно, таким образом они просто пытаются отвлечь вас от реальной приближающейся угрозы. Не самое лучшее время они выбрали, учитывая, что здесь Гек, но откуда им было знать, что посол вдруг отправится вдогонку за украденным кораблем. Учитывая расстояния, такие решения обычно не принимаются за одну минуту. Возможно, омкемцы, прибывшие сюда заранее, начнут активные действия, когда подоспеет подкрепление, а оно, как я уже говорила, скорее всего, в пути.

— Нужно сообщить об этом! — воскликнула Ингрей. Несмотря на крайнюю усталость, она была настолько встревожена, что вскочила с места.

Тибанвори лишь махнула рукой.

— Если ваше военное командование еще не

просчитало планов противника, то никакие предупреждения уже не помогут. Поешьте. — Она пододвинула питательный блок к Ингрей. — Поспите. А потом подумаете, что делать дальше. А вы, — она взглянула на Гарал, — должно быть, уже приняли решение.

— Да. Посол права, Ингрей. Сейчас ты все равно ничего не сможешь сделать, а отдохнув, примешь более взвешенное решение.

Ингрей пару раз куснула питательный батончик, съела немного размокшей лапши, а потом нашла затемненную нишу, в которой можно было улечься. Пол, хоть и не слишком мягкий, показался на удивление удобным. Спустя минуту она уже спала.

Ей снилось, что она все еще в скафандре, вокруг лишь черная пустота и ее собственное громкое дыхание в наушниках. Она знала, что это сон, и каким-то образом осознавала происходящее вокруг. Чувствовала, что лежит в затемненной нише, слышала бормочущие голоса и в то же время видела сон о том, что снова заперта в неудобном скафандре.

Она проснулась. Моргнула, чтобы узнать время. Она проспала дольше, чем ей казалось. Должно быть, в какой-то момент кошмар про скафандр

закончился, и она провалилась в глубокий спокойный сон без сновидений. Пол под ней прогибался, поддерживая тело, словно матрас на постели. Она полежала еще немного, просматривая сообщения и новости.

Посол Невол сказала, что омкемские мехи удерживаются на одном из уровней станции. Они захватили ларий системы, а также помещения Первой ассамблеи и контролируют весь участок на пути к своим кораблям, пришвартованным в доках. Ингрей удивилась, почему они прорывались именно этим долгим и неудобным путем, вместо того чтобы пойти короткой дорогой. Она точно знала, что такая есть — именно по этому маршруту они с Гарал прошли несколько дней назад, когда прилетели. Ингрей внимательно просмотрела всю информацию, предоставленную новостными агентствами. Несомненно, они многое скрывали, но тем не менее обнародовали карту отсеков, где пришвартовались омкемские грузовые корабли. Они были указаны ярко-оранжевыми точками. В соседнем доке рядом с более удобным выходом зеленой точкой был обозначен еще один корабль. Он принадлежал Гек. По спине побежали мурашки. Если Ингрей выберется в док, то сможет увидеть омкемцев, если, конечно,

система защиты еще не перекрыла выход. Скорее всего, уже успела. Но они так близко!

Можно дальше не гадать: омкемцы осторожничали и старались не столкнуться с Гек. Здесь был пришвартован их корабль, пауки-мехи и люди-Гек наверняка ходили взад-вперед по своим делам. Скорее всего, именно поэтому омкемцы пошли к своей цели другим путем, через дальний выход.

Информация подавалась очень скудная. Жителям станции предписывалось сохранять спокойствие. Сообщалось, что силы обороны Хвай держат ситуацию под контролем и власти станции вскоре дадут дальнейшие указания. Пока жителей просили не пользоваться средствами связи, чтобы не мешать работе официальных каналов и не распространять заведомо ложную информацию. Все новостные агентства передавали одно и то же.

Остальное, скорее всего, попадало в категорию слухов и сплетен. Говорили, что пробит корпус станции, что при этом погибли десятки людей. Но на самом деле это была ложь, сработали лишь аварийные люки. Несколько сотен детей эвакуировали из лария за очень короткое время. Ни один ребенок не пострадал, не был захвачен в

заложники и не потерялся во время суматохи. Прорываясь к докам, омкемские отряды убили, по крайней мере, шестнадцать хвайцев. В сеть попало изображение лежащего на полу в коридоре доков мужчины с расплывшимся пятном крови у головы. Ингрей, сморгнув, быстро убрала изображение.

Нетано вряд ли находилась в районе доков. Она приехала сюда, чтобы люди увидели, как она разбирается с неожиданным визитом Гек. Возможно, она в палате Первой ассамблеи.

Недя Лак так и не ответило на предыдущие сообщения Ингрей, а это означало, что либо оно не просматривало почту, либо пока не имело достоверной информации. А может быть, связь на станции Хвай рухнула из-за того, что все одновременно пытались связаться с родными и знакомыми, которые могли оказаться в зоне боевых действий. В любом случае потребуется время, пока сообщение от неди Лак дойдет до нее.

В общем, ничего хорошего. Наверняка автоответчик Нетано переполнен, потому что все пытаются узнать, все ли с ней в порядке, но мама не обидится, если Ингрей тоже поинтересуется.

Она послала короткий запрос, зная, что он сразу же привлечет внимание Нетано. Маме нужно

будет лишь моргнуть, чтобы послать автоматический ответ, только об этом Ингрей и просила.

Ничего. Может, Нетано спит? Может, она в порядке, но слишком занята, чтобы отвлекаться на Ингрей? А затем пришло сообщение от неди Лак. Она должна сойти с корабля и вернуться на станцию. Они обязаны ее отпустить, потому что она человек. Нужно найти паука- меха или посла и сообщить, что ей необходимо уйти.

Ингрей поднялась и вернулась в комнату, где они ели.

— Гарал! — позвала она. — Гарал, мне нужно срочно сойти с корабля.

Гарал снова сидело за наростом, напоминавшим стол, и поглощало очередную порцию размякшей лапши, выглядело оно слегка помятым, но вполне бодрым.

— Зачем? Что-то случилось?

— Федерация захватила ларий системы и палаты Первой ассамблеи. Мама была в это время в ларии. Она до сих пор там.

— Откуда ты знаешь? В официальных новостях нет ничего, кроме требования найти укрытие.

— Я наконец-то получила сообщение от неди Лак. Оно говорит, что омкемцы с самого начала хотели захватить Первую ассамблею во время

заседания, но из-за корабля Гек им пришлось пойти длинным путем. Всех успели эвакуировать к тому моменту, как они туда добрались. Но не из лария, а мама как раз находилась там, на встрече с экскурсантами из Арсамола.

Немного помолчав, Гарал спросило:

— А дети? Они что, тоже до сих пор в ларии?

— Да! Почти все дети, мама и еще несколько человек. Пролокутор Первой ассамблеи Дикат и сотрудники лария.

— Раз уж они не смогли добраться до Первой ассамблеи, то пролокутор Дикат стало их следующей целью, — заметило Гарал. — Полагаю, они взяли в заложники старшее Дикат.

— Да. Оно встречалось с другой экскурсионной группой из приюта. Его наследник был на сессии и вовремя эвакуировался.

Первый пролокутор назначило наследника много десятилетий назад, поэтому тот уже несколько лет фактически в одиночку занимался делами вместо своего предшественника. То есть, с точки зрения Ассамблеи, пролокутор не был заложником.

— Присядь, — сказало Гарал. — Поешь. Выпей пойка. Это… — Оно сморщило нос. — В общем, к его вкусу надо немного привыкнуть. Но все-таки

тебе стоит сесть и что- нибудь поесть, да и составить план не помешает, прежде чем ты ринешься дальше. Подозреваю, что прямо сейчас жизни Нетано ничто не угрожает, а если бы и угрожало, ты ей все равно ничем не поможешь.

Есть Ингрей не хотелось, но ей нужно было поговорить с Гарал, поэтому она села рядом.

— У меня уже есть план. Не думаю, что они прилетели сюда, чтобы взять в заложники группу приютских детей.

Они охотились за Первой ассамблеей. Недя Лак сказало, что омкемцы не выходят на связь и не отвечают на запросы, но силы обороны Хвай предполагают, что рано или поздно они выдвинут свои требования.

Гарал поставило перед ней чашку и миску с еще сухой лапшой, плавающей в лужице тепловатой воды.

— Уверено, что окажусь в списке их требований, — сказало оно. — Вряд ли где-то вначале. Скорее, ближе к концу, но все-таки.

— Вероятно, — согласилась Ингрей. — Недя Лак тебя не упомянуло. Но ты же теперь Гек, поэтому они тебя не получат. Но я привезла тебя сюда и была на месте преступления, когда убили Зат.

Оно удивленно посмотрело на нее.

— Хочешь предложить себя вместо Нетано?

— И детей.

Гарал задумалось.

— Считаешь, они согласятся? Не сомневаюсь, что Хвай пойдет на серьезные уступки ради детей. Зачем омкемцам отпускать их и брать взамен тебя?

Ингрей уже успела об этом подумать.

— Там дети по крайней мере из двух приютов, с которыми встречались моя мать и пролокутор Дикат. Так что приблизительно от сорока до ста человек, может, чуть больше. Даже при наличии воспитателей им придется иметь дело с толпой перепуганных детей. Не знаю, идут ли уже какие-то переговоры, но чем дольше это тянется…

— Тем сложнее придется омкемцам, потому что дети устали и боятся.

— И тем дольше силы обороны Хвай будут разрабатывать план, чтобы освободить детей вообще без всяких переговоров, — выдохнула Ингрей. — Но чем больше пройдет времени, тем это опаснее для детей. Омкемцы потребуют что-нибудь очень важное взамен, но вряд ли силовики на это согласятся. Возможно, они совсем не станут вести переговоры.

— Вероятно. Не стоит подавать врагам мысль,

что любой может захватить заложников и требовать у властей все, что хочется.

— Правильно, — ответила Ингрей. Ее трясло. — Но я могу предложить себя. Насколько я помню, посол омкемцев жаловался насчет Хевома.

А еще он жаловался насчет того, что Гарал выдали Гек, но об этом и так известно.

— Я была там, когда погибла Зат. Я могу рассказать им все, что знаю. Пусть они отпустят детей и маму и возьмут меня взамен. Она еще не передала имени наследнику, поэтому если с ней что-то случится…

— Дело не в Хевоме. Смерть Зат — просто удобный повод, оправдание их действий. Их целью и вправду была Первая ассамблея, потому что она представляет интересы станции Хвай. И шести внешних Хвайских станций. И тех, кто живет на платформе «Зенит». Поэтому тот, кто контролирует Первую ассамблею, имеет доступ к шлюзам.

И прочим ресурсам со всего космоса.

— Полагаю, это не случайность, что они захватили Ассамблею как раз во время сессии, — продолжило Гарал. — Светлость Зат погибла лишь несколько дней назад, а омкемские грузовики с отрядами мехов находились здесь уже пару недель. Особенно если учесть, что грузовики не

самые быстрые корабли, они вылетели с Энтена давным-давно. Так что твое присутствие ничего не изменит. А как только они тебя получат…

— Все равно нужно попробовать. — Ингрей не знала, как еще объяснить. — Там же дети.

— Ты не несешь ответственности за их безопасность. Если они вообще еще живы.

Есть вероятность, что уже нет.

— А Нетано — моя мать.

— Я знаю. Нас с тобой взяли из общественного приюта. И все, что мы имеем, дали нам наши приемные родители. Наши семьи, да и все остальные, считают, что мы всю свою жизнь должны быть им благодарны. Да мы и сами так считаем. Я слишком долго думало именно так. Конечно, Нетано не сделала с тобой такого, как со мной Этьят Будраким, но с той самой минуты, когда ты вошла в ее семью, ты всегда помнила, что в долгу перед ней. Она еще не передала своего имени Данаку, так что, если с ней что-нибудь случится, роду Нетано придет конец. А если что-то случится с тобой, то придет конец тебе. Если не принимать в расчет Этьята Будракима, мне кажется, что большинство родителей предпочитают рисковать своей жизнью ради того, чтобы защитить своих детей, а не наоборот.

— Так и есть, — согласилась Ингрей. Внутри у нее все скручивалось узлом от беспокойства. — Но именно поэтому…

— Ты ведь собиралась уйти, — перебило ее Гарал. — Ты собиралась уйти от Аскольдов. Я же знаю. Ты бы даже не стала думать обо всем этом, если бы оказалась на месте брата. Может, конечно, ты надеялась, но не могла же всерьез думать, что это когда-нибудь случится.

— Нет, — ответила Ингрей и ощутила, как кровь приливает к щекам. Она даже самой себе в этом не признавалась, так что слышать это от Гарал было унизительно. Ко всему прочему она вдруг почувствовала облегчение.

— Никто не ждет от тебя подобного героизма, — продолжило Гарал. — И меньше всех Нетано. А если и ждет, то… — Оно сделало жест рукой, словно отмахнулось от мнения Нетано по этому поводу.

— Знаешь, — вдруг сказала Ингрей. — Тут недавно выяснилось, что тирские посредники ни за какие деньги не соглашаются вытаскивать заключенных из «Милосердного устранения». Тогда я этого не знала, хотя могла бы догадаться, что мне не хватит средств.

Гарал застыло на миг, а затем поставило чашку

с пойком на стол. Ингрей даже не заметила бы перемены в его лице, если бы уже не знала его достаточно хорошо.

— Ты работаешь на Тир? Или, скорее, работало? Полагаю, теперь уже не можешь, после того как стало Гек.

Молчание.

— Я много об этом думала. Наверное, они полагали, что я разморожу тебя, когда мы уже прилетим на Хвай, и затем ты сделаешь… то, что им нужно. Но Тик не желал пускать тебя на борт в таком виде, а ты не хотело соглашаться с моими планами. Ты даже отказалось со мной разговаривать, когда я нашла тебя в Службе для вновь прибывших. Там не было ни еды, ни места для сна, поэтому ты могло бы попросить помощи у меня или Тика.

Если уж что и волновало Гарал, так это еда.

— Так почему же ты ждало до следующего утра?

— Я не работаю на Тир. Заявило им, что отказываюсь. Что не собираюсь возвращаться на Хвай, что бы они ни сделали. Они возразили, что с технической точки зрения меня не существует и никому, кроме тебя, неизвестно, что я нахожусь на Тир Сииласе, а я само отвергло твое предло-

жение, поэтому, если я не соглашусь, они меня просто вышвырнут в воздушный шлюз. Тогда я подумало, что, получив документы, буду иметь хоть какой-то козырь против них. — Гарал слабо улыбнулось. — А дальше ты знаешь. Я не смогло уйти, потому что корабль Тика был задержан. Потом, когда все решилось, я подумало, что лучше мне остаться с тобой.

— Чего они хотели? Погоди, я и так знаю. Они хотели, чтобы ты разрушило карьеру пролокутора Будракима.

— Кроме всего прочего. Тут я было не против. Но я сказало, что не буду на них работать. И не работало. И если бы я не стало Гек, то ничем хорошим это бы не кончилось. Они бы не пришли мне на помощь и ничего не предложили. Даже когда они уговаривали меня работать на них, то и тогда не обещали, что помогут в том случае, если у меня начнутся проблемы. Даже лгать не стали, чтобы склонить меня на свою сторону.

Еще бы, конечно, нет. Нарушение договора считалось на Тире тяжелейшим преступлением, даже малейший намек на нарушение.

— Они понимали, что им не потребуется ничего мне предлагать. Тир действует лишь тогда, когда считает, что это в их интересах, других причин

для них не существует. Уверено, что, кроме меня, они послали и других, прямо сейчас на станции находятся их агенты. Вопрос лишь в том, кто они и какую пользу могут принести тебе.

— Ответ на последний вопрос — никакой, если это только не послужит их интересам.

— Гек тоже вмешиваться не будут, чтобы не нарушить условия межрасового соглашения. Это означает, что я тоже ничего не могу сделать и здесь тебе ничто не угрожает. Если Нетано более-менее нормальная мать, она наверняка захочет, чтобы ты была в безопасности.

— Послушай, они собирались захватить Первую ассамблею, чтобы получить контроль над шлюзами системы. Уверена, что им нужно было именно это, но ничего не вышло. Теперь у них в руках пустое здание ассамблеи, ларий и несколько заложников. Но зачем им ларий системы?

— Потому что он рядом с палатой Ассамблеи.

— Правильно. То есть их планы не изменились, вот что я хочу сказать.

Гарал нахмурилось.

— Понимаешь? — продолжила Ингрей. — Что хранится в ларии? Хвайские раритеты. «Отказ от дальнейших обязательств перед Тиром», который провозглашает существование Хвай и опреде-

ляет его таким, какой он есть. А что находится в палате Первой ассамблеи, даже если там нет представителей?

— О! — воскликнуло Гарал, которое наконец-то начало понимать.

— Колокол Ассамблеи.

На самом деле Колокол представлял собой огромную керамическую чашу, она появилась в те времена, когда Первая ассамблея была еще единственной и только начала собираться и обсуждать вопрос, что хвайцы больше ничего не должны Тиру. Все хвайцы знали, что когда-то чашу использовали для засолки капусты, пока однажды звук, раздавшийся от удара ложки о край посудины, не возвестил об официальном начале работы Ассамблеи.

— Ингрей, это всего лишь наши раритеты. Омкемцам нет до них дела.

— А как по-твоему, что искала Зат в заповеднике? Я знаю, ты говорило, что люди, не живущие в Хвай, смеются над нашими раритетами, для них они ничего не значат. Они ценны лишь для нас. По закону Первая ассамблея не может собираться без Колокола. Это, конечно, не то же самое, что контроль над членами Ассамблеи, но уже кое-что. Омкемцы увязли в ситуации и не отступятся. Они

захотят удержать в своих руках хоть что-то.

— «Отказ» — несомненная подделка, — сказало Гарал. — И ты это знаешь. А Колокол Ассамблеи… Он относится к тому самому периоду, и да, первые заседания Ассамблеи проходили в небольших временных помещениях, так что я не удивлюсь, если кто-то постучал ложкой по чаше, чтобы призвать всех к порядку. Но, Ингрей, ты когда-нибудь видела другую посуду для квашения капусты, кроме Колокола?

— Нет. Но какая…

— Они выглядят совсем по-другому, — сказало Гарал. — У большинства из них ровные стенки, и верхняя часть обычно уже, чем сама посудина. Смысл в том, что капусту надо плотно закрывать, потому что при доступе воздуха она правильно не заквасится. В общем, то ли всю историю про квашеную капусту просто придумали, то ли Колокол Ассамблеи ненастоящий.

— Но ведь теперь он используется как Колокол Ассамблеи. Возможно, что-то случилось с тем самым, настоящим колоколом, и его заменили. То же и с «Отказом от обязательств». Если с ним что-то случится, это не будет означать, будто Хвай больше не существует. Омкемцы пришли сюда не для того, чтобы уничтожить нас, они не

собираются нас захватывать. Они просто хотят вынудить Первую ассамблею сделать то, что им нужно. И если они отберут у нас символы Ассамблеи…

— То, что считает символами большинство хвайцев, — догадалось Гарал. — Теперь понимаю, что ты имеешь в виду. Но что изменится, если ты будешь там?

Ингрей набрала побольше воздуха.

— А то… Что, может, нам удастся все это выкрасть.

— Нам? — спросило Гарал, как обычно, ровным голосом, но Ингрей показалось, что она услышала горькие нотки. — Ты забыла, что я — Гек.

— Не забыла. Просто подумала, что ты могло бы дать мне дельный совет. Или предложить что-нибудь.

— А еще ты забыла, что я ничего не крало. — Гарал с отвращением оттолкнуло от себя миску с лапшой.

— Нет, я это помню. Но ты знакомо с грабителями, так ведь? Ты говорило, что занималось подделками. Самая искусная ложь всегда основывается на правде. Может, ты рассказывало и не о себе, но о каком-то реальном человеке. Возможно, ты встретилось с ним в «Милосердном устране-

нии», а потом опознало его работу в нашем доме. Может, ты само и не подделывало раритеты, но многое об этом знаешь. Ты само ничего не крало, но можешь дать мне совет. Это не будет считаться нарушением соглашения, ведь мы просто болтаем за завтраком.

Она взяла чашку, которую поставило перед ней Гарал, и отпила немного. Скривилась, распробовав тепловатую соленую воду.

— Фу, гадость! Это и есть пойк?

— Я же сказало, к его вкусу надо привыкнуть. Да, ты права, я многое узнало в «Милосердном устранении», но все это тебе не поможет. Такая кража, в какой меня обвинили и которую ты думаешь провернуть, по большей части совершается лишь при наличии превосходящей физической силы. Наши силовики уже сделали бы это, если б считали, что такой план может сработать, так что тебе не нужны мои советы. А если сила не применяется, то обычно кражу совершает тот, кто имеет прямой доступ к раритетам, — добровольно либо из-за того, что на него оказали давление. Все совсем не так, как в развлекательных шоу, где используются древние инопланетные артефакты, отключающие сигнализацию, или еще какие- нибудь хитроумные

планы. — Гарал хлебнуло пойка и скривилось. — Иногда, конечно, и планы разрабатываются, но чаще всего что-то идет не так, и преступники попадаются.

— Тогда мне такой план не нужен. — Ингрей постаралась сказать это как можно более спокойным голосом. Ей нужен был такой план. И помощь Тира или кого угодно. — Хочу, чтобы сработало. А если у меня и не получится, то надо хотя бы освободить маму и детей.

— А что недя Лак думает об этом?

— Ты шутишь? — Ингрей попыталась выудить лапшу пальцами. — Я ему ничего не говорила. Оно, скорее всего, скажет, чтобы я ничего не делала.

— Чем больше узнаю твое недю, тем больше оно мне нравится.

— Если бы я все время советовалась с недей Лак, ты до сих пор сидело бы в «Милосердном устранении», — заметила Ингрей. Она сунула холодную размокшую лапшу в рот и тут же пожалела. Вкус был просто отвратительным, но Ингрей заставила себя прожевать ее и проглотить. — Рада, что тебе удалось оттуда выбраться.

Гарал вздохнуло и прикрыло глаза.

— Ты же все равно поступишь по-своему?

— Да, — сказала Ингрей, мучительно желая, чтобы она хоть наполовину была так же уверена в себе. — Сделаю!

Глава 16

Оказалось, что достаточно лишь назвать свое имя, чтобы обер-капитан Утури из Службы обороны системы Хвай обратила на Ингрей внимание. Обер- капитан встретилась с ней в небольшой комнате, затерявшейся где-то в закоулках станции. Коренастая Утури в золотисто-голубой форме производила впечатление, даже несмотря на невысокий рост, особенно эффектно она выглядела на фоне скучных бежевых стен и жестких пластиковых столов и стульев.

— Ни за что! — сказала она, когда Ингрей объяснила свои намерения. — Мы стараемся оградить гражданских от опасности, вместо того чтобы посылать их туда. И если совсем честно, то я согласилась встретиться с вами лишь потому, что мое начальство не желает расстраивать вашу мать. Лично я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете, но, если вы хотите, чтобы жизни заложников ничто не угрожало, перестаньте тратить мое время впустую и позвольте мне исполнить мои обязанности. — После паузы она добавила: — При всем моем уважении, мисс.

— Но обер-капитан…

— Нет, — спокойно сказала обер-капитан Утури тоном, не терпящим возражений. — Я встретилась с вами. Выслушала вашу просьбу и дала отрицательный ответ. Вы немедленно отправитесь в ближайшее укрытие для гражданских и там будете ожидать окончания операции. Если я еще раз увижу вас, то арестую, для меня не имеет значения, кто ваша мать. Я понятно объяснила?

Слезы душили Ингрей. Но она не расплачется. Ни за что!

— Да, мадам.

— Хорошо, — сказала обер-капитан Утури и покинула комнату.

Спустя пару секунд вошел солдат.

— Я буду сопровождать вас в укрытие, мисс.

Ингрей больше не могла сдерживать слез. У нее ничего не вышло, все, что ей остается, — это сидеть в укрытии с незнакомыми людьми и ждать, чем завершится операция.

— А можно… — Она шмыгнула носом и утерла глаза. — Можно мне сначала в туалет?

— Я должен сопроводить вас прямо в укрытие, — сказал он. — Это приказ обер-капитана.

— Знаю. Но мне нужно умыться. И… вы же понимаете.

— Дверь в туалет прямо за вашей спиной, мисс. Я вас здесь подожду.

В туалете было очень мало места. Ингрей закрыла дверь. Высморкалась и помыла руки. Потом плеснула воды на лицо. Ей придется пройти в укрытие и ждать там. Другого выбора нет. Она сделала все, что смогла.

Выпавшая шпилька зазвенела, упав в раковину. Ингрей схватила ее прежде, чем ее смыло в трубу. И вдруг краем глаза заметила какое-то движение. Она огляделась, посмотрела наверх. На потолке сидел черный паук-мех, разглядывая ее множеством глаз на стебельках.

— Что ж, — тихо просвистел он. — Слышал, ты собираешься пробраться в ларий системы.

Ингрей промолчала.

— Это я, Тик, — сказал паук-мех. — Я могу довести тебя до лария, и, если силовики тебя вовремя не остановят, ты сможешь поторговаться с захватчиками. Если, конечно, и в самом деле этого хочешь. На мой взгляд, мысль не слишком хорошая.

— Я хочу этого! — тихо сказала Ингрей, помня о солдате, который ждал ее снаружи.

— Не могу обещать, что тебе удастся выкрасть «Отказ от обязательств» и Колокол Ассамблеи. И

даже посоветовать ничего не смогу, пока не получу соответствующей информации и не узнаю, где расположены раритеты и что сейчас происходит в ларии. На это понадобится время. А твоя жизнь окажется в опасности.

— Тик, — страстно прошептала Ингрей. — Некогда разговаривать! Нужно действовать!

— Ладно. Давай сделаем это.

Фасад лария системы уходил вверх на целых два уровня, хотя широкие двери были обычной высоты. Темно-серые, опаленные и шершавые. Считалось, что их сделали из панелей первого корпуса станции Хвай. Сейчас они были закрыты, а небольшое гулкое помещение перед ними, выложенное черно-зеленой плиткой, с высокими потолками, где обычно толпились посетители и прохожие, пустовало. А может, так только казалось. Тик сообщил, что повсюду прячутся бойцы хвайской обороны, а за закрытыми дверями лария ждут боевые омкемские мехи.

А между ними она. И чем дольше ей приходится ждать, тем больше риска. Хотя, даже прибыв сюда, она уже подвергла себя опасности.

Ингрей набрала побольше воздуха.

— Меня зовут Ингрей Аскольд! — крикнула она по-йиирски, потому что не знала, понимают

ли омкемцы по- бантийски. — Я дочь представителя Нетано Аскольд. Я находилась на месте преступления, когда убили светлость Зат, и смогу рассказать вам, что там произошло. Отпустите детей и мою мать, не причиняйте им вреда, можете взять меня вместо них.

В ответ тишина. Даже если Федерация и пойдет на такой обмен, им необходимо все обдумать.

— Мисс Аскольд! — Голос раздался не из лария, а позади нее.

Она оглянулась. Маленький квадратный мех-уборщик подошел к ней и остановился на расстоянии метра.

— Мисс Аскольд, что вы делаете? Обер-капитан решила не посылать сюда вооруженного меха. Мы уверены, что омкемские мехи стоят прямо за дверями у входа. Здесь опасно.

— Я знаю, — сказала Ингрей дрожащим, несмотря на все ее усилия, голосом.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Я думала, это очевидно. Хочу предложить себя взамен детей и моей матери, которых удерживают омкемцы. Вернее, стараюсь.

— Как вы выбрались из убежища для гражданских? — спросил мех-уборщик. — Да и вообще, как вы сюда попали?

— Пришла.

Она почти не солгала.

— Мы не можем вам этого позволить. Я прошу вас последовать за мной и укрыться за нашими позициями. Если нам повезет, то проблем не возникнет.

— Простите, но я отсюда не уйду.

Ей удалось сказать это вполне беспечным голосом, хоть он до сих пор слегка дрожал. С каждой секундой придуманный план нравился ей все меньше и меньше.

— Боюсь, нам придется задержать вас и вывести отсюда, мисс.

— Да уж, в новостях это будет хорошо смотреться. Оборона силком удаляет меня, когда я пытаюсь помочь спасти детей. И свою маму! — Голос сорвался, она сглотнула.

Если она не сдержится, то начнет плакать и кричать, а может, свалится прямо на землю. Ноги едва держали ее. «Они попытаются убрать тебя, — сказал Тик. — Будь упрямой. Если, конечно, не передумаешь. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить их». Но Тик покинул ее, когда она вышла на середину пустой площади напротив лария. Да и как он сможет противодействовать силовикам?

— Вы думаете, что вам позволят рассказать обо всем новостным агентствам?

— Попробуйте остановить меня!

Мех-уборщик промолчал. Ингрей отвернулась и посмотрела на двери лария, все еще запертые. Тишина. Ингрей хотелось закрыть глаза, но у нее кружилась голова, и она боялась, что упадет. Начала считать вдохи и выдохи. Если это сработало в скафандре, то и сейчас должно помочь не запаниковать. Минут через пять после того, как Ингрей отключила все средства связи с системой Хвай и перестала проверять время, мех-уборщик сказал:

— Обер-капитан хочет, чтобы вы знали, что она снимает с себя всякую ответственность, если с вами что-то случится, мисс.

— Конечно, — ответила Ингрей, не отводя взгляда от дверей лария.

— И если вам удастся выжить, то вы встретитесь с ней в суде.

В суде. Ну конечно. Она же мешает выполнению спасательной операции, которую проводят силы обороны системы. Все это неважно. Главное — попасть в ларий. Вывести Нетано и детей. И стащить раритеты, если повезет.

— Буду ждать *с* нетерпением, — проговорила

она не слишком уверенно.

Она ждала, что еще предпримет мех-уборщик. Постарается переубедить или станет воздействовать на нее физически? Мех просто стоял, а спустя несколько минут развернулся и удалился.

Воцарилась тишина. Ингрей осталась совсем одна. «Я не могу пойти с тобой, — сказал Тик. — Твоя жизнь окажется в большей опасности, если они заметят мое присутствие. Мне придется пробираться внутрь другим путем». Возможно, именно этим он сейчас и занимается.

Трясущиеся ноги устали, и немного погодя Ингрей осторожно села на пол. А что, если омкемцы не приняли ее предложения? Что, если все это ничего не даст?

Неважно. Ну и пусть она сидит тут испуганная и чувствует себя круглой дурой. По крайней мере, шпильки из прически не выпадают, уже что-то. Хотя, конечно, это же паук-мех их воткнул, когда они обсуждали наскоро состряпанный план действий. Она поддалась искушению и, моргнув, посмотрела на часы. Миновало уже два часа с тех пор, как она сюда пришла. Она моргнула еще раз: какой смысл смотреть, как бегут секунды?

Щелкнул замок, и широкая дверь лария приоткрылась, оттуда послышался голос, говорящий

по-йиирски с сильным акцентом:

— Мы согласны на обмен. Вам нельзя ничего проносить с собой. Вас обыщут. Встать!

Ингрей осторожно поднялась.

Дверь открылась еще шире, и из нее медленно по одному начали выходить дети в помятых бежевых рубашках и брюках. Все двадцать четыре. Из общественного приюта. Возможно, даже из приюта, расположенного на станции, потому что некоторые шмыгающие, с заплаканными лицами заложники были совсем малышами, и вряд ли их взяли бы в долгое путешествие. Один малыш повернулся и посмотрел на Ингрей. Шмыгнул. Открыл рот, но старший зашипел на него:

— Тихо! Просто иди вперед!

И они шли тихо и торопливо. С мокрыми глазами.

Вереницу детей в форме замыкала Нетано. Даже несмотря на то что она провела в заложниках несколько дней, выглядела она вполне опрятно. Лишь пиджак и брюки немного помялись, но ни один волосок не выбился из туго заплетенных кос. Ингрей хотелось позвать ее, но она подавила крик. Нетано взглянула на нее, словно откликнулась на зов дочери, но лицо ее осталось бесстрастным. Если бы Ингрей была чуть моложе

или чувствовала себя чуть более виноватой, то ее бы передернуло от выражения лица матери. Но теперь она уже знала, что Нетано просто умеет скрывать любые сильные чувства, а не только гнев и разочарование.

— Начинаем обмен, — громко и монотонно сказал по- йиирски голос из-за дверей. — Идите вперед. При любых осложнениях вы будете застрелены.

Не оглядываясь, Нетано пошла вперед.

На секунду Ингрей задумалась, почему они отпустили детей прежде, чем убедились, что она в их руках. Но размышлять было некогда, она двинулась навстречу матери.

Вслед за Нетано вышла еще одна вереница детей, более короткая. Все не старше восьми-девяти лет, Ингрей узнала их сине-желтую форму. Конечно, Нетано же встречалась с детьми из округа Арсамол. Ингрей тоже взяли из этого приюта.

Медленно и размеренно они шли навстречу друг другу. Не дойдя нескольких шагов до Нетано, Ингрей, будучи не в силах сдержаться, воскликнула:

— Мама!

Она не заплачет. Ни за что!

— Ингрей, милая, — сказала Нетано, подходя к

ней. — Я этого не забуду.

«Я этого не забуду». По спине побежал холодок. То ли от неопределенности слов, то ли потому, что до Ингрей наконец-то дошло, что она делает.

Нетано проследовала дальше. Дети, идущие мимо Ингрей, все как один смотрели на нее, не поворачивая головы и не замедляя шага.

Позади двери лария стоял массивный темно-серый мех с широким квадратным телом, четырьмя суставчатыми ногами и огромной пушкой в одной из трех рук. Ингрей тоже умела скрывать свои чувства. Почти как Нетано. Но она не научилась контролировать мышцы лица так же уверенно, как ее мать. Теперь неважно: ей не придется занимать место матери, она никогда в жизни не станет следующей Нетано. Она всего лишь Ингрей Аскольд, но у нее есть информация, необходимая омкемцам. Ей удалось освободить детей. А еще Нетано, чтобы та смогла назначить себе наследника и передать свое имя. Ингрей поступила так не ради Данака, но надеялась, что с сегодняшнего дня он всю жизнь будет помнить, что обязан сестре очень многим.

Чуть дальше стояли еще два меха. Она прошла мимо раритетов бывшего главного хранителя лария, мимо широченного полотнища, на кото-

ром рукой пролокутора Первой ассамблеи был написан устав лария, мимо киоска, в котором за небольшую плату распечатывались входные билеты с номером и датой. Ингрей даже подумала: а не позволит ли ей огромный мех остановиться тут на минутку? Несомненно, сувенир по такому поводу будет дорого стоить. Данак за него хорошо заплатил бы. Хотя, конечно, личный раритет дороже. Она может сама расписаться на билете и попросить омкемцев. Ингрей представила, как громоздкий боевой мех в одной руке держит маленький билет, в другой — кисточку, а в третьей — пушку, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Или чтобы не заплакать, она и сама точно не знала. Она посмотрела по сторонам в поисках паука-меха, но не увидела его. Интересно, Тик где-то поблизости? Вряд ли. Он сказал, что ему придется пробираться другим путем.

Сбоку от киоска лежала куча сине-фиолетовых палочек и коробок. О нет! Это же раздавленные мехи- экскурсоводы. Скорее всего, они были автоматическими, но омкемцы предпочли не рисковать.

— Ингрей Аскольд, идите сюда, — сказал один из ожидающих ее мехов на плохом бантийском.

Она пошла за ним, не оглядываясь и не зная,

идет ли следом тот самый мех, что стоял у дверей. Мех привел ее прямо в центральный зал лария, где выставлялись раритеты времен основания Хвай. Раритеты из бумаги и холста и даже глиняные таблички располагались на темнозеленых стенах отдельными группами. Другие экспонаты, которые невозможно было повесить, стояли в стеклянных витринах вдоль стен: чашки, графины для шербета, бусы, даже пара сандалий.

На противоположной стене висел «Отказ от дальнейших обязательств», расположенный вертикально в индивидуальном стеклянном коробе на высокой дюритовой подставке.

Подходя к нему с этой стороны, Ингрей видела лишь его край, но она могла бы, не задумываясь, процитировать слова, начертанные кистью. «Этот документ удостоверяет, что Ассамблея представителей народа Хвай…» Даже если Гарал право и этот конкретный документ — подделка, важны ведь сами слова.

Без дополнительных слоев текста и изображений, которые Ингрей привыкла видеть, когда была подключена к средствам хвайской связи, длинный зал, с экспозицией раритетов, надписей и указателей для детей, казался на удивление пустым. Она вдруг поняла, что усиленно моргает,

пытаясь подключиться, но у нее, конечно же, ничего не получилось. Прежде чем прийти сюда, она отрезала себя от связи, но даже до этого в новостях передавали, что с заложниками, захваченными в ларии, связи нет. Наверняка омкемцы каким-то образом заблокировали ее.

В зале находилось несколько мехов. Двое, которых Ингрей уже видела, один остался у входа, и еще один стоял в центре зала, охраняя двух людей, сидевших на полу в ожидании ее. Ингрей сразу же узнала коренастое, седовласое неино — пролокутора Первой ассамблеи по имени Дикат. Рядом с ним устроилась молодая женщина, немного старше Ингрей, но стройнее и выше, это было заметно даже несмотря на то, что заложница сидела на полу. Это была наследница старшего хранителя в зале раритетов послетирской эпохи.

Рядом с выставочной витриной, в которой висел «Отказ», стояли два меха поменьше, которые больше напоминали людей, чем машины. Когда Ингрей подошла, они тут же обернулись.

— Мисс Аскольд, — сказал один из них по-бантийски. — Пожалуйста, не подходите ближе.

Она остановилась. Меньший из двух человекообразных мехов шагнул к ней. Он двигался легко и плавно, и только тут она поняла, что это

не машины, а люди в темно-серых доспехах. Как и большинство омкемцев, они были высокими, а доспехи придавали им весьма устрашающий вид.

Первый человек в доспехах что-то сказал, но Ингрей его не поняла.

— Мисс Аскольд, — обратился к ней второй по-бантийски. — Вы не могли бы вытащить шпильки из волос?

— Конечно, — ответила Ингрей.

Голос ее совсем не дрожал, и она обрадовалась. Она вытащила шпильки и протянула их человеку в доспехах.

— Что мне с ними делать?

Первый снова заговорил на непонятном языке.

— Пожалуйста, положите их на пол, — сказал другой. — И отойдите назад.

Она нагнулась, положила шпильки на пол и выпрямилась. У нее имелось устройство-переводчик для путешествий, которое работало без подключения к хвайской системе связи. Ингрей пару раз использовала его на Тир Сииласе. Она не нашла времени, чтобы разобраться с настройками и загрузить дополнительные словари, поэтому работало оно кое-как, но сейчас могло вполне пригодиться. Может, хотя бы язык опо-

знает? Все лучше, чем ничего.

Первый посмотрел на шпильки и заговорил.

— Взять их с пола, — сказал монотонный голос у Ингрей в ухе.

Второй нагнулся и попытался поднять их, но три шпильки все равно выпали из руки, закованной в тяжелую рукавицу.

— Ерш твою меть! — выругался омкемец, согласно переводчику, разумеется.

Доспехи на руках начали складываться, исчезая где-то в районе плеч. Затем человек взялся за виски и снял *с* себя голову, вернее, шлем. Под ним оказалось бледное, но весьма добродушное лицо и густая темная шевелюра.

— Не знаю, как солдаты это делают, — сказал он, а потом в ответ на недовольный возглас первого добавил что-то на своем языке.

— Фуй, командор! Непристойности из ваших уст. Я — непристойный солдат! — перевело устройство.

Он наконец поднял шпильки, встал и улыбнулся Ингрей.

— Простите меня, мисс Аскольд. Пожалуйста, подождите меня здесь.

Он подошел к меху, стоявшему у ближайшего выхода, нажал что-то, открыл панель на боку,

высыпал туда шпильки и снова закрыл ее.

— Пожалуйста, не бойтесь, — сказал он, вернувшись к Ингрей. — Нет причин для неприятного общения.

— Я и не боялась, пока вы это не сказали, — ответила Ингрей.

Он хмыкнул, но не засмеялся.

— Мы с командором хотели бы с вами кое-что обсудить. Но могу ли я прежде задать вам один вопрос? Как вы думаете, все это, — он показал на «Отказ от обязательств», — настоящее?

— Я… я всегда так считала.

Наверное, нужно радоваться, что ее догадка оказалась верной, что отряды Федерации, не сумев получить контроль над Первой ассамблеей, решили захватить ключевые раритеты Хвай. Даже после заявления Гарал «Отказ от обязательств» все еще является самым важным раритетом системы.

Человек повернулся к командору.

— Воспринимай. Как из моих уст.

— В обычных остаются, — сказал командор. — Обычное нет. Внимание есть, спор есть пролокутор. Требуется сомнение, и уровень понижен. Я теоретизирую, искать в другом месте.

— Оставайся, — сказал омкемец, который знал

бантийский. — Недостаточность в другие дни, недостаточность в этот момент.

— Кто вы? — спросила Ингрей, мало что поняв из их разговора. — Зачем вы это делаете?

— Меня зовут Ченнс. Я… у вас это называется этнограф. Специализируюсь на хвайских культурах. А это, — он указал на человека в доспехах, — командор Хатквебан. А насчет того, что мы тут делаем… Удивлен, что все хвайцы задают нам этот вопрос, мисс Аскольд. Я лично знал светлость Зат. Не могу сказать, что она мне нравилась, потому что она была довольно заносчивой и презирала тех, кого считала ниже себя. Кроме того, Зат была абсолютно убеждена в правильности самых смехотворных исторических теорий. Честно говоря, мне неприятна даже ее попытка придать значимость этим бредням. Она продвигала свои совершенно безумные идеи и убеждала в них других, старалась заставить власти потратить время и важные ресурсы на то, чтобы воплотить их. Но смерти Зат все же не заслуживала.

— Не заслуживала, — согласилась Ингрей. — Но дело ведь не в ней. Во-первых, светлость Зат погибла лишь несколько дней назад, а ваш корабль вылетел намного раньше. А во-вторых, Зат убил

ее сродич Хевом. Они остановились в доме моей матери, но никто из наших в этом не замешан.

— Светлость Хевом не заслуживает обвинения в убийстве, которое он не совершал, — сказал светлость Ченнс, будто не расслышав ее слова. — Ваша Служба безопасности задержала Палад Будраким по подозрению в убийстве. Как вы считаете, кто скорее мог убить Зат? Сбежавший преступник или ее сродич, который не имел права прикасаться и не мог даже говорить с ней. Я знаю, что для вас стеклянные руины — это лишь удивительный природный феномен или строительный материал, но теории Зат о появлении стекла имели политическую подоплеку. Обидную для большинства хвайцев.

— Да. Она хотела доказать, что омкемцы родились на Хвай. Ну или, по крайней мере, некоторые из ее предков. Я знаю. Она мне рассказывала. Бредовая теория, как вы и говорили. Но она могла бы выкопать все стекло на планете до последнего куска и все равно не доказать ее.

— Она бы подогнала находки под свою теорию, — ответил Ченнс. — И это бы имело определенные негативные последствия для Федерации. Поверьте мне, мисс Аскольд, все затевалось ради того, чтобы убедить возможных союзников в

Федерации. Хвайцев она убеждать не собиралась. Ей не было дела до того, что скажут жители Хвай. Она заботилась лишь о том, чтобы получить то, что ей нужно. Не думаю, что ваша мать не понимала этого, когда пригласила Зат погостить у себя.

Ингрей с ним согласилась. О чем только думала ее мать? Хотя, с другой стороны, если бы Зат отказали в раскопках, она могла бы заявить, что это заговор, что ей мешают, потому что результаты раскопок всем бы открыли глаза.

— Послушайте, — сказала Ингрей. — Я была в заповеднике в тот самый день. Я была там, когда Зат умерла. Она взобралась на холм, тот самый, где один склон весь стеклянный и спускается к реке. Обычно он есть на всех рекламных проспектах заповедника. Думаю, она поднялась туда, чтобы осмотреть местность сверху, и послала своего маленького меха Уто обследовать поверхность склона.

Своего драгоценного малыша.

— Зат забралась на холм и села, — продолжила Ингрей. — Никто не подходил к ней до самого обеда, пока я не поднялась наверх, потому что она не отвечала на сообщения. Она была… — Ингрей запнулась.

«Она была мертва».

Ченнс молча наблюдал за ней.

— Гарал… Палад Будраким… Тогда я еще не знала, как его на самом деле зовут. Но мы с ним провели все это время вместе. И не говорите мне, что оно управляло мехом. Не управляло, мы постоянно с ним беседовали. Уто — единственный мех, который поднимался в то утро на холм. У Гарал нет нужных имплантатов, чтобы управлять мехами, сделанными в Федерации. Рядом находился лишь один человек, у которого они были, это Хевом. Хевом, который ненавидел Зат достаточно сильно, чтобы убить ее. Я свидетель.

Светлость Ченнс внимательно слушал ее, слегка нахмурившись.

— Зачем она привезла Хевома? Они не могли разговаривать друг с другом, разве не лучше было взять с собой помощника, с которым можно беседовать?

Ченнс скривился:

— Со стороны Зат было жестоко заставлять Хевома ехать вместе с ней. Даже более жестоко, чем вы можете представить. Некоторые старшие родственники Хевома имели разногласия с Зат по… политическим вопросам, можно так сказать. Их сродственность, полагаю, это подходящее сло-

во, — он использовал неуклюжую конструкцию, йиирское слово с непривычным аффиксом, — сродственность должна была урегулировать дальнейшие споры, но сама Зат сделала все, чтобы как можно сильнее оскорбить семью Хевома. Хевом поступил неправильно, выразив протест. Зат заставила его отправиться с ней, чтобы преподать урок ему и всем его родственникам.

— Вполне себе мотив, — сказала Ингрей. — Раз уж он решился убить ее, свалить все на невиновного хвайца было проще простого. В конце концов, мы же… — Как там сказал Хевом? — Невежественные и бескультурные, а наша юридическая система — шутка. Похоже, и наши жизни для омкемцев тоже лишь шутка.

Светлость Ченнс вздохнул:

— Я бы не называл Палад Будраким невиновным.

— Теперь его зовут Гарал Кет. И оно не убивало Зат. Я свидетель. — Доказывать что-либо было уже бессмысленно. Федерация не получит Гарал, потому что оно стало Гек. — Все это происходит не из-за Зат с Хевомом. Ваши мехи и солдаты прилетели сюда через шлюз Энтен — Хвай задолго до того, как было совершено убийство.

Конечно, кто-то мог заранее знать, что Зат

умрет, а Хевома обвинят в убийстве.

— Вы так и не поняли, — сказал Ченнс. — Не можете понять. Для того, кто находится в положении Хевома, убить Зат было бы немыслимо. Буквально. Если я даже и попытаюсь объяснить, вы все равно не поймете, потому что ваши семьи взаимодействуют совсем по-другому. Представьте… представьте себе человека, убившего своего родителя.

— Может, кто-то и назовет это немыслимым, — ответила Ингрей. — Я лично даже представить себе не могу. Но и такое случается.

Светлость Ченнс оглянулся на командора в доспехах, затем посмотрел на Ингрей.

— Вы находитесь здесь, мисс Аскольд, потому что стали свидетельницей гибели Зат. В ином случае командор Хатквебан никогда бы не согласилась на подобный обмен. Она хочет лично поговорить с вами. Не сейчас, в данный момент есть более важные дела, так что чуть позже. Она совсем не понимает бантийский. — Ингрей уже догадалась об этом. — И по-йиирски тоже говорит не очень хорошо. У нее есть устройство-переводчик, не самый плохой, но она ему не доверяет, поэтому я буду переводить по мере необходимости.

— Она тоже родственница Зат? — как можно невиннее спросила Ингрей.

— Нет, — ответил Ченнс. Он огорчился, или ей показалось. — Она родственница Хевома. Ей не понравится, что вы валяете имя ее… двоюродного брата, полагаю, это самые подходящие слова, что вы валяете имя ее двоюродного брата в грязи.

— И ее выбрали специально для этой миссии? Что за удивительное совпадение!

По лицу Ченнса пробежала тень, но Ингрей не смогла распознать его эмоции.

— Идите, мисс Аскольд, сядьте рядом с другими, — только и сказал он.

— Тот, кто все это придумал, не слишком беспокоился о том, что случится с Хевомом, — отозвалась она. — Полагаю, они пообещали, что вытащат его отсюда, но, видимо, не обеспечили ему того, что нужно.

Если бы это был сюжет развлекательной программы, то Хевома снабдили бы фальшивыми уликами: чужими отпечатками пальцев или образцом ДНК на ноже, тайными сообщениями, которые Служба безопасности «случайно» обнаружила бы и расшифровала. Наверняка Федерация могла все это обеспечить без особых усилий. Если бы сочла нужным. Очевидно, Хево-

ма спасать они не собирались.

— Сядьте, мисс Аскольд, — повторил Ченнс. — Я не хочу прибегать к угрозам.

— Хорошо, светлость, — фальшиво улыбнулась Ингрей. — Командор и ее солдаты с радостью сделают это за вас.

Улыбаясь, она отвернулась от него, от витрины с «Отказом» и, не торопясь, прошла туда, где сидели заложники. Она двигалась медленно совсем не для того, чтобы показать всем, что не боится, напротив, ей казалось, что если она пойдет быстро, то не сможет сдержаться и бросится в панике бежать. Так ей проще было скрыть тот факт, что у нее поджилки трясутся от страха.

Глава 17

Ингрей села между пролокутором Первой ассамблеи и старшей хранительницей, старательно делая вид, что не замечает четырехногого меха, охраняющего их. Женщина лишь мельком взглянула на нее и снова уставилась в пустоту перед собой.

— Что ж, — сказало председатель Дикат. — Нетано удалось выбраться, теперь она лично развезет детей по приютам. Только омкемцы все равно бы их выпустили при первой возможности. Они ревели, разводили сырость, каждые пять минут просились в туалет, и, конечно, омкемцы не позволяли им бегать туда-сюда. Нам повезло, что командор не настолько безжалостная, чтобы просто пристрелить их всех. Все эти дети родились в обычных семьях, какой смысл их тут держать? Но Нетано, конечно, теперь станет героиней в глазах журналистов. Даже не сомневайся, если с тобой что-нибудь случится, то она благодаря тебе наверняка получит на выборах дополнительные голоса. Ты ей не родная, и, полагаю, она взяла тебя на воспитание не из семьи своих родственников

или влиятельных сторонников. Так легко можно пожертвовать лишь ребенком из общественного приюта. И только приютский согласится на такое. Куда ему еще деваться?

Так легко пожертвовать! Что ж, он прав, Ингрей знала это всю свою жизнь. «Я этого не забуду», — сказала мать. Ингрей понимала, что это значит. Знала, что Нетано попытается выдавить из ситуации максимум политической выгоды, независимо от того, выживет Ингрей или нет.

Она хотела ему возразить на это продуманное оскорбление в ее адрес и выговорить за презрительное отношение к приютским детям. Но поняла, что если она откроет рот, чтобы возмутиться, то, скорее всего, просто закричит или заплачет. Поэтому Ингрей лишь сказала как можно приветливее:

— Очень приятно познакомиться с вами, пролокутор, — и тут же сжала зубы, чтобы случайно не выдать себя.

Хранительница раритетов, сидевшая с другого бока, начала беззвучно рыдать. Спустя пару минут пролокутор рявкнуло:

— Прекрати уже распускать сопли! Ты ничем не лучше этих спиногрызов, хватит разводить сырость и всех раздражать, все равно ничего не

изменится.

Ингрей наклонилась к хранительнице:

— Меня зовут Ингрей Аскольд. Думаю, мы с тобой и раньше встречались.

— Никейл Тай, — ответила девушка. — Я же не специально плачу.

— Мне тоже хочется плакать. Может, если мы все одновременно разревемся, то затопим комнату и устроим мехам короткое замыкание.

Ингрей не знала, почему так сказала, слова вылетели изо рта сами собой. Может, оттого, что смерть так близка. Или оттого, что она помнила, что Тик пытается добраться сюда. Возможно, он уже где-то совсем рядом.

Никейл робко улыбнулась, хоть подбородок у нее все еще дрожал. Вытерла глаза рукой, но слезы все равно продолжали капать.

— Думаю, система атмосферного контроля быстро впитала бы всю влагу. Влажность вредна для раритетов.

— Тогда придется придумать другой план, — сказала Ингрей. От страха у нее кружилась голова. Зачем она все это говорит? — Например, лить слезы прямо на них.

Мех крепче сжал пушку и склонился над ними.

— Ты водонепроницаемый? — спросила Ингрей и, когда мех ничего не ответил, добавила: — Уверена, так и есть.

— Конечно, глупо было бы начинать войну с такими мехами. Тогда мы их победили бы с помощью ведер и водометов.

— Да заткнитесь уже! — рявкнуло пролокутор Дикат.

Никейл снова залилась слезами. Неужели Дикат все это время ругало ее?

Пролокутора Дикат уважали за то, что оно умело говорить просто и прямо, без танцев с бубнами и прочих дипломатических ужимок. Но Ингрей-то понимала, что плохой дипломат никогда бы не смог стать пролокутором.

— Вам очень плохо, пролокутор? — спросила Ингрей. Она взглянула на нависшего меха над ними и добавила по-йиирски: — О чем вы вообще думаете? Заставляете это бедное ослабевшее пожилое неино…

— Ослабевшее! — возмущенно воскликнуло пролокутор Дикат.

— …заставляете его сидеть на полу без подушек, без поддержки для спины. Вы, по крайней мере, могли бы предложить ему скамью!

Мех никак не отреагировал.

— Вы и к своим пожилым родственникам тоже так относитесь?

Никакого ответа.

— Да чтоб вы знали… — начало пролокутор Дикат.

— Замолчите! — перебила его Никейл. — Мы все умрем, и если вы нам хамите, то почему мы должны вести себя вежливо?

— Мол-чать! — раздалось у них за спиной.

К ним быстрым шагом подошла командор. Наверное, темный гладкий шлем, за которым все еще скрывалось ее лицо, к тому же усиливал голос. Этнограф Ченнс выглядывал из-за ее плеча.

— Ведете себя хуже детей!

— Командор Хатквебан, — сказала Ингрей. — Разве вам неизвестно, что у пролокутора больные суставы?

Она не солгала: у Дикат действительно болели ноги. Ингрей вспомнила, как пару лет тому назад все обсуждали это во время собрания, которое проводилось у подножия подъемника.

— И спина тоже больная, скорее всего, ему нужно принимать болеутоляющее, а вы не даете, да еще заставляете сидеть на полу…

— Молчать! — оглушительно рявкнула командор по-йиирски. — Или я вас пристрелю.

Никейл, сидевшая рядом, сжалась в комок и пробормотала:

— Только сперва им нужно заставить нас открыть витрину с «Отказом». Потому что, если сработает сигнализация, двери захлопнутся, и им придется прорезать их, чтобы выйти.

Ингрей разглядывала темно-серые доспехи омкемского командора. Ее замутило от ужаса. Она-то сама членом Первой ассамблеи не была, да и открыть ничего не могла. И про Зат она уже все, что знала, рассказала. Был ли вообще смысл в том, чтобы менять ее на Нетано и детей? Пролокутор право: командор Хатквебан просто искала причину, чтобы избавиться от малышни. Если Ингрей будет досаждать им, то они и от нее смогут избавиться, причем самым простейшим способом. Зачем же она им еще что-то доказывает? Нужно молчать. В конце концов, в Ингрей нет ничего особенного: ни красоты, ни выдающихся талантов, — да и вообще она никому не нужна.

Нет! Она — Ингрей Аскольд, которая вытащила невинно осужденного человека из «Милосердного устранения», откуда и выбраться-то нельзя. Она, безоружная, противостояла Данаку, угрожавшему убить ее огромным ковшом. Ей, конечно, помогли, но и она помогала таинственному и

пугающему представителю расы Гек. Может, ее и сейчас спасут.

— Это неприемлемо, — неодобрительно сказала она, глядя в лицо командора, закрытое шлемом. — Вы сейчас же принесете стул для пролокутора, мягкий и со спинкой.

Командор Хатквебан промолчала. Стоявший рядом с ней светлость Ченнс нахмурился и хотел что-то сказать.

— Не спорьте со мной! — отрезала Ингрей, поражаясь самой себе. Только и надо было, что вспомнить посла Гек, и ей удалось вполне правдоподобно изобразить манеру речи иноземного дипломата. — Принесите стул.

— Глупое дитя, — яростно прошептало пролокутор Дикат. — Я сделало все возможное, чтобы нас не убили.

— Вас не убьют, — ответила Ингрей. — По крайней мере, до тех пор, пока вы им нужны. И может, заодно предоставят более комфортные условия.

Ингрей и сама в это особо не верила. От нее омкемцам точно никакой пользы нет. Хотя кто знает. Светлость Ченнс что-то сказал командору, только очень тихо, так что ее автопереводчик не уловил.

— Ха! — воскликнула командор. — Стул обеспе-

чить несколько тишину.

— Командор прикажет принести стул, — перевел светлость Ченнс, — если вы все пообещаете молчать.

— Даже если вы нас о чем-нибудь спросите? — тихо пролепетала Никейл.

— Я бы посоветовал вам не испытывать наше терпение, — сказал Ченнс. — Командор не собирается играть с вами.

— Вы все равно ничего не сделаете с Никейл, пока она не откроет для вас витрину, — вежливо заметила Ингрей. — Полагаю, мы все это знаем. Простите меня, светлость, но, может, командор об этом не догадывается? Вы же не солдат, вы не угрожаете людям.

— Стул уже несут, — очень спокойно ответил Ченнс, и они вместе с командором вернулись к «Отказу».

Ждать пришлось долго, наконец-то появился мех с мягким креслом и поставил его перед пролокутором Дикат, а еще бросил на пол три бутылки с водой и три бумажных пакета с едой.

— Это наш ужин, — прошептала Никейл. — Питательные брикеты. Не могу прочитать, что там написано, но, видимо, они со вкусом пыли, — и добавила еще тише: — Мне кажется, пролокутор

не сможет подняться с пола без посторонней помощи.

Ингрей и Никейл поддержали Дикат с обеих сторон, и оно встало, не сказав ни слова. Не отругав, не поблагодарив. Уселось в кресло, Ингрей и Никейл устроились рядом с ним на полу и развернули питательные брикеты.

Пока они ели, Ингрей старалась не глядеть по сторонам в поисках Тика. Никейл задремала, прислонившись к креслу, и в этот миг в длинном зале раздались шаги. К ним приближались командор Хатквебан и Ченнс. Никейл тут же проснулась, пролокутор Дикат даже не удостоило их взглядом.

— Мисс Аскольд, — сказал Ченнс. — Командор хочет задать вам несколько вопросов.

Ингрей почувствовала острый прилив злости, но кивнула.

— Командор Хатквебан.

— Мисс Аскольд, — произнесла командор пойиирски. — Расскажите правду о том, как погибла светлость Зат.

— Я уже все рассказала светлости Ченнсу, — ответила она. Ингрей хотела встать, чтобы не чувствовать себя маленькой и беспомощной в их присутствии, потому что командор Хатквебан,

этнограф Ченнс и огромный вооруженный мех смотрели на нее сверху вниз. Но она не желала, чтобы они подумали, что их мнение имеет для нее значение. Она оперлась спиной о ножку кресла. — Мы с Гарал Кет все время были вместе.

— Кто это — Гарал Кет? — спросила командор.

— Наименование Палад Будраким существующее, — перевел автопереводчик бормотание Ченнса.

— Светлость Зат все время находилась в поле зрения, — продолжила Ингрей. — Рядом с ней на вершине холма никого не было, я видела лишь одного меха — Уто, который принадлежал ей. Перепутать невозможно, потому что он ярко-розовый.

— Уто такие, — согласился Ченнс. — Чтобы их легко можно было увидеть.

Ингрей мельком взглянула на него.

— Я к ней поднялась. Зат пронзили маркировочным колом, одним из тех, что она привезла с собой и хранила в Уто. А затем, когда она умерла, в нее еще вонзили нож, который был украден с кухни моей матери. Служба планетарной безопасности обнаружила нож в боковом отсеке Уто. Самого Уто они нашли на дне реки Йог, застрявшего между стеклянными глыбами.

— Палад Будраким могло взять этот нож из кухни вашей матери, — заметила командор Хатквебан. — Или вы сами.

— Теперь его зовут Гарал Кет, — ледяным голосом сказала Ингрей. — Вы когда-нибудь пытались управлять незнакомым мехом из другой системы?

Пауза.

— Честно говоря, светлость, пыталась. Хотя соглашусь с вами, что это непросто, за пять минут не освоишь. Но у вашей армии есть особые методы.

— Гарал никогда не служило в армии. Оно — хранитель раритетов, уверена, Гарал не занималось управлением мехами профессионально, только для развлечения, как и все остальные. Да и зачем ему было использовать нож? Маркировочного кола вполне хватило бы. — Холодок побежал по затылку, но ниже шеи отчего-то не распространился. — Если бы оно хотело ложно обвинить светлость Хевома, то нож лишь спутал все карты. Когда орудием убийства является мех Уто, то первым и наиболее очевидным подозреваемым будет Хевом. И вообще, у Гарал не было причин убивать светлость Зат.

Она подумала, что, возможно, стоит добавить,

что Гарал точно не стало бы работать на отца. Вдруг она отчетливо поняла, что командор Хатквебан может с легкостью отвергнуть любое ее утверждение как ложное. А еще вспомнила, что командор — двоюродная сестра Хевома. Ингрей понятия не имела, какую степень родства у омкемцев это подразумевает, но Ченнс вполне определенно сказал, что Хатквебан не согласится с тем, что Хевом — убийца. Но ведь, с другой стороны, это означает, что командору не нравится, как презрительно Зат относилась к Хевому.

— Вероятно, у вас было больше причин желать Зат смерти, чем у Гарал. В любом случае вряд ли смерть Зат имела какое-то отношение к вашей операции. Если бы имела, то вы бы не спрашивали меня о ней, потому что наверняка знали, что все было подстроено.

Не стоило заводить разговор в эту сторону, поняла Ингрей. Командор Хатквебан не наивный ребенок, она — опытный солдат, который следует приказам независимо от того, нравятся они ей или нет.

— Вы уже получили приказ и отправились в путь задолго до того, как погибла Зат. Поэтому все ваши вопросы о том, кто убил ее, не имеют никакого смысла.

— А вы знаете, что значит быть солдатом? В приказах тоже нет особого смысла. Но их все равно нужно исполнять, прилагая все старание.

Прилагая все старание. Очевидно, операция пошла не по плану, и командор Хатквебан изо всех сил старается исполнить первоначальный приказ.

Командор Хатквебан нарушила молчание:

— Скажите мне, почему сюда прибыли Гек.

— Они искали своего бывшего гражданина. — Наверное, «гражданин» — слово не самое подходящее, но Ингрей не могла подобрать нужного эквивалента. — Человека, кого посол знала лично. Она беспокоилась о его судьбе.

Может быть, Тик уже здесь, наблюдает за ними. Ждет подходящего момента, чтобы начать действовать.

— Вы говорите не о Палад Будраким, — утвердительно сказала командор. — О, простите, Гарал Кет.

Ингрей нахмурилась и только тут поняла, что те детали, которые они обсуждали с послом, еще не попали в новости.

— Нет, не о Гарал. О другом человеке.

— Гек не покидают пределов своего мира. Они это делают лишь в самых крайних случаях. Они

не гуманоиды, так что нельзя пройти мимо Гек и не заметить его.

— На Гек живут люди, которые по условиям договора считаются Гек. Посол искала именно такого. Вернее, человека, который когда-то был Гек.

— И Гек заявили, что Палад… простите, что Гарал Кет один из них? Почему?

Ингрей беспечно махнула рукой.

— Вам придется спросить об этом Гек. На самом деле, это не важно. Гарал не убивало светлость Зат. Верьте во что хотите насчет Хевома, по Гарал — не убийца.

— А может, это сделали вы? — предположила командор Хатквебан. — Нож из дома вашей матери, вы могли воткнуть его в тело, когда поднялись на холм.

Ингрей удивленно моргнула.

— И зачем бы мне это делать?

— По какой-то причине, которая нам не понятна. Чтобы спутать все карты, как вы верно заметили, только это все равно не помогло ни вам, ни вашей матери. Ни Гарал Кет.

— Которое мы арестовать уже не сможем, — добавил Ченнс.

Командор Хатквебан больше ничего не сказала,

повернулась и отошла к витрине с «Отказом».

Ченнс улыбнулся, словно извиняясь.

— Командору приходится сейчас думать об очень многом.

— Неужели.

Сочувствовать ей Ингрей не собиралась. Ченнс присел так, что его лицо оказалось почти на одном уровне с ней.

— Она не понимает хвайцев. И Хвай. С ее точки зрения, то, что родители не потребовали освобождения детей- заложников, просто отвратительно.

— Но они же…

— Я знаю. — Ченнс оглянулся, не слышит ли командор. — Я не был уверен… стоит ли ей вообще объяснять, кто эти дети. Ничего бы не изменилось. Командор не такой человек, чтобы стрелять в детей.

Ингрей хотела спросить, почему Ченнс не упомянул, что почти никто из хвайцев не расстроился бы, если бы с детьми на самом деле что-то случилось.

— Между нами, командор с облегчением вздохнула, когда мы от них избавились. Ее удивляет, что вы вступились за них, хотя не состоите с детьми в родственной связи, ведь больше никто этого не сделал. Ей трудно принять, что ваша

мать позволила вам поменяться с ней местами, для нее это полнейшая бессмыслица. Ведь Нетано даже не колебалась, сразу ушла с детьми. Именно поэтому, несмотря на то что командор согласилась на обмен, она очень подозрительно относится к вашему присутствию здесь.

— Мама еще не назначила наследника. Хотя она бы все равно никогда меня не выбрала.

Пролокутор Дикат издевательски хмыкнуло.

— Я понимаю, — сказал Ченнс.

И как ему только удавалось стоять в таком скрюченном положении в своих доспехах? Видимо, что-то поддерживало его тело.

— Я попытался все это растолковать командору, и она поверила, иначе вас здесь бы просто не было, но она все- таки не понимает до конца. Возможно, когда я объясню, что вы приемный ребенок, она поймет лучше, но все равно не так, как следовало бы. А вы поняли, что я сказал?

— Не совсем.

Он снова улыбнулся извиняющейся улыбкой.

— Я так и думал. В любом случае, у нас была серьезная причина согласиться на обмен, но командор до сих пор считает, что, возможно, это какой-то тактический ход с вашей стороны. Я прилетел сюда лишь потому, что бегло говорю

по-бантийски. Автопереводчики все равно не улавливают нюансов. И если не знать языка и культуры, то очень легко совершить ошибку, которая сведет на нет все усилия. Командор это прекрасно понимает. А еще она полагает, что Гек появились здесь совсем не случайно. Прилетели именно сейчас. Прибавьте сюда их заинтересованность в Гарал Кет, и поймете, что таких совпадений просто не бывает.

— Но это как раз совпадение. Такое случается!

— Из-за этого были нарушены наши планы. Дело не только в Гек. Присутствие Гарал Кет тоже изменило условия, от которых мы зависим.

Ингрей совсем запуталась в его объяснениях и нахмурилась. А затем вспомнила, что пролокутор Будраким направлялся на станцию, когда узнал о возвращении Палад. Он ведь собирался туда как раз из-за Гек. А если бы они не прилетели? Была ли у него другая причина подняться на станцию?

Первая ассамблея проводила очередное заседание нынешней сессии. Теоретически все восемь ее членов могли устроить совещание и удаленно. На практике же им время от времени приходилось встречаться лично.

Более того, любому представителю, мечтавше-

му занять место пролокутора Первой ассамблеи, следовало появляться на виду у избирателей станции Хвай просто потому, что на выборах они могли обеспечить большую часть голосов.

Омкемцы не успели захватить палаты Ассамблеи, потому что из-за Гек им пришлось пойти более длинным путем. Если бы не Гек, то командор Хатквебан могла бы держать в заложниках всех представителей Первой ассамблеи и таким образом получить власть над станцией Хвай. А это, в свою очередь, означало контроль над наиболее важными ресурсами Хвай: самой станцией и всеми шлюзами к другим системам. А также к подъемнику, который открывал доступ на планету.

Тиру было выгодно, чтобы Палад вернулось на Хвай, так сказало недя Лак. Ингрей ответила ему, что Тиру выгодно разрушить карьеру пролокутора Будракима. И Гарал согласилось с ними обоими.

Прилетел бы Этьят Будраким на станцию, если бы не Гек? Ведь он — пролокутор Третьей ассамблеи, а не Первой. У него не было причин находиться в палатах, когда омкемцы захватили здание. Но, возможно, он знал о том, что случится, и тоже собирался сыграть определенную роль.

Например, роль героического переговорщика, положившего конец опасному и напряженному противостоянию.

Вряд ли об этом стало известно Тиру. Или все-таки стало? Наверняка они не подозревали, что сюда прилетят Гек, но знали ли они о планах омкемцев? Может, не во всех деталях. Кто ж будет пытаться предотвратить вооруженное вторжение с помощью беглого преступника? Но что-то им все-таки было известно. Они наверняка подозревали, что в этом будет замешан Этьят Будраким. Недя Лак сказало, что он — человек сложный, но не глупец и не предатель.

— Федерация заплатила пролокутору Будракиму, чтобы он высказался в пользу решения позволить вашему флоту пройти в Бейт через нашу систему, — сказала Ингрей. — Подозреваю, что вы дали бы взятку любому представителю Ассамблеи, который поддержал бы эту точку зрения, но особое внимание уделили именно пролокуторам. Вы ожидали, что пролокутор Будраким, а может, и другие представители окажутся на станции, когда вы прилетите. Они будут либо заседать в палатах, и тогда вы сможете взять их в заложники, либо консультировать силы обороны станции и вести переговоры с вами, чтобы

урегулировать ситуацию. Так?

Ченнс не дрогнул лицом, и она продолжила:

— Но, узнав о возвращении Гарал, Этьят не приехал, а другие вовремя эвакуировались, потому что из-за присутствия Гек вы пошли к палатам Ассамблеи в обход и потеряли время.

Ченнс промолчал, лишь долго и серьезно смотрел на нее, не меняя выражения лица. Ингрей предположила, что молодая пролокутор Будраким на сессии не присутствовала, возможно, старший Будраким запретил ей. Гарал говорило, что хочет пообщаться с сестрой, если ему выпадет такой шанс. Возможно, молодая Этьят Будраким узнала об этом, но отказалась с ним встречаться.

— План был таким? Пролокутор Будраким собирался выступить посредником и договориться, что вы отпустите заложников в обмен на доступ к шлюзу в Бейт. Вы бы получили доступ. Будраким стал бы героем, что, возможно, помогло бы ему в дальнейшем в борьбе за место архипролокутора. Но возвращение Гарал волновало его гораздо больше ваших планов. Он боялся, что если все узнают, что Палад попало в «Милосердное устранение» за то, чего не совершало, по милости своего отца, то репутация Этьята Будракима сильно пострадает. Тогда и затея с омкемцами

потеряла бы всякий смысл.

Ингрей вдруг поняла, что Тир не мог бы предусмотреть всех этих событий. Несомненно было лишь одно: кто-то посчитал пролокутора Будракима ступенькой, благодаря которой Федерация сможет подобраться к Тиру на один шажок ближе, и сделал все, чтобы его убрать.

— Смерть светлости Зат — еще один лишний повод, позволяющий оправдать ваши действия и выдвинуть обоснованные требования. И от Зат избавились, и в новостях история будет выглядеть прилично. Я уверена, что родственная связь командора Хатквебан со светлостью Хевомом тоже не случайность, и вряд ли гибель Зат ее удивила. Хотя наверняка стала неожиданностью, иначе зачем было расспрашивать меня о том, как все случилось. Полагаю, командору поручили эту миссию именно потому, что арест Хевома она восприняла как личную обиду.

Ченнс молчал, но пролокутор Дикат снова хмыкнуло. После долгой паузы этнограф наконец-то заговорил:

— Ну вы и накрутили! Мне кажется, что даже при поддержке новостных агентств большинство омкемцев сочло бы убийство светлости Зат недостаточным основанием для открытия военных

действий. Но я знаю людей, которые наверняка порадовались ее смерти. Конечно, получать то, что тебе нужно, возлагая при этом ответственность на тех, кто находится вдали от дома, очень удобно. Думаю, что даже те, кто не подозревал о существовании иных замыслов, могли бы с легкостью провернуть такое.

— Либо те, кто считал, что еще один повод им не повредит, — добавило пролокутор Дикат. — Им было необязательно заранее предупреждать вас об этом.

— Конечно, — согласилась Ингрей. — Всего-то и нужно — поручить операцию вторжения двоюродной сестре Хевома.

Ченнс вздохнул.

— Пойду поговорю с командором. — Он выпрямился. — Пожалуйста, не поступайте опрометчиво. Никто не хочет причинить вам вред.

— Опрометчиво? — спросила Никейл, когда он ушел. — Что это значит? Что мы можем сделать такого опрометчивого?

— Не будь дурой! — рявкнуло пролокутор Дикат. — У них кончается время. Если командор хочет получить то, что ей нужно прежде, чем здесь появится корабль из Федерации, то ей очень скоро придется принять крайние меры. Что бы

там ни было, скорее всего, это затронет одного из нас, и, если мы окажем сопротивление, нас попросту убьют.

У них кончается время. А Ингрей до сих пор не получила весточки от Тика. Неужели ему не удалось проникнуть внутрь? Она даже думать об этом не хотела.

— А вы знали, что пролокутор Будраким ведет дела с омкемцами?

Пролокутор Дикат усмехнулось:

— Федерация всех нас пыталась уломать. Ты же сама сказала, что они готовы подкупить любого, кто перешел бы на их сторону: и пролокуторов, и чиновников из Службы внешних отношений. Знало ли я, что Этьят Будраким — алчный, стремящийся к власти предатель? — Оно вопросительно хмыкнуло. — Он всегда был жадным до денег и власти. Это абсолютно нормально для любого представителя Ассамблеи. А вот предательство — это что-то новенькое.

— Возможно, он не считает себя предателем, — смущенно заметила Никейл и посмотрела на Ингрей, ища поддержки. — Если он решил, что так спасет Хвай от Омкема.

— То есть ты думаешь, он настолько глуп, что, пригласив омкемцев сюда, даже не догадался,

что они заберут все, до чего смогут дотянуться? — уточнило пролокутор Дикат.

— Выходит, вернувшись, Гарал, само того не подозревая, сделало ему одолжение. В каком-то смысле.

Пролокутор Дикат презрительно хрюкнуло. Открыло рот, чтобы ответить, но тут раздался оглушительный грохот. От неожиданности Ингрей даже закрыла лицо руками. Сердце у нее колотилось. Она оглянулась, чтобы понять, что это было. Мимо пронеслась командор Хатквебан, она бежала к меху, стоявшему у входа, который целился в потолок.

Неожиданно рядом появился Ченнс.

— Не двигайтесь! — крикнул он, тяжело дыша, наверное, потому что бежал. Он выглядел таким же испуганным, как и Ингрей. Никейл легла ничком на пол, прикрыв голову руками. Даже пролокутор Дикат, сидя в кресле, наклонилось вперед.

Как только командор Хатквебан приблизилась к меху, он снова выстрелил. Звук был настолько оглушительный, что Ингрей зажала уши руками.

— Что там? — в панике спросила она, больше не пытаясь принять спокойный вид.

— Я не знаю! — ответил Ченнс. — Но вам лучше лечь на пол. И пролокутору тоже.

— Оно не сможет без помощи.

Мех направил пушку в другой участок потолка и снова выстрелил. На пол посыпалась пыль и пластиковые осколки. Никейл захныкала.

— Нам нужно помочь ему лечь, — сказал Ченнс и надел шлем.

Мех снова выстрелил, на этот раз короткой очередью. На белом потолке появилось что-то черное и большое, оно пару секунд провисело там, а затем шлепнулось на пол в нескольких метрах от того места, где лежала Никейл.

— Поразили! — Автопереводчик перевел крик Ченнса. — Что это?

Ингрей задохнулась. Три глаза на стебельках поднялись и опали, волосатая когтистая нога дернулась. Под существом быстро разрасталась синяя лужа.

— Ерш твою меть! — выругалась командор Хатквебан, подойдя к истекающему кровью неподвижному пауку- меху. — Ерш твою меть! Ерш твою меть! Поразили посла Гек!

Она повернулась к Ингрей и сказала по-йи-ирски:

— Она пришла за тобой.

По щекам Ингрей побежали слезы. Ее жизнь в опасности, и теперь она совсем-совсем одна.

— Нет! Она получила все, что хотела. Гарал и… — Ингрей не могла произнести имя Тика, боясь, что окончательно сломается. — Ей не было до меня дела!

— Хатквебан, — сказал Ченнс по-йиирски. — Только не говори мне, что мы застрелили посла Гек на Пресгер.

— Но… — начала Ингрей и остановилась, так и не сказав «это же просто мех». Что было известно новостным агентствам? Наверняка она этого не знала.

Мех перестал дергаться, глаза бессильно лежали в луже… голубой жидкости. Неужели крови? Ингрей не сдержалась и застонала.

— Хуже некуда, — сухо заметило пролокутор Дикат. Оно уже снова сидело, прислонившись спиной к стулу.

— Почему она пришла сюда? — требовательно спросила командор Хатквебан.

— Я не знаю! — крикнула Ингрей. — Откуда мне знать?

— Хатквебан, — сказал Ченнс и продолжил уже не по-йиирски: — По какой причине событие? Неправдоподобно, что Гек может вмешиваться

за эту.

— Палад Гарал Кет — союзник этой, — ответила командор. — Или еще любопытство. Эксцентричный посол.

— Если вы нарушили соглашение, — сухо заметило пролокутор Дикат, — я полагаю, человеческое правительство будет счастливо принести свои самые искренние извинения Гек и пообещает им все что угодно, лишь бы Гек забыли об этом инциденте, даже вплоть до того, чтобы передать вас и ваших солдат в их руки. А возможно, и всю Федерацию Омкем.

— Молчите! — рявкнула командор Хатквебан.

Она долго неподвижно стояла над паукомехом. Размышляла или пыталась связаться с другими отрядами. А может, все вместе. Ингрей шмыгала, едва сдерживая рыдания. Но слезы сами собой катились по щекам.

Ченнс снова снял шлем.

— Мисс Аскольд, вы в порядке?

Ингрей судорожно вздохнула.

— Все хорошо.

Но она солгала. Ингрей осталась совсем одна, без помощи.

— Вы в порядке, пролокутор?

— А вам есть до этого дело?

— Уверяю вас, пролокутор, что я… — начал Ченнс.

— Светлость Тай, — неожиданно сказала командор по- йиирски, даже не замечая или не желая замечать, что перебила этнографа. — Откройте выставочный стенд, в котором хранится «Отказ от дальнейших обязательств перед Тиром», но так, чтобы не сработала сигнализация.

Повисло молчание.

— Нет, — ответила Никейл.

— Вы откроете, — спокойно сказала командор. — Или я застрелю светлость Аскольд.

Доспехи на бедре открылись, и командор вытащила что-то. Пистолет. Ингрей совсем не разбиралась в оружии, видела его лишь в приключенческих сериалах. Черный пистолет с маленьким круглым отверстием на конце ствола, которое было еще чернее. Канал, вспомнила она. Так называлась эта часть, из которой обычно вылетала пуля. Ингрей не могла отвести глаз от отверстия, смотрящего на нее в упор. Все остальное показалось вдруг далеким и нереальным. Слезы затуманили взгляд, покатились по щекам.

Совсем одна.

— Встали все, быстро! — скомандовала Хатквебан. — Сейчас все вместе подойдем к витрине,

светлость Тай откроет ее и достанет «Отказ от обязательств».

— Зачем? — спросила Ингрей.

— Затем, что омкемцам пора убираться отсюда прямо сейчас, прежде чем кто-то поймет, что случилось с послом Гек, — ответило ей пролокутор Дикат.

— Выполнять приказ! — сказала командор. — Встать!

Ингрей судорожно вздохнула и поднялась. Ноги ее не держали. Весь тот ужас, что она испытывала раньше, когда договаривалась о сделке, чтобы вытащить Гарал из «Милосердного устранения», и боялась, что не сможет улететь с Тир Сииласа и вернуться домой, когда Данак пытался убить ее ковшом, и даже путешествие в открытом космосе в одном скафандре — все это не могло сравниться с тем, что она переживала сейчас, глядя на ствол пистолета и человека, собиравшегося убить ее. Ей хотелось свернуться на полу калачиком и зарыдать. Или закричать и убежать отсюда.

«Не поступайте опрометчиво» — так сказал Ченнс.

Она не могла позволить себе расплакаться. Да и бежать было бессмысленно. Все равно нет гарантий, что ее не убьют. Ингрей проглотила горький

комок и постаралась замедлить дыхание, чтобы спросить пролокутора, не нужна ли ему помощь.

Ингрей хотела вытереть слезы рукой, но мысль, что командор поймет ее неправильно и начнет стрелять, окончательно добила ее.

Никейл, все еще сидевшая на полу, снова захныкала.

— Вставай уже, глупая девчонка! — рявкнуло пролокутор Дикат. — Вставай и открой чертову витрину!

— Пролокутор, — дрожащим от слез голосом проговорила Ингрей. Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим и она видит себя со стороны. — Не нужно кричать. Нам всем сейчас тяжело. Вам нужна помощь, чтобы встать?

Пролокутор злобно посмотрело на нее, но оперлось на руку. Беззвучно рыдая, Никейл поднялась на ноги.

— Идемте, — сказала командор, и они направились к витрине. Ингрей и Никейл шли по обе стороны от пролокутора, за ними следовал мехохранник.

В нескольких метрах от выставочной витрины командор Хатквебан приказала им остановиться.

— Светлость Тай.

Никейл вытерла глаза рукавом и неуверенно шагнула вперед. Командор схватила Ингрей за руку и приставила ствол к ее виску. Ингрей заледенела от ужаса. Даже вздохнуть не могла. Никейл пробежалась пальцами по диюритовому постаменту, на котором стояла витрина, затем положила раскрытую ладонь в углубление. Спустя секунду на прозрачной передней панели появилась трещина, она раскрылась на две части и разъехалась в разные стороны.

— Вытащи документ и сверни его в рулон, — приказала командор Хатквебан.

Никейл повернулась к ней с возмущенным видом.

— Он ведь получит серьезные повреждения! Ему же сотни лет, это…

— Вытащи, — повторила командор голосом, не терпящим возражений. — И сверни в рулон.

— Даже если и получит, тебе-то какая разница? — нетерпеливо сказало пролокутор Дикат. Оно стояло рядом с Ингрей и все еще опиралось на ее руку.

— Я помогу, — вызвался светлость Ченнс и, нагнувшись, положил шлем на пол. Шагнул к Никейл, чтобы поддержать длинный широкий

холст.

Вдвоем они быстро сняли его со стенда, постепенно скатывая в рулон с большой осторожностью. Они еще не успели дойти до конца, как ткань под собственной тяжестью разошлась сантиметров на шесть у самого края. И еще в двух местах появились небольшие разрывы. Закончив, Ченнс оставил плачущую Никейл у пустой витрины, а сам с «Отказом» направился к меху, стоявшему в центральном зале.

Открыл широкую боковую панель, и Ингрей заметила *с* отстраненным удивлением, что ее шпилек там нет. Наверное, это был другой мех, для нее все они выглядели одинаково, но командор, видимо, их все-таки как-то различала. Ченнс попытался запихнуть рулон внутрь, но он был слишком длинный, и тогда этнограф загнул его с одного конца. Увидев это, Никейл тяжело охнула. Потом панель закрылась.

— Теперь, — сказала командор Хатквебан, опустив оружие, — идите.

— Пролокутор не сможет долго идти, — сказала Ингрей. Она испытала болезненное облегчение от того, что командор уже не держала ее на мушке. Но сейчас ей, как никогда раньше, хотелось перестать сдерживаться, просто сесть на пол и

разрыдаться. Но она не могла.

— В этом случае его понесут. Вперед!

Глава 18

Ингрей всегда думала, что палаты Первой ассамблеи находятся по соседству с ларием системы, но сейчас, когда с одного бока ковыляло пролокутор Дикат, а с другого — плачущая Никейл, путь до ближайшего к палатам выхода, казалось, растянулся на долгие километры. Отвлечься от мрачных мыслей было практически невозможно, потому что два серых громадных боевых меха, направивших пушки в потолок, следовали за ними, а командор, слегка наклонив голову вперед, шла в авангарде с оружием наготове.

Несколько минут они молча шагали по залам, увешанным раритетами. На полу за витриной, где раньше хранился «Отказ», разбросав тонкие веретенообразные ноги, лежал раздавленный синий мех-экскурсовод.

— Там есть трамвай, — сказала Никейл, когда они приблизились к выходу из коридора, который вел к палатам Ассамблеи. Она старалась говорить нормальным голосом, но, очевидно, командор Хатквебан, которая шла впереди в трех

метрах от них, ее не услышала.

Никейл всхлипнула.

— Там есть маленький трамвайчик, он возит по ларию людей, которые не могут сами ходить. И еще один у входа, тот идет к палатам Ассамблеи.

Командор Хатквебан ответила, не поворачивая головы:

— Мы на него не сядем.

— Почему? — спросила Никейл.

— Из-за тебя нас всех убьют, — раздраженно прошипело пролокутор Дикат.

Командор промолчала, шедший рядом с ней Ченнс на секунду оглянулся на них с извиняющимся выражением лица.

— Скорее всего, трамвай все равно не работает, — прошептала Ингрей. — Думаю, его отключили. Зачем им облегчать задачу отрядам Федерации?

— А где они сейчас? — спросила Никейл. — Во время захвата лария мехов было намного больше. Но с тех пор мы видели лишь трех-четырех.

— Наверное, рассредоточились, чтобы не пускать наших солдат, — прошептала Ингрей и, пораженная внезапно пришедшей в голову мыслью, добавила: — Возможно, вы правы, пролокутор, командор хочет поскорее уйти оттуда,

чтобы никто не понял, что произошло.

Она вытерла слезы свободной рукой. Больше она плакать не станет. И не будет думать о мертвом, истекшем кровью мехе Тика.

— Нам не стоит предлагать им более короткие пути к палатам Ассамблеи.

Пролокутор Дикат вздохнуло то ли от усталости, то ли от нетерпения.

— Наконец-то дошло. А я уже начинало думать, что ни у одной из вас мозгов нет.

Ингрей тут же открыла рот, чтобы нагрубить пролокутору в ответ, но не стала этого делать. Наверное, у него болят ноги и спина, мало того что его держат в заложниках, так еще и заставили долго идти пешком, не пред- дожив даже трости, которую оно обычно использовало. Может, они ее отобрали, или оно само в суматохе потеряло. Проглотив нелицеприятные слова, она лишь поглядела на Никейл, скорчившую гримасу, и промолчала.

Пройдя еще несколько метров, они вышли в очередной зал лария. Там их ждал еще один высокий серый мех. Он сразу же, как они появились в дверях, двинулся к пролокутору Дикат и поднял его, обхватив тремя руками.

— Надеюсь, вам удобно, пролокутор? — спро-

сил светлость Ченнс, когда мех понес пожилого человека.

— Светлость Аскольд, светлость Тай, — сказала, все еще не поворачивая головы, Хатквебан. — Пожалуйста, двигайтесь быстрее.

Два меха-охранника сзади ускорили шаг, и девушкам невольно пришлось исполнить приказ.

Они вышли из лария в широкий коридор, который вел к палатам Ассамблеи. Каждый раз, проходя здесь, Ингрей отчего-то терялась. Пол был выложен той же золотисто-коричневой плиткой, как и везде на станции, но на огромных экранах во всю стену одни изображения космических пейзажей сменялись другими, поэтому казалось, что идешь по мосту в бесконечном пространстве. Пейзажи передавались в записи, а не в прямой трансляции, и солнце всегда находилось внизу или позади других небесных тел и объектов. Сейчас Хвай разглядеть было невозможно, но Ингрей знала, что скоро он обязательно появится.

Она вдруг вспомнила, как шагнула из подъемника в открытый космос, и невольно замедлила шаг, но вовремя подумала о командоре Хатквебан, идущей впереди с пистолетом в руке, и продолжила движение. Она все- таки не смогла удержаться и посмотрела наверх. Обычный

белый потолок. Так даже лучше. Безопаснее. Но сейчас это ничего не значило. Тика нет рядом. По крайней мере, убили не его, а меха. От мысли об умирающем, истекающем кровью мехе, хотя Ингрей и не знала, кровь ли это, слезы снова навернулись на глаза. Она сглотнула и заморгала, чтобы смахнуть слезинки.

Возглавляющая шествие командор Хатквебан неожиданно остановилась. Посмотрела на них, и у Ингрей по шее побежал холодок. Командор до сих пор скрывала свое лицо за темно-серым, как и остальные доспехи, защитным шлемом.

Она подняла пистолет, но отвела ствол в сторону. Ченнс тоже остановился и озадаченно посмотрел на нее.

— Стоять, — скомандовала Хатквебан на йиирском. — Тихо.

Ингрей, Никейл и мех, несший пролокутора, остановились.

— Мы не… — начала Никейл.

— Тихо!

Они прождали в тишине несколько минут, хотя было видно, что командор торопится. Может, стены коридора и ее сбили с толку? Вряд ли, омкемцы тут уже проходили не раз, так что путь им был знаком. Так чего же она ждет?

Послышался щелчок. Командор Хатквебан и ее мехи повернулись на звук и увидели щель, появившуюся в стене слева. Через несколько секунд дверь полностью открылась, и оттуда с поднятыми руками вышла посол Тибанвори.

За ней следовало Гарал, его руки были опущены, словно оно заходит в обычную комнату в самой обыденной ситуации.

Ингрей пронзил страх — оно же подвергает себя опасности! Страх тут же сменился надеждой. Неужели Гарал хочет помочь ей? Нет, вряд ли. Оно не в опасности и пришло сюда вовсе не ради нее. Оно — Гек, а Ингрей нет.

— Командор Хатквебан? — спросила Тибанвори на йиирском с сильным радчаайским акцентом. — Можете опустить оружие или хотя бы просто отвести. Я здесь ради вас, сохрани нас всех Амаат. Понять не могу, зачем вы это натворили.

— Оружие мы не опустим, посол, — ответила командор. — Стрелять мы в вас не собираемся, хотя, полагаю, некоторые меня бы за это поблагодарили.

— А меня вы застрелить не можете, — сказало Гарал. Голос его был необычайно спокойным и будничным. — Иначе наживете дополнительные проблемы.

Командор Хатквебан не ответила, и Гарал продолжило:

— Мы здесь из-за… — он сделал жест рукой, — вы сами знаете кого.

Повисло молчание. Затем Ченнс спросил:

— Это была посол?

Тибанвори возвела глаза к потолку и собиралась уже ответить, но Гарал ее опередило:

— Кто ж еще?

Тибанвори удивленно моргнула, но промолчала.

— Почему она пришла? Зачем?

— Она интересуется судьбой Ингрей, — ответило Гарал. — Но это неважно. Нам нужно забрать тело и отнести его на корабль. Мы не можем оставить его здесь.

— Оно всё еще в ларии, — сказала командор. — Можете забрать его, когда мы уйдем.

— Нет, — отрезало Гарал. — Мы заберем его прямо сейчас. Не бойтесь, я не представляю для вас угрозы: межрасовое соглашение защищает вас от меня так же, как и меня от вас. Посол Тибанвори находится здесь как наблюдатель, чтобы обеспечить вашу безопасность, так что и о ней вам не следует беспокоиться.

Командор скептично хмыкнула.

— Нашу безопасность!

— Нам всем не поздоровится, если соглашение будет нарушено, — сказала Тибанвори. — Хотя я начинаю уже жалеть, что ввязалась в эту неприятную историю.

— Гек очень скрытные, как вы уже могли заметить, командор, — сказало Гарал. — Мы не можем ждать, пока вы уйдете, чтобы забрать тело.

Ингрей наконец-то поняла, что здесь происходит. Мех Тика изначально принадлежал Гек. Понятно, что они не хотят, чтобы мех попал в чужие руки, поэтому они послали Гарал и Тибанвори забрать его. Почему Гарал — ясно, потому что другие Гек испытают огромный дискомфорт, покидая корабль, но зачем Тибанвори явилась вместе с ним, да еще и подыграла, хотя знала, что там лежит вовсе не посол Гек? Может, она до сих пор не понимала этого? Ингрей казалось, что если б Тибанвори знала, что соглашение не нарушено и омкемцы убили меха, принадлежавшего Тику, то она сразу бы отказалась и не пришла сюда. Зачем ей помогать Гек?

Гарал продолжило:

— Мы не хотим, чтобы то, что осталось в ларии, попало в руки хвайцам, мы им не доверяем так же, как и вам. Поэтому нам важно сделать это как

можно скорее.

— Да еще и таким образом, чтобы ни в коем случае не нарушить соглашение, — многозначительно добавила посол Тибанвори, исподволь взглянув на Гарал.

— Мы его не нарушим, — серьезно ответило Гарал. — И вы, посол, находитесь здесь именно для этого.

Тибанвори снова возвела глаза к потолку и сказала с отвращением:

— Как же вы все меня достали!

— Я прослежу, — сказал Ченнс, нарушив воцарившуюся тишину.

Командор Хатквебан проигнорировала его слова.

— Кто убил светлость Зат? — спросила она.

— Не я, — ответило Гарал. — Я все это время находилось рядом с Ингрей, и, кроме того, у меня не было причин убивать ее. За грубость и заносчивость убивать не стоит.

Командор промолчала.

— Ингрей тоже этого не делала. Вам следует отпустить ее.

— Нет, — твердо сказала Хатквебан.

Гарал посмотрело на Ингрей.

— Прости, я старалось.

— Вы с собой еще кого-то привели? Еще одного Гек? Я его не вижу, но уверена, что он здесь.

— Нет, — ответило Гарал. — Мы с собой никого не приводили. Не хотели рисковать. Вы бы поняли, если б мы привели Гек, вы же засекли посла, а вот хвайцы ее не замечали. Мы пришли по одной-единственной причине, высказанной ранее. Других целей у нас нет. — Оно криво улыбнулось. — Мы не собираемся вмешиваться во внутренние человеческие конфликты и нарушать соглашение. Лично я, конечно, не прочь вмешаться, но только потому, что Ингрей — моя подруга, и если что-то с ней случится…

Ингрей едва дышала, она боялась разрыдаться или, потеряв сознание, свалиться на пол.

— Если с ней что-нибудь случится, вы ничем не сможете помочь, — резко перебила его Тибанвори. — Поэтому не стоит даже намекать, иначе дело закончится еще одним межрасовым инцидентом.

— Я прослежу, — повторил Ченнс. — Если не вернусь, то вы поймете: что-то пошло не так.

— Это был несчастный случай, — сказала командор Хатквебан, обращаясь к послу Тибанвори. — Вы им скажете?

— Сделаю все, что в моих силах, — сухо ответи-

ла та. — Ничего не гарантирую. Вам не следует стрелять во все без разбору.

Пролокутор Дикат, сидевший в объятиях меха, рассмеялся презрительным лающим смехом.

— Кто бы говорил, радчааи!

Тибанвори раздраженно стрельнула в него глазами.

— В данном деле я представляю всех людей. И не больше вашего хочу, чтобы кто-то нарушил соглашение. Но гарантировать этого не могу.

— Полагаю, нам придется с этим жить, — сказала командор и махнула Ченнсу. — Ступай с ними, проследи.

Подойдя к Ингрей, Гарал сказало:

— Прости, Ингрей. Я и в самом деле ничем больше не могу помочь.

Она сглотнула.

— Я… знаю. Соглашение… — Голос сломался.

— Ну, хоть кто-то разумный нашелся, — сказала Тибанвори и ушла в сторону лария. Ченнс и Гарал последовали за ней.

Ингрей не могла заставить себя поглядеть им вслед. Она даже не знала, сможет ли двинуться с места, когда командор Хатквебан прикажет им идти дальше. Но у нее получилось, словно кто-то другой переставлял за нее ноги. Ингрей вдруг

поняла, что идет рядом с Никейл.

Слезы, лишь пару минут назад собиравшиеся брызнуть из глаз, высохли, но она балансировала на самом краю, все еще пытаясь не сорваться в панику.

Когда-то давно, когда Ингрей была еще совсем маленькой, Аскольды собирались на прием. Недя Лак взяло ее за руку, наклонилось и сказало, что, если ей будет страшно, нужно посмотреть не на тех людей и предметы, которые ее пугают, а на то, что может ей помочь. А если рядом не будет никого и ничего, подумала она тогда, но не решилась спросить. Недя Лак оказалось, как всегда, право. Становилось не так страшно, когда она знала, где находится туалет, на случай если ей вдруг срочно понадобится, а еще помогало, когда она смотрела на стоявших в толпе сторонников Нетано, которые всегда доброжелательно относились к ее детям.

Здесь помощи ждать было неоткуда. Возможно, лишь от Никейл и пролокутора. Ченнс относился к ней по-доброму, но теперь и он ушел в ларий с… Ингрей решила не думать об этом. Нужно быть спокойной и разумной. Просто идти рядом с Никейл, следовать за командором Хатквебан по коридору, который ведет к палатам Первой

ассамблеи.

Несмотря на всю важность Первой ассамблеи, зал, в котором встречались представители, хоть гордо именовался палатами, на самом деле был совсем небольшим. Около двенадцати метров в длину и ширину. Первая ассамблея состояла из восьми представителей, по одному от каждой из шести внешних хвайских станций и станции Хвай, возглавлял же ее пролокутор, который председательствовал на собраниях и представлял интересы Первой ассамблеи в Великой ассамблее.

Вокруг палат шла широкая галерея, которая возвышалась над залом заседаний примерно на метр, ступени сбегали вниз, где стояли восемь мягких диванов, низкие столики и дюритовый постамент. На постаменте под стеклянным колпаком хранился Колокол Ассамблеи — глубокая чаша с двумя ручками, покрытая сине-фиолетовой глазурью. Рядом с ней лежала обычная деревянная ложка.

Мех, несший пролокутора Дикат, спустился по ступеням и осторожно усадил пожилое неино на диван. Следом за ними в зал заседаний вошли Ингрей с Никейл.

— Сидеть, — приказала командор Хатквебан,

встав у Колокола Ассамблеи, и ткнула оружием в сторону диванов. Никейл опустилась на тот, что стоял ближе всего к пролокутору, Ингрей рухнула на следующий. Сидеть на мягких подушках было гораздо удобнее, чем на твердом полу лария. Хорошо! Можно считать, что ей оказали помощь, пусть даже маленькую и в целом бесполезную.

Мех поднялся по ступеням и встал в дальнем конце зала. Второй занял позицию у дверей. Похоже, когда Федерация напала, заседание было в самом разгаре. На столиках и диванах в беспорядке лежали самые разнообразные вещи: чашки, графины, наладонники и стило. Из-под дивана, на котором устроилась Ингрей, даже торчала пара забытых туфель. Если бы пролокутор Дикат в это время находилось здесь, а не в ларии, то смогло бы убежать. Так пролокутор Дикат как раз здесь и находился. По крайней мере, молодой. На столике неподалеку Ингрей заметила позолоченный графин и полупустую чашку с шербетом. Очевидно, она здесь уже несколько дней.

Командор молча стояла у постамента. Никейл и пролокутор сидели, не издавая ни звука. Ингрей сжала свои перемятые и замызганные юбки и искоса посмотрела на чашку с шербетом. Напиток немного испарился, оставив на стекле темную

полоску. Наверняка и пыль в нем осела. Выглядел шербет совсем не аппетитно, но Ингрей умирала от жажды. Она сжала юбки еще крепче, чтобы не броситься к графину и не выхлебать из него мутные остатки.

Немного погодя в палату вошел Ченнс, держа в руках шлем. Правый рукав был вымазан голубой кровью.

— Они ушли, — сказал он по-йиирски, может, оттого, что последние несколько минут он в основном говорил на этом языке и до сих пор автоматически думал на нем либо хотел, чтобы все присутствующие его поняли. — Микс Кет настояло на том, чтобы забрать… все, что осталось от посла, и потребовалось время, чтобы найти… в общем, мы все собрали. Я попросил его сказать в присутствии посла Тибанвори, что оно забрало тело целиком и полностью. Посол Тибанвори подтвердила, что слышала его слова. Микс Кет отказалось от дальнейшего обсуждения инцидента, заявило, что это не в его компетенции. Но Тибанвори отметила, что, скорее всего, все будет хорошо, потому что, как она считает, Гек, как и мы, изо всех сил стремятся сохранить соглашение.

Пролокутор Дикат все это время молчало, но

теперь заговорило:

— Легче всего решить вопрос, выдав убийцу Гек.

Никто ему не ответил. Зачем оно говорит такое, это же гарантированно расстроит или даже напугает захватчиков, подумала Ингрей. Но потом она вспомнила слова посла Тибанвори насчет того, что такая операция наверняка планировалась заранее.

Командору не удалось захватить Первую ассамблею, но и просто так уйти она не могла, да и не ушла бы. Она должна хоть чего-то добиться, прежде чем… придет омкемский корабль? В любом случае, время поджимало еще до того, как командор Хатквебан узнала, что они застрелили посла Гек. Она наверняка испытала облегчение, когда Гарал забрало меха и Тибанвори пообещала все уладить.

Но пролокутор Дикат хитро, оно понимает, что захватчики наделают больше ошибок, если будут волноваться и нервничать. Конечно, такая ошибка может стоить жизни Ингрей, или Никейл, или даже самому пролокутору, но в то же время повредит и замыслам омкемцев. Когда Ингрей поняла это, ее снова затрясло. На нее никто не смотрел, и поэтому она сжимала юбки все крепче,

чтобы унять дрожь в руках.

— Когда напряжение спадет, мы с этим разберемся, — сказала командор Хатквебан по-йиирски. — Пролокутор, вы можете открыть стеклянный колпак?

— Полагаю, этим заведует хранитель раритетов Ассамблеи, — важно ответило Дикат. — Он наверняка знает, как его открыть.

— Но его тут нет.

— Какая жалость!

Воцарилась тишина. Затем Ченнс сказал по-бантийски:

— Каждый ребенок из хвайского приюта знает, что такое Колокол Ассамблеи, что Первая ассамблея не может принимать решения без него. Я пытался объяснить командору, что держать вас в заложниках, полагая, что это как-то повлияет на решения Первой ассамблеи, бессмысленно.

Пролокутор лишь презрительно хмыкнуло.

— Командор не понимает обычаев Хвай. Но если бы понимала, то отпустила бы вас вместе с детьми прежде, чем я убедил бы ее в важности некоторых раритетов. И тогда никто бы не смог открыть стеклянный колпак.

— Откройте его, светлость, — потребовала командор Хатквебан по-йиирски.

Пролокутор поглядело на нее и сказало:

— Или что? Вы пристрелите мисс Аскольд? Или мисс Тай?

— Сперва одну. А если вы и дальше будете упорствовать, то и другую.

— А если я соглашусь его открыть, вы их отпустите?

— Вы не просите освободить вас? — удивился Ченнс.

— *Я* — расходный материал, — ледяным голосом ответило пролокутор Дикат.

— Только не для нас, пролокутор.

— Отпустите их, и я его открою.

— Нет, — сказала командор Хатквебан.

— Если мы отпустим их, — пояснил светлость Ченнс, — то вы снова откажетесь, и тогда мы уже никак не сможем вас убедить.

— На самом деле я вам не нужно, светлость, — сказало пролокутор Дикат. — Вы можете приказать одному из ваших мехов разбить стекло. На это потребуется не больше минуты.

Ингрей моргнула и постаралась не выдать своей реакции на слова пролокутора. Если командор прикажет меху разбить стеклянный колпак, то сработает сигнализация. От этого заблокируются двери, как сказала Никейл еще в ларии. Омкемцы

попадут в ловушку, и им потребуется гораздо больше времени, чтобы выбраться.

Может быть, именно поэтому мехи, которых в самом начале видели Никейл и пролокутор, и рассредоточились? Потому что иначе, если бы сигнализация случайно сработала, то они все оказались бы заперты здесь и их было бы легко поймать? А может, они решили защищать проход к грузовым кораблям, на которых прилетели? Или сами корабли?

Но тогда зачем командору и этнографу находиться тут лично? Разве не логичнее было бы послать за раритетами мехов, которых не жалко, даже если они попадут в плен или погибнут? Так хоть удалось бы избежать человеческих жертв.

Они отрезаны, вдруг поняла Ингрей. А если пока и не отрезаны, то возвращаться на корабль намного опаснее, чем ждать тут, особенно если учесть временные рамки, в которых приходится действовать командору, да еще и беспокойство по поводу реакции Гек на убийство посла. Командор Хатквебан находилась сейчас под огромным давлением, и, возможно, ей не хватало ресурсов. Должен быть способ заставить се совершить ошибку и тем самым дать силам обороны шанс обезвредить захватчиков.

Командор Хатквебан подняла пистолет и навела его на Никейл.

— Время для обсуждений закончилось. Открывайте витрину, пролокутор.

Никей испуганно всхлипнула, но не пошевелилась. Ингрей вдруг четко вспомнила черное отверстие ствола, в груди все сжалось, и ей снова показалось, что она летит в пропасть. Даже оригинал «Отказа» омкемцам не слишком бы пригодился. Хвайцы, желающие теперь получить хоть какое-то преимущество над омкемцами, скорее всего, не вспомнят о вопросе, поднятом Гарал. А может, и Колокол им особо не пригодится, но силы хвайской обороны все равно будут за него сражаться. Первая ассамблея встретится в каком-нибудь другом месте и проголосует за то, что заседания можно открывать при наличии какого-нибудь другого раритета.

Открыв стеклянный колпак, пролокутор Дикат тоже не получит особой выгоды, разве что слегка оттянет время до тех пор, когда ему предъявят новые требования или когда командор решит, что уже бессмысленно сохранять ему жизнь. Но Колокол Ассамблеи был важен сам по себе как часть хвайской истории. Именно благодаря ему заседания Первой ассамблеи стали отличаться от

прочих подобных собраний. Если вдруг какая-то группа людей захочет его использовать, разве это сделает их Первой ассамблеей? Нет, конечно. Ингрей была уверена, что раритеты не играют большой роли. Может, лишь отчасти. Омкемцам не удалось захватить Первую ассамблею, поэтому они перешли к запасному плану. Наверное, с точки зрения командора Хатквебан, это как раз то, что сейчас нужно.

Отсрочка может сыграть на руку силам обороны Хвай. Именно поэтому пролокутору, Ингрей и Никейл нужно как можно дольше тянуть время и не открывать витрину.

Если пролокутор Дикат откажется ее открыть, то оно оставит своему преемнику ценное политическое наследие. Ингрей даже не сомневалась, что если она сама погибнет, то Нетано выжмет из этой ситуации максимум выгоды. А Никейл… Что ж, у старшего Тай есть еще время назначить нового наследника. Все они в каком-то смысле расходный материал. Незаменимых нет.

Пролокутор Дикат не двинулось с места. Кажется, и дышать перестало. Все застыло, даже время замедлилось, лишь мысли хаотично неслись в голове Ингрей, когда она смотрела на ствол, направленный на Никейл.

Пролокутор Дикат — неино, не из приятных, к тому же желчное и раздражительное. Ему было некомфортно и страшно, а может, и больно. Но как искушенный политик оно понимало, что, если оно откажется открывать витрину, так будет лучше для Хвай. Тогда командор Хатквебан будет вынуждена пристрелить сначала Никейл, а затем и Ингрей. После этого ей придется разбить витрину. А что еще делать, если все трое заложников убиты?

— Не открою, — сказало пролокутор Дикат.

Сама до конца не осознавая, что делает, Ингрей вдруг схватила позолоченный графин, стоявший рядом, и запустила им в стеклянный колпак на диюритовом постаменте.

Тут же погас свет. Что-то вспыхнуло, раздался громкий хлопок, кто-то вскрикнул. Это кричала Ингрей, лежа на полу, хотя и не понимала, как тут очутилась. Грохот выстрелов в тесном помещении оглушил Ингрей. Задыхаясь, она лежала лицом вниз на холодном полу, сердце колотилось в груди. Колено болело, наверное, она ударилась, свалившись с дивана.

Наступила тишина. Лишь лучи света рыскали в темноте.

— Ченнс! — раздался голос командора Хатквe-

бан. — Ченнс, слушать. Ченнс!

— В хорошем состоянии, — отозвался светлость Ченнс на родном языке. — Говорили о шлем.

Все еще лежа на полу, Ингрей осмелилась поднять голову. Командор Хатквебан обнаружилась рядом, с фонарем в руках. Тут же на коленях стоял светлость Ченнс. По щеке у него текла кровь.

— Доспехи отсутствие, кажется, — ответила ему Хатквебан. — Связь состояние работа отсутствие. Мехи отсутствие движения.

Мехи отсутствие движения. Мехи не двигаются, вот что она имела в виду. Связь с ними нарушена. Ингрей немного приподнялась.

— Не двигайтесь, светлость Аскольд, — резко скомандовала Хатквебан на йиирском. — Из-за вас едва не погиб светлость Ченнс.

Не из-за меня, хотела возмутиться Ингрей. В конце концов, оружие было только у командора. Но вместо этого она спросила:

— Где пролокутор Дикат? Где Никейл?

— Здесь, — отозвалось пролокутор.

Командор Хатквебан посветила фонарем туда, откуда доносился голос.

Пролокутор Дикат стояло на коленях перед распростершимся на полу телом Никейл. Одной рукой оно держало девушку за плечо. В тусклом,

дергающемся свете фонаря Ингрей вдруг разглядела, что между пальцев Дикат сочится кровь. Никейл не двигалась, лишь тяжело и прерывисто дышала.

Ее подстрелили. По моей вине, подумала Ингрей, чувствуя, как ее накрывает волной панического страха. Из-за того что она натворила, Никейл ранили. И теперь она умрет.

Нет. Если бы Ингрей ничего не сделала, тогда бы убили их обеих. И потом, Никейл ведь еще не умерла. Просто она… О, чертовы вознесшиеся святые угодники! Не дайте ей умереть из-за меня!

— В конце галереи есть аптечка, — ледяным голосом сказало пролокутор Дикат.

Ченнс тут же взбежал на галерею. У лестницы лежал неподвижный мех, словно он скатился по ступенькам, но еще не успел встать. Он до сих пор сжимал пушку в механической руке.

Командор Хатквебан навела пистолет на Ингрей.

— Я застрелю вас без всяких колебаний, светлость.

— Не сомневаюсь, — ответила Ингрей.

Голос ее дрожал, и она уже не скрывала, не смогла бы. Не знала, получится ли даже встать, если вдруг придется, так ее трясло.

Ченнс принес аптечку, присел около пролокутора и начал перебирать перевязочные средства и медикаменты.

— Сигнализация каким-то образом заблокировала наши переговорные устройства? — спросила командор.

— Мне об этом ничего не известно, — сказала Ингрей.

Она предположила, что Хатквебан обратилась к ней, потому что Никейл лежала без сознания, а пролокутор и Ченнс пытались оказать ей помощь.

— Понятия не имею. Никейл, скорее всего, знала бы. Они не рассказывают о мерах безопасности посторонним.

— Не двигайтесь, — предупредила командор Хатквебан.

Ингрей вздохнула и снова легла лицом на пол. Даже если бы у нее так адски не болело колено и она не тряслась от страха, то и тогда бы не представляла угрозы для командора. Да и Никейл она ничем помочь не могла.

— Не знаю, хватит ли этого, — сказал Ченнс спустя пару минут. — Больше мы ничего не можем сделать.

— Вы и так уже сделали предостаточно, свет-

лость, — съязвило пролокутор Дикат.

Поверхностное учащенное дыхание Никейл немного выровнялось. Хороший знак, подумала Ингрей. Она смутно припоминала симптомы болевого шока, кажется, там говорилось об учащенном дыхании, ознобе и помрачении сознания.

Она хотела сказать пролокутору Дикат и светлости Ченнсу, что если у Никейл холодная и влажная на ощупь кожа, то нужно приподнять ее ноги, но она решила, что это глупо. В аптечке наверняка есть инструкции, и, кроме того, Дикат и Ченнс, похоже, знают, что нужно делать. Она им только помешает, и вообще, все это случилось из-за нее. Никейл пострадала по ее вине, пусть даже ее подстрелила командор Хатквебан или один из ее мехов. Скорее всего, командор.

Они остались в полной темноте, потому что луч фонаря неожиданно исчез. На галерее раздались шаги, видимо, командор Хатквебан поднялась туда в поисках выхода.

— Состояние ловушка, — сказала командор, сделав полный круг по галерее. На лестнице послышались шаги, и снова появился свет. — Наверняка наше присутствие настойчиво обнаружится.

Автопереводчик с ограниченным словарным запасом выдавал довольно странные результаты, но, по крайней мере, хоть что-то понятно. Командор считала, что ее солдаты постараются прорваться в зал заседаний, как только поймут, что связь потеряна.

— Время закончено, но владение состояние владение.

Ингрей скривилась. Времени мало, или время истекает. Но что может означать «владение состояние владение»?

— Хатквебан!

От тревожного крика светлости Ченнса Ингрей вздрогнула и приподнялась.

Мужчина все еще стоял на коленях рядом с пролокутором Дикат над телом Никейл. Но смотрел не на раненую, а на диюритовый пьедестал и стеклянный колпак.

Пустой!

Командор посветила туда фонарем. Никакой ошибки, никакой игры теней. Чаша и ложка исчезли.

— Что ты сделала? — взревела Хатквебан, светя фонарем в глаза Ингрей.

Она заморгала, ослепленная ярким светом.

— Ничего! Я просто бросила графин, а потом

выключился свет, и я упала на пол.

— Встать!

Медленно и осторожно, опираясь на диван, Ингрей поднялась на ноги.

— У меня болит колено, — сказала она и присела.

Командор все еще светила ей прямо в лицо, но страх отчего-то рассеялся. Ингрей уже не гадала, что случится дальше, ей вдруг стало безразлично.

Командор Хатквебан заставила ее встать, грубо обыскала, проведя руками по бедрам и даже заглянув под подол.

— Там чаши нет, — сказал Ченнс на йиирском. — Она слишком большая, под одеждой ее не спрятать.

Чаши не было ни у Никейл, ни у пролокутора Дикат.

Командор наконец-то перестала светить в лицо и подошла к меху, лежавшему у лестницы. Она наклонилась и что-то нажала на боковой панели, крышка хранилища тут же открылась. Командор приподняла ее и посветила внутрь.

— «Отказ» отсутствует!

— «Отказа» тоже нет? — спросила Ингрей.

— Это невозможно, — сказало пролокутор Ди-

кат. — Когда срабатывает сигнализация, двери автоматически закрываются.

— Да, разведка нас предупреждала именно об этом, — согласилась Хатквебан. — Но, возможно, они закрылись не сразу.

— И десяти секунд не прошло, как ты включила фонарь, — возразил Ченнс по-йиирски. — Выходит, когда погас свет, сюда кто-то забрался. Менее чем за десять секунд он вытащил Колокол из витрины, затем вскрыл меха, выкрал «Отказ» и ушел. А мы этого даже не заметили? И при этом они оставили пролокутора Первой ассамблеи и дочь представителя? Не говоря уже о тяжело раненной хранительнице раритетов? Нет, командор, это невозможно.

Может, это Тик? Но его здесь не было. Даже если бы Гек, рискуя нарушить соглашение, и попытался проникнуть в палаты, когда пришли Гарал и Тибанвори, то его бы наверняка уже обнаружили.

— Неопределенный человек состояние присутствует, — спокойно сказала командор и повернулась к Ингрей, стоявшей у дивана. — Что ты сделала? Какой у тебя план?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Все-таки она своего добилась. У нее был план,

как минимум замысел.

— Ты специально сделала так, чтобы сработала сигнализация, — холодно проговорила командор.

— Вы собирались застрелить меня или Никейл. Вы так сказали. И вы… — У нее перехватило дыхание, голос сорвался. Ингрей сглотнула и попыталась объяснить еще раз: — Было очевидно, что вы не хотите, чтобы сработала сигнализация, потому что ситуация осложнилась бы. Вот почему я это сделала.

На глаза навернулись слезы, но Ингрей уже не пыталась их скрыть.

Воцарилось молчание. Командор Хатквебан даже не пошевелилась.

— Можете расстрелять меня, если хотите, — сказала Ингрей. — Дети и мама в безопасности. Я пришла сюда ради них.

Голос ее дрожал, и она едва могла говорить. Она попыталась дерзко поднять подбородок, но вышло плохо, потому что ее трясло так сильно, как никогда.

Молчание затянулось. Командор позволила детям уйти, подумала Ингрей. Она предоставила пролокутору Дикат стул. А это значит, что командор не собиралась никого убивать. Она

хоть и солдат, но изо всех сил старается избегать излишней жестокости.

Спустя несколько секунд командор прорычала:

— Если хоть на шаг отойдешь от дивана или скажешь еще одно слово, я тебя пристрелю.

Командор Хатквебан начала медленно обходить зал, методично высвечивая фонарем и осматривая каждый затемненный уголок. Ингрей села. Ее душили слезы. Она незаметно шмыгнула, потом осторожно, чтобы не повредить болевшее колено, подтянула ноги и легла, скрестив руки на груди.

Командор Хатквебан дважды медленно обошла зал, заглядывая под каждый столик и диван, время от времени простукивала стены и пол, словно искала потайное убежище.

Ингрей никак не могла унять слезы. Луч фонаря медленно кружил по комнате. Пролокутор Дикат и Ченнс подложили подушки, приподняв ноги Никейл, и укрыли ее тонким одеялом из набора для оказания первой помощи. Ингрей смотрела на нее и старалась не гадать, есть ли в том ее вина, что Никейл подстрелили. Хотя ответ был и так очевиден.

Ингрей хотелось прямо сейчас оказаться дома, в своей комнате. И чтобы рядом стояли тарелка

с фруктами и сыром и графин вкусного горячего шербета, чтобы за окном шел дождь, а ей не нужно было никуда идти и никто бы ее не ждал. Наверное, такого больше никогда не будет. И ничего с этим не поделаешь, остается лишь лежать здесь и плакать.

Когда командор зашла на шестой круг, послышался глухой удар, и дверь с шипением отворилась. В комнату проник свет из коридора, мех, лежавший у лестницы, шелохнулся и встал. Ингрей не пошевелилась. Она больше не собиралась двигаться, говорить и вообще что- либо делать. Второй мех на другом конце зала заседаний, прежде скрытый от ее глаз диванами и столиками, тоже поднялся. Правильно, в палату Ассамблеи их же привели два меха.

— Наконец-то, — сказала командор Хатквебан, когда в зал заседаний вошел новый омкемский мех. — Хорошо быстрая работа. Указанные несколько пленные предложение снасти корабль. Время конечно. Дополнительные только эти для выхода. Атрибут поиска исчерпывающий.

— Подтверждено, командор, — ответил новый мех, когда Хатквебан вместе с Ченнсом подошли к двери.

Мех опустился у тела Никейл. Из него выдвину-

лось что-то вроде носилок, с помощью которых мех поднял раненую и понес к выходу. Мех, стоявший у лестницы, подошел к пролокутору Дикат, осторожно взял его на руки и последовал за первым. Третий, тот, который стоял в другом конце комнаты, приблизился к Ингрей и тихо сказал по-бантийски:

— Вы в порядке, мисс Аскольд, если не считать поврежденного колена?

Ингрей моргнула:

— Я… что?

Это был громадный, квадратный, четырехногий и трехрукий мех. Скорее всего, тот же самый, Ингрей их не различала.

— Тихо, мисс, — сказал мех. — Меня зовут Чар Накал, я специалист сил обороны Хвай. Наши отряды захватили омкемские грузовые корабли и отстранили их механиков- пилотов от управления мехами. Командора и светлость Ченнса ждет неприятный сюрприз, но мы хотим, чтобы вы трое оказались в безопасности прежде, чем они все поймут. Командор вооружена, светлость Ченнс тоже может иметь при себе оружие. Мы еще не привыкли к управлению тяжелыми мехами, так что лучше пока не вступать с ними в бой. Я сказал это вам лишь для того, чтобы вы

не предпринимали никаких попыток бежать самостоятельно. Мне известно, что вы склонны к подобным поступкам.

— Я?

Склонна к подобным поступкам. Да кто вообще такое… Тик?

— Тик у вас?

Мех наклонился и поднял ее.

— Тихо, мисс. Если мы тут замешкаемся, командор Хатквебан может что-то заподозрить. Вот, не забудьте свои туфли.

Он вставил огромную пушку в пазы на боку, достал туфли из-под дивана, на котором лежала Ингрей, и пристроил их ей на колени.

— Это не…

— Тихо.

Мех взобрался по лестнице, держа Ингрей двумя руками.

Сейчас не время задавать вопросы. Ингрей сидела молча, пока он нес ее в коридор. Огромного размера тяжелые туфли, скорее, даже не туфли, а ботинки с твердой подошвой, лежали у нее на коленях. Может, они вошли в моду за то время, которое она провела на Тир Сииласе? Или их владелец, представитель Ассамблеи, хотел, чтобы его считали работягой, который бывает в таких

местах, где нужно как следует защищать ноги. Да какая разница? Важно, что специалист Накал вытащит ее отсюда. Впереди шагали два громадных серых меха, которыми управляли специалисты сил обороны Хвай, пролокутора Дикат и Никейл тоже спасут, им всем нужно лишь сохранять спокойствие. И молчать. Она сможет. Это легко!

В коридорах Ассамблеи было темно и тихо, лишь клацали подошвы шагающих мехов, но теперь этот звук даже успокаивал.

В коридоре, ведущем в ларий, было, наоборот, очень светло из-за того, что показывали восходящее хвайское солнце. Серебристый серп светила выглядывал из-под пола на правой стене.

Места здесь было намного больше, и два меха, идущих впереди, чуть замедлили шаг. Немного погодя они поравнялись с третьим, несшим Ингрей, которым управлял специалист Накал. Ингрей видела спины командора Хатквебан и светлости Ченнса, идущих впереди. Ченнс снова снял свой шлем.

Командор резко остановилась. Повернулась к ним. Ченнс, оказавшийся у нее за спиной, тревожно оглянулся.

— Стоять! — крикнула командор. Мехи остановились неровным строем. Хатквебан смотрела на

них сквозь щиток шлема.

Холодок побежал по спине. Ингрей вспомнила, насколько отличалось поведение мехов, когда ими управляли Тик и посол Гек. Но потом напомнила себе, что, даже зная, кто перед ней, она не всегда могла заметить разницу, особенно когда была занята чем-то другим.

— Стоять! — приказала командор Хатквебан и медленно подошла к мехам.

Она знает, поняла Ингрей. Но что тут поделаешь? Оставалось лишь лежать в стальных лапах меха. Командор подошла к ее меху, достала пистолет и выстрелила в него.

Мех накренился. Командор Хатквебан схватила Ингрей за руку и приставила пистолет к ее виску.

— Стоять! — приказала она по-йиирски. — Иначе я пристрелю мисс Аскольд.

Ингрей хотелось кричать от страха и обиды. Специалист Накал сказал ей, что силы обороны Хвай захватили омкемские грузовики и мехов. Где-то неподалеку должны находиться отряды обороны, готовые прийти на помощь. Только вот успеют ли они прежде, чем Хатквебан выстрелит? Что тут поделаешь? Ингрей подумала об истекающей кровью, потерявшей сознание

Никейл. Командор тоже держала ее на мушке, когда из-за выходки Ингрей сработала сигнализация и Никейл подстрелили. Так, может, не стоит выводить командора из себя? В конце концов, все пошло не так, как рассчитывала Хатквебан, именно из-за нее, Ингрей.

— Спускайтесь, мисс Аскольд, — приказала командор, все еще держа ее за руку. — Мы с вами и со светлостью Ченнсом прогуляемся до Омкемской Канцелярии.

— Далеко вам не уйти, — сказал специалист Накал.

— Возможно, — ответила она, и в этот миг Ингрей поудобнее перехватила тяжелый ботинок и ударила им по пистолету Хатквебан.

Раздался оглушающий выстрел, от острой боли в руке потемнело в глазах, и Ингрей выронила ботинок. Командор выстрелила в нее? Некогда думать.

Несмотря на вспышку боли, она другой рукой схватила второй ботинок и нанесла удар по обзорному щитку командора. Один раз, другой. Послышалась беспорядочная пальба, командор отшатнулась.

Вернее, ее оттащили назад два солдата в золотисто-синем обмундировании. Позади нее на

полу лежал Ченнс, сжимая шлем в руках.

— Ченнс… — Ингрей пыталась понять, что сейчас произошло. — Он…

— Можете больше о нем не беспокоиться, — сказал специалист Накал. — Нужно было шлем на голову надевать.

Внезапно перед ней возник солдат в золотисто-синей форме, и она больше не могла разглядеть Ченнса и командора.

— Мы вам поможем, мисс. Чар не может отнести вас, командор повредила его мех.

— Значит, слабые места у них тоже есть, — радостно отозвался специалист Накал. — И насчет вас они были правы, мисс.

— Вы ранены? — спросил солдат, когда два других омкемских меха развернулись и пошли обратно к палатам Ассамблеи. Ингрей показалось, что они направились именно туда, хотя ей трудно было на чем-либо сконцентрироваться из-за боли в руке. — Нужно доставить вас медикам, чтобы они вас осмотрели.

— Обо мне не беспокойтесь! — воскликнула Ингрей, сердце ее бешено колотилось. — Нужно в первую очередь помочь Никейл Тай! И пролокутору.

— Без вопросов, мисс. Пролокутор в порядке.

Мисс Тай очень скоро осмотрит врач, ее уже отправили на медмехе. А вот и ваш на подходе.

— Я могу идти! — упрямо сказала Ингрей, хотя не была абсолютно в этом уверена.

— Не сомневаюсь, — согласился солдат, когда специалист Накал пересадил ее на медмеха. — Только надо ли? Думаю, что не стоит.

Рукав пиджака и юбка были в крови. Ничего, по дороге к врачу медмех просканирует ее.

— Погодите! — крикнул солдат, когда мех уже двинулся к выходу. — Не забудьте свою обувь, мисс.

Он наклонился, поднял ботинки и положил их ей на колени.

— Это не мои! — слабо возразила она. Медмех двинулся дальше, и, если даже солдат ей что-то ответил, она уже не услышала.

Глава 19

В коридоре Ассамблеи медмеха встретило неино в лунги и длинной свободной рубахе.

— Мисс Аскольд, — сказало оно, идя рядом. — Давайте осмотрим вас и наложим временные нейтрализаторы на колено и руку.

— Как Никейл? — спросила Ингрей и шмыгнула носом, слезы вновь навернулись на глаза, так что пришлось их вытирать.

— Ее везут на операцию. Сейчас я подниму спинку, и вы сможете откинуться.

— Да, конечно.

Откуда-то появился солдат в золотисто-голубой форме и сунул ей в руку чашку шербета.

— Спасибо.

— Пожалуйста, мисс.

— Ложитесь, — сказало медик.

Она откинулась назад, стараясь удержать чашку. Руки у нее все еще тряслись, но ей удалось не расплескать напиток. В ноздри ударил теплый пряный запах шербета.

— Вы слегка обезвожены. И сахар в крови упал. Растяжение связок в колене, хотя думаю, вам

это и так уже известно. Пуля не задела жизненно важных органов, хвала всемогущим силам, фактически это ссадина, хотя я уверено, боль чувствительная. Вас быстро поставят на ноги.

— А что с пролокутором Дикат? Оно в порядке? — Ингрей открыла глаза и сделала глоток. Она еще никогда не пробовала такого вкусного шербета, пусть и растворимого.

— Наш пролокутор — крепкий орешек. Чтобы вывести его из себя, потребовался бы целый отряд.

— Так и есть.

Они вышли в широкий коридор станции, находившийся за пределами палат Первой ассамблеи. Кругом толпились люди. Не дети, приехавшие на экскурсию, не чиновники, не помощники представителей, а солдаты в золотисто-голубой форме сил обороны Хвай. Были здесь и гражданские, по крайней мере, одетые в гражданское люди.

— Ингрей!

Сквозь толпу к ней прорывалась Нетано. Почти бежала, Ингрей никогда раньше не видела ее такой. Пиджак сидел криво, лицо перекошено от беспокойства.

— Ингрей, милая, ты в порядке?

Ингрей всегда замечала, когда мать играет на

публику. Хотя, с другой стороны, она же была публичным человеком, и на каждый ее шаг обращали пристальное внимание, независимо от того, искренний он или нет. Ингрей в определенном смысле и самой пришлось вести такую жизнь. Но она не смогла удержаться от слез.

— Я в порядке, мама.

«Люди погибли. Никейл ранили из-за меня», — вот что ей хотелось сказать, но она просто не смогла это выговорить.

— Я хочу домой.

— Сначала вас отвезут в госпиталь, — строго сказало медик. — А еще с вами хочет поговорить обер-капитан Утури. — Оно многозначительно подняло брови, но воздержалось от комментариев. — Представитель Аскольд, у вашей дочери растяжение в коленном суставе и рана на руке. Ей требуется покой, хотя я не уверено, что в ближайшее время ей удастся отдохнуть. Нам нужно двигаться дальше, но вы можете пойти с нами.

Нетано сжала здоровый локоть Ингрей.

— Да. Конечно, я пойду с вами.

Над группой солдат возвышался темно-серый омкемский мех, в одной руке он держал два бежевых картонных прямоугольника, в другой — кисть.

— Погодите! Мисс, это я, специалист Накал.

— Я думала, что вы больше не можете ходить. Вернее, ваш мех не может.

— Не может. Я позаимствовал другого. Если не возражаете, мисс, вы бы не могли подписать для меня входной билет?

— Гм-м. — Ингрей снова заплакала.

— Мисс Аскольд сейчас не до этого, специалист Накал, — строго сказало медик.

— Ничего. Я не против. — Ингрей отдала чашку Нетано и пристроила входной билет в Ассамблею на ботинок, который все еще лежал у нее на коленях. Мех передал ей кисть.

Раньше она подписывала только личные раритеты, никому не нужные, кроме нее самой и нескольких ее друзей. Вот и тут так же. Что может быть банальнее входного билета для осмотра местных достопримечательностей. Хотя, с другой стороны, теперь все совсем иначе.

Она написала свое имя. Вышло на удивление разборчиво, хотя у нее все еще тряслись руки. Подумав, она добавила: «Спасибо за спасение» — и передала кисть меху.

— Теперь ваша очередь.

Пока мех подписывал входной билет, медик сердито сказал:

— Как можно думать о коллекции в такое время!

— Раритеты важны, — отозвалась Нетано.

— Кстати о раритетах. Что случилось с Колоколом Ассамблеи? И с «Отказом от обязательств»? — поинтересовалась Ингрей.

— Это очень хороший вопрос, — сказал мех, передав ей подписанный входной билет. — Большое спасибо.

Он развернулся и пошел к выходу. Ингрей посмотрела на билет. Там было написано: «Отлично управляетесь с ботинками. Механик-пилот специалист Чар Накал».

Медмех доставил Ингрей в госпиталь, спустя десять минут ее колено и руку обработали и покрыли прозрачными твердыми скорлупками нейтрализаторов.

— Теперь можно идти? — спросила она врача, который повторно осмотрел ее и удостоверился, что других ранений нет.

— Уйти вы не можете, — протянул он. — Оберкапитан Утури приказала держать вас здесь до тех пор, пока она с вами не поговорит.

Через час задремавшую Ингрей разбудил мех, он принес порцию лапши и шербет. Поставил их на стол, рядом с медмехом, на котором она все

еще лежала, и ушел.

Ингрей закрыла глаза и попыталась отослать сообщение матери, но обнаружила, что не может подсоединиться к системе связи.

В ответ ей лишь приходило уведомление, что ее аккаунт временно отключен из соображений безопасности. Ингрей вздохнула и принялась за еду.

Она съела примерно полпорции, когда в отсек ввалился Данак.

— Здравствуй, Ингрей, — вежливо и вполне дружелюбно сказал он. — Мама приходила тебя проведать, но ты спала. А сейчас она застряла там с репортерами.

Мама приходила тебя проведать. Ингрей не сразу сообразила, что сказал братец.

— О! — наконец-то среагировала она.

Она чувствовала в его словах какой-то подвох, но не могла понять какой. То ли братец стоял как-то не так, то ли говорил по-другому.

— Удивлена, что ты здесь на станции. Мне сказали, что ты дома.

— Как же я мог сидеть дома, когда маму взяли в заложники, — возмутился он.

Ну вот братец и стал прежним. Неудивительно, ведь он решил, что его обвинили в том, что он ни капельки не заботится о Нетано. Нет, даже хуже

— что ему наплевать на мать. Наверняка он не останется в долгу. К удивлению Ингрей, братец быстро успокоился.

— Недя Лак было право. Нам обоим лучше, когда мы считаем друг друга союзниками, а не противниками.

Недя Лак выразилось не совсем так. И если она когда- нибудь относилась к Данаку как к противнику, то только потому, что он вел себя так с самой первой минуты знакомства. Ее, конечно, потрясло, что недя Лак вообще сказало такое Данаку и братец процитировал его сейчас. Пусть даже для того, чтобы снять с себя ответственность. Неважно. На протяжении многих лет Ингрей казалось, что без одобрения Нетано у нее нет будущего, и если ей не удастся подсидеть Данака, то она обречена на неудачу. Теперь то ли от неимоверной усталости, то ли от облегчения, что все уже закончилось, Ингрей вдруг поняла, что больше не чувствует этого давления. Ей стало все равно, кого Нетано назовет наследником и одержит ли Данак победу. Что бы там ни случилось, хуже уже не будет. Ингрей все-таки удалось более-менее успешно выбраться из серьезной передряги. Теперь ей просто хотелось вернуться домой и насладиться тишиной и покоем.

Она так и не смогла толком ему ответить, лишь промычала что-то с полным ртом.

— Ты всегда была любимицей неди Лак, — с обидой в голосе сказал братец. — Это же очевидно.

Ну и какая разница? Даже если и так, было бы на что обижаться.

И тут Ингрей поняла. Видимо, Нетано в ближайшее время хочет назначить наследника, и все переживания Данака по поводу будущего скоро разрешатся. Он станет Нетано, как и хотел.

Недя Лак будет начальником его штаба, оно всегда работало в тесном сотрудничестве с Нетано. И если даже когда-нибудь Данак захочет сместить его с этой должности, трудно будет найти верного человека, который выполнял бы свои обязанности хотя бы наполовину так же хорошо.

«Ты всегда была любимицей неди Лак». Неужели Данак думает, что недя Лак хотело сделать Ингрей своей преемницей? От этой мысли она чуть не рассмеялась вслух. Недя Лак никогда даже не намекало на то, что передаст ей свое имя. Кроме того, она бы все равно не смогла исполнять его обязанности. И даже пробовать не хотела. А в целом понятно, почему братец пытается найти общий язык даже несмотря на то, что для него это сложно. Наверняка он решил, что теперь Нетано

выберет ее. Что он потеряет то единственное, что имело для него смысл.

Это же просто смешно! Нетано всегда выделяла Данака. И пусть даже в репортажах о случившемся инциденте об Ингрей отзывались хорошо, это вряд ли повлияет на решение Нетано, она и без того придумает, как обратить это в свою пользу.

По крайней мере, у Нетано теперь имелись основания положить конец состязанию между детьми и назначить Данака своим наследником. Ингрей стало все безразлично. После того, что произошло, мать ее никогда не выгонит. Она навсегда останется дочерью Нетано. А вскоре и сестрой.

Если недя Лак ее не уволит с работы, у нее будут деньги, а если и уволит, то она отправится куда-нибудь. Впрочем, это можно сделать прямо сейчас. На какой-то миг она вдруг представила, что просит посла Гек взять ее с собой на конклав. Им все равно придется лететь назад через Тир, так что она всегда сможет вернуться. Интересно, как там все будет?

Или, например, она может поступить на работу в Службу планетарной безопасности, как Токрис. Вспомнив о Токрис, Ингрей поняла, что ей не очень хочется покидать Хвай, но вариантов у нее

было много.

— Думаю, это неважно, — сказала она Данаку. — Главное — мама в безопасности и вся станция. И Федерация все равно отступит, даже если для этого нам придется дать им отпор.

— Ты права, — ответил Данак, сумев скрыть неприязнь. — Это главное.

— Знаешь, я хочу поехать домой. — Даже гостиничный номер на станции ее бы устроил, при желании обер-капитан Утури может ее и там найти. — Я бы встала… — Она показала здоровой рукой на колено, но сообразила, что под юбкой нейтрализатора не видно. — Но у меня на колене нейтрализатор и нога не сгибается, не знаю, смогу ли ходить без костыля или посторонней помощи. Раз уж ты пришел, поможешь мне? Где остановилась мама?

Ингрей была уверена, что Нетано остановилась в какой-нибудь гостинице.

Привычная ухмылка вернулась на лицо Данака.

— Прости, сестренка. Я бы помог, но не могу. Тут у дверей стоит охрана, которая не пускает посторонних, так что и тебя они не выпустят.

Как раз в этот момент в дверях появилась обер-капитан, и Данаку пришлось подвинуться, чтобы

уступить ей место.

— Вашего имени нет в списке лиц, допущенных к посещению, мистер Аскольд, — сказала она и добавила прежде, чем Данак успел хоть что-то ответить: — Я бы пришла и раньше, но появились более срочные дела, требующие моего присутствия. У меня и сейчас немного времени.

— Омкемцы уже вошли в систему? — спросила Ингрей.

— Вошли, — подтвердила обер-капитан Утури. — Но я отвечаю лишь за то, что происходит на станции. Жду указаний насчет расположения захваченных нами омкемских отрядов и командора Хатквебан. Думаю, вы понимаете, что многое зависит от того, что происходит у шлюза Энтена прямо сейчас. Я вас не задерживаю, мистер Аскольд, потому что, как я уже сказала, это вне моей компетенции.

— Конечно, обер-капитан. — Данак вежливо поклонился. — Увидимся позже, Ингрей.

— Итак, мисс Аскольд, — сказала Утури, когда за ним закрылась дверь. — Я уже допросила пролокутора Дикат о том, что там случилось. Мисс Тай до сих пор не пришла в себя. Операция уже закончилась, и *с* ней все будет в порядке.

— Это я виновата в том, что ее ранили. — Ин-

грей вдруг ощутила безмерное чувство вины и одновременно радость от того, что Никейл поправится. — Я все испортила.

— Это мягко сказано. Вы не исполнили моего прямого приказа пройти в укрытие и ждать там до получения дальнейших инструкций. Знаете, какое наказание ждет вас за невыполнение? Здесь на станции наказания намного строже, чем внизу. И для этого, нужно заметить, имеются веские причины.

Ингрей нахмурилась, но промолчала.

— На что, черт возьми, вы расчитывали?

— Я же рассказала вам.

— Да пребудут с нами инфернальные силы! Вы вообще соображаете, что могло произойти? Вас всех могли убить. Но погибло бы гораздо больше народу, если бы командор Хатквебан от отчаяния приказала бы своим отрядам напасть на станцию. Смерть трех человек не такая уж большая плата за то, чтобы предотвратить это. Так и скажу представителю Аскольд прямо в лицо. Пролокутору Дикат об этом даже и говорить не надо. Оно и так знает.

— А дети? А Никейл?

— Это вам не игрушки. Если б решение зависело от меня, то вас бы ждало общественное порица-

ние и годы исправительных работ, независимо от того, кто ваша мать, сколько у вас друзей среди Гек, и несмотря на все ваши знакомства на Тир Сииласе.

Ингрей моргнула, последняя фраза озадачила и встревожила ее.

— У меня нет знакомых на Тир Сииласе.

Строго говоря, это было не совсем так. Она провела там немало времени и успела познакомиться с некоторыми людьми, но друзьями они не стали. И уж точно среди них не было достаточно влиятельных лиц, чтобы помочь ей в сложившихся обстоятельствах.

— Когда вы стояли перед ларием, ко мне подошел капитан Уйсин, — холодно произнесла оберкапитан Утури. — Он предложил план. Вернее, настоял на том, что, когда вы попадете внутрь, у вас появится план дальнейших действий. После нескольких минут паники вы придете в себя и осмотритесь, сказал он. И он будет рядом, чтобы присматривать за вами и помогать.

— Поэтому вы меня и не остановили, — поняла Ингрей. — Поэтому мех-уборщик не стал выгонять меня оттуда.

— Признаюсь, я сомневалась, но капитан Уйсин предложил нам использовать его мехов. Конеч-

но, не так много, как нам бы того хотелось, будь у него хоть с полдюжины, мы бы покончили со всем за пару часов. Наверняка Гек могли бы нам помочь, но мы не стали даже просить их, боясь нарушить соглашение.

Гек.

— Погодите. Омкемцы считают, что они уже нарушили договор. Они не знают, что это была не посол Гек, а всего лишь мех.

— Так и есть, — прямо сказала обер-капитан. — Посол Тибанвори осталась недовольна, что омкемцы поверили в то, что застрелили посла Гек. Очевидно, микс Кет недостаточно хорошо прояснило этот вопрос в разговоре с командором Хатквебан. Несомненно, даже стрельбу по меху можно считать дипломатическим инцидентом, если, конечно, Гек не выразят понимания.

— Но…

— Было бы намного хуже, — резко перебила ее обер- каптан, — если бы омкемцы решили, что Гек вмешались для того, чтобы забрать меха, принадлежавшего гражданину Тира. Это бы открыло дверь для разного рода подозрений, что все затевалось ради совсем других целей, например ради того, чтобы помочь капитану Уйсину послать еще одного замаскированного меха. По-

тому что это уж точно считалось бы нарушением соглашения.

Ингрей вдруг вспомнила, как командор Хатквебан спросила: «Вы кого-то еще привели с собой? Еще одного Гек? Я его не вижу, но уверена, что он здесь». И Гарал ответило, что другого Гек нет и что если они даже и привели его с собой, то командор наверняка засекла бы его.

— Неужели… но они же не могли! Посол Гек никогда бы на это не согласилась.

Неужели Гарал? Видимо, так.

— Конечно, не согласилась бы, — сказала обер-капитан Утури. — Но если бы мы знали, что они собираются притащить другого меха, то могли бы использовать его в своих целях. Не сообщив им об этом, разумеется. Конечно, если бы все раскрылось, появились бы дополнительные проблемы, и мы сразу отказались от этого плана. Но мы же не можем отвечать за то, что предпринимает по собственной инициативе капитан Уйсин.

Ингрей снова нахмурилась. Обер-капитан продолжила:

— Капитан Уйсин — лучший механик-пилот из всех, с кем мне доводилось работать. Без него мы бы не смогли с такой легкостью получить контроль над омкемскими мехами. Даже с его

помощью оказалось не так-то просто обвести вокруг пальца командора Хатквебан, чтобы она не встревожилась и не подвергла опасности жизнь заложников. Мы все еще продумывали разные варианты, когда по вашей милости сработала сигнализация, и мы заблокировали связь в палате Ассамблеи, сделав вид, что это из-за сбоя в системе безопасности. А когда мы захватили грузовые корабли, стало намного проще перехватить управление мехами и использовать их в наших целях, обманув командора Хатквебан. По крайней мере, ненадолго.

— А куда делись раритеты? Что случилось с «Отказом от дальнейших обязательств» и Колоколом Ассамблеи?

— Они у нас, не волнуйтесь, — сказала оберкапитан.

— Но как?

— «Отказ» и Колокол Ассамблеи лежали в мехе, которым управлял специалист Накал. Понятия не имею, как они там оказались. Замечу лишь, что вы провели довольно много времени с печально известным вором. Даже не знаю, чему вы могли у него научиться.

— Но я… — Ингрей пришла в ужас. Она-то уж точно даже не прикасалась к раритетам. — Я

ничего не делала. И Гарал — не вор.

А Тик — вор. Он угнал три корабля прямо из-под носа у Гек, хотя вообще-то у Гек нет носа. Тик каким-то образом пробрался в палаты Ассамблеи, пока Ингрей думала, что находится там совершенно одна, только вот обер-капитан Утури не собирается в этом признаваться.

Немного подумав, Ингрей добавила:

— Судя по всему, вы должны быть благодарны за то, что я не позволила командору Хатквебан уничтожить драгоценные раритеты.

— Не испытывайте судьбу, мисс Аскольд. Единственная причина, по которой вы пойдете отсюда домой, а не в тюремную камеру, в том, что капитан Уйсин — ваш друг, а мое начальство надеется получить доступ к его мехам, не нарушив при этом условий соглашения. Учитывая все вышесказанное, хочу поставить вас в известность, что события, произошедшие в ларии и палатах Ассамблеи, а также наш с вами разговор строго конфиденциальны. Существует официальная версия, которая появится в новостях. Не беспокойтесь, она не сильно отличается от того, что случилось на самом деле, и вас будут считать героиней. — Обер-капитан умудрилась показать свое неудовольствие, не изменив при этом ни

тона, ни выражения лица. — Впрочем, как и пролокутора Дикат, и мисс Тай. Когда вы ознакомитесь с информацией, вам вернут доступ к средствам связи. Если кто-нибудь спросит вас о том, что там произошло, просто подтвердите официальную версию. На какое-то время вам лучше отказаться от общения с новостными агентствами, сославшись на плохое самочувствие.

— Полагаю, что смогу это сделать.

Весь разговор казался сюрреалистическим. И конец его был еще странней начала.

— Вопрос не в том, сможете вы или нет. У вас нет выбора. Вам понятно?

— Да.

— Хорошо. Чтобы не выглядеть неблагодарной, признаю, что вы рисковали жизнью и, поступив так, позволили нам разрешить конфликт с наименьшим количеством жертв и без ущерба для станции. Уверена, что власти Тира и народы Бейта также будут признательны вам.

— Я… — Ингрей хотелось смеяться и плакать одновременно. — Можно мне домой?

Транспортная система станции вновь заработала, поэтому Ингрей не пришлось идти далеко. Охранник в золотисто-голубой форме проводил ее до ближайшей остановки трамвая, и Ингрей

доехала до мотеля, где разместилась Нетано. Там ее встретила одна из многочисленных помощниц неди Лак и довела до номеров, которые занимала мать. Одежду отправили в стирку, Ингрей помогли принять ванну, а потом уложили в кровать и укрыли толстым мягким одеялом, подложив подушку под раненую руку.

— Представитель Аскольд еще на встрече. Она придет к вам, как только освободится. Я принесу воды. Может, вы хотите шербет? — спросила помощница.

Ингрей вспомнила, как лежала на диване в палатах Ассамблеи, мечтая о чем-то подобном — о кровати, пусть не здесь, а дома, о чашке шербета и еде, — и только тут поняла, что голодна.

— Принесите мне фруктов и сыра.

— Конечно, я позабочусь об этом.

Ингрей откинулась на подушки и прикрыла глаза. Наверное, через несколько часов нейтрализаторы можно будет снять. Она еще не думала, чем займется после, но пока было неплохо просто поваляться в кровати, зная, что ты в безопасности и можешь пойти куда захочешь и когда захочешь.

Пришла пора проверить сообщения. Самое важное — записка от неди Лак, в которой говори-

лось, что оно поручило помощнику разобрать ее почту, в частности те письма, которые не требовали личного внимания. Этого человека Игрей знала много лет, и одного взгляда на огромную массу неотфильтрованных сообщений было достаточно, чтобы понять, что недя Лак оказало ей огромную услугу.

Помощник уже отметил письма, которые требовалось просмотреть лично. Первое прислал ребенок, освобожденный из лария. В нем говорилось: «Дорогая мисс Ингрей, спасибо за то, что спасли мою жизнь. Когда я вырасту, то хочу работать с вами. Я люблю математику и умею готовить лапшу». Были еще несколько похожих сообщений от детей, которые помощник выделил особо.

Следующее письмо прислала Токрис. Ингрей перечитала его несколько раз и затем долго думала над ответом. Когда с почтой было покончено, она перешла к просмотру новостей. Версия событий, которую обер-капитан Утури представила новостным агентствам, разительно отличалась от того, что произошло на самом деле, но с определенной точки зрения имела некоторое поверхностное сходство с тем, через что довелось пройти Ингрей. Они трое и впрямь героически

противостояли угрозам командора Хатквебан и ее огромным жутким боевым мехам. И отважно спасли «Отказ от обязательств» и Колокол Ассамблеи. События, связанные с пролокутором Дикат, отразили более-менее точно, хотя и не в деталях. То, что говорилось про них с Никейл, не имело ничего общего с правдой.

Ингрей не знала, кого имеют в виду под «официальными источниками», предоставившими информацию, но уж точно не ее.

Она вздохнула, моргнула, закрыв новости, и снова просмотрела личные сообщения, Токрис так и не ответила.

Ингрей хотела послать сообщение Тику, но не нашла его адреса. А Гарал… Куда ему теперь писать? На корабль Гек? А как это сделать?

Недя Лак наверняка знает. Она послала ему сообщение с вопросом. Услышала, как вернулась помощница с едой и шербетом, но ей не хотелось даже шевелиться. А потом она, наверное, уснула, потому что, когда у нее вдруг сильно зачесалась нога под нейтрализатором, она открыла глаза и увидела, что в дверях стоит помощница.

— Мисс Аскольд, из госпиталя прислали ботинки, говорят, что вы их там забыли. И еще вас хочет видеть офицер Токрис Итеста.

Глава 20

Ингрей ждала визита Токрис. Но когда они уселись вдвоем на кровати, плечом к плечу, и она, положив раненую руку на подушку, сняла остатки нейтрализатора и отдала его помощнице неди Лак, Ингрей не знала, о чем говорить. Она не могла рассказать о том, что пережила в последние несколько дней, а повторять то, что передавали в новостях, было не только бессмысленно, но и нечестно.

Как только помощница, пообещав принести свежий графин шербета, ушла, Токрис сказала:

— Я знаю, что тебе нельзя рассказывать о том, что случилось, и нам всем следует верить новостям, поэтому расспрашивать я не стану, если не хочешь. — Она покосилась на Ингрей. — Может, лучше посмотрим какую- нибудь развлекательную программу?

Эта идея Ингрей понравилась, но пока они искали что-нибудь смешное и легкое, сама собой потекла беседа. Они говорили о службе Токрис и о том, возьмут ли Ингрей обратно на работу, о родителях, братьях и сестрах, друг о друге. Прошло

несколько часов, развлекательную программу они так и не выбрали. Девушки сидели очень близко друг к другу. А рядом с ними на постели стоял пустой поднос с семечками и крошками сыра. Появилась помощница и сказала, что к ней пришли Тик и Гарал.

— Мы не хотели вам мешать, — сказал Тик, старательно глядя в сторону. — Я пытался отправить сообщение, но, похоже, мне не позволят выходить в сеть, пока я не завербуюсь в силы обороны системы Хвай.

— Но ты же не собираешься? — спросила Ингрей и жестом пригласила гостей присесть на кровать.

Тик сел, Гарал примостилось рядом.

— Вот еще, отдать им моих мехов? Вы же понимаете, что им нужно только это.

— Ты был там! — сказала Ингрей. — Ты пришел с Гарал и послом Тибанвори. Незаметно пробрался внутрь и каким-то образом вынес раритеты.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — серьезно сказал Тик.

— Не смотри на меня, — замахало руками Гарал. — Я уж точно ничего об этом не знаю.

— Мне бы пришлось как-то спрятаться от мехов, которые меня в первый раз заметили, — добавил

Тик.

— Обер-капитан Утури сказала, что ты лучший механик-пилот из всех, с кем ей довелось работать.

Ингрей моргнула, попросив помощницу принести еще шербета и фруктов с сыром для гостей.

— Конечно, — отозвалось Гарал. — Потому что это так и есть.

— А вы теперь в безопасности? — спросила у него Токрис. — Я в курсе, что Гек признали вас, но это не значит, что все забыто. Вам вообще дозволено покидать борт корабля Гек?

Гарал слегка улыбнулось.

— Ничто не забыто. Но учитывая, что сама посол выходит и возвращается, когда ей вздумается, независимо от разрешения, и то, насколько силы обороны системы хотят, чтобы Гек продали им хоть парочку мехов… — Оно пожало плечами. — Да, у меня есть разрешение находиться здесь, и если я не сделаю какую-нибудь глупость, то никто меня не потревожит.

— С меня взяли обещание ни о чем не рассказывать, — осторожно произнес Тик и взглянул на Токрис. — Да я и ввязался во все это лишь для того, чтобы Ингрей не погибла. Помогая ей, я одновременно пытался помешать Федерации

приблизиться к Тиру, чтобы они не могли угрожать нам. Но люди все равно пострадали.

Это моя вина, подумала Ингрей. Тик, наверное, имеет в виду Никейл. Интересно, а что он делал в тот момент, когда свет выключился и раздались выстрелы? Когда Никейл ранили?

— С ней все будет в порядке, — сказала она.

— Да, рад слышать. Но работа военных и заключается в том, чтобы причинять страдания людям. А я этого делать не хочу. Да и мехи не хотят, поэтому я их спрятал, но все время приглядываю за ними. Уверен, что обер-капитан честна настолько, насколько может быть честен обер-капитан, но рисковать все равно не хочу. Я заплатил огромные деньги за тирское гражданство, и мне до сих пор нравится ходить в рейсы. Может, когда-нибудь я передумаю, но…

Он сделал жест рукой, словно отмахиваясь от неизвестного будущего.

— А Гек? Думаете, они теперь оставят вас в покое? — спросила Токрис.

— Ага, — ответило Гарал, подтянуло к себе подушку и облокотилось на нее. — По крайней мере, на время конклава, а после этого они сразу улетят домой.

Тик облокотился на ту же подушку.

— Я прочитал письмо, которое прислала посол Гек, — сказал он. — Но… пока не ответил и вряд ли когда-нибудь соберусь. Наверное, лучше мне ничего ей не отвечать.

Он был спокоен и серьезен, словно содержание письма совсем не расстроило его, но Ингрей была уверена, что это не так.

— Лучше бы… она совсем его не посылала. Хотя с другой стороны… — Он помедлил. — Наверное, должно пройти какое-то время, и тогда я об этом еще раз подумаю.

— А еще она прислала морских червей, — заметило Гарал.

— И я едва не отослал их назад. Но, черт возьми, как же мне не хватало морских червей!

Ингрей представила, как Тик ест холодных извивающихся червей, и еле сдержалась, чтобы не скорчить рожу. Ее вдруг поразило, что в его представлении дом и уют были связаны с живыми морскими червями, пастой из водорослей и тепловатым соленым пойком, а не с фруктами, сыром и шербетом.

— А пойк посол не прислала? — спросила она.

Тик рассмеялся, слегка натужно, но все-таки искренне.

— Прислала. Только не говори, что он тебе

понравился. Если хочешь, Гарал достанет его для тебя.

— Мне хватило, — сказала она и скривилась.

— К нему надо привыкнуть, я же говорило.

Тик расхохотался уже не так напряженно. Гарал продолжило:

— Я думало о том, чтобы отправиться на конклав, но решило, что мне не помешают тишина и рутина.

— Значит, вы улетите с капитаном Уйсином? — спросила Токрис. Ее, похоже, совсем не удивляло, что Тик *и* Гарал пришли вместе и сидят так близко друг к другу.

— Да, посол разрешила. При условии что я выучу наизусть все пункты соглашения к тому моменту, когда корабль вернется на Тир Сиилас, и еще она выдала длинный список запретов, которые мне необходимо строго соблюдать. Самый очевидный пункт — не нарушать законов систем, которые я посещаю. Хотя я и не собиралось. А некоторые так вообще непонятные, видимо, как-то связаны с биологией Гек.

— Именно, — подтвердил Тик. — К счастью, разведение морских червей не является нарушением договора, если мы их, конечно, не выпустим в океан другой планеты. Но я слишком много

знаю о них, чтобы пойти на такое.

— Можешь всех червей оставить себе, — сказало Гарал. — Ингрей, а ты бы тоже могла отправиться на конклав. Думаю, посол согласится взять тебя с собой, только нужно как можно скорее спросить ее об этом.

Отправиться на конклав! Там будут делегаты от иных рас — Рррррр и Пресгер. И пугающие представители искусственного интеллекта, которые порвали с Радчем и требуют признания как отдельная раса, имеющая свои права. Неважно, чем закончится конклав, но это событие поистине исторического значения. Возможно, она будет единственной представительницей Хвай. Да и на прежних конклавах хвайцы не присутствовали, она точно знала. Вот это приключение!

Сидя в безопасности рядом с Токрис, она, как и Гарал, вдруг поняла, что ей больше не нужны приключения. По крайней мере, на какое-то время.

— Нет, — сказала она. — Я просто хочу вернуться домой. На свою планету, в наш дом в Арсамоле.

И работать в офисе под руководством неди Лак, чтобы жизнь вернулась в привычное русло. Хотя то, что Токрис рядом, пока непривычно, но это и замечательно.

— Все же растянется на годы, правда? Я слышала, что понадобится несколько лет, пока все соберутся, и вопрос довольно сложный, так что на обсуждение тоже может потребоваться не один год.

— Правда, — ответило Гарал. — Может, и впрямь лучше прилететь на время, чем посвятить следующие пять- шесть лет своей жизни Гек.

— Знаешь, ты себя недооцениваешь, — сказал ей Тик. — Если то, что ты делаешь, не впечатляет твою мать, так это ее проблема, а не твоя. Скорее всего, она не из тех матерей, которые лелеют и холят своих детей, так что есть вероятность, что ты станешь счастливее, отделившись от нее. Мне кажется, что она по-своему искренне заботится о тебе, а твое недя точно знает, чего ты стоишь.

— И с Данаком все станет проще, когда вопрос с наследством определится, — добавило Гарал. — Но все поймут, если ты решишь пожить одна.

— Можешь полететь с нами, — предложил Тик.

— Нет, я хочу вернуться домой хотя бы на какое-то время.

Тут в комнату вошла помощница с полным подносом хлеба и сыра и сказала:

— Мисс Ингрей, вас хочет видеть ваша мать. Она в комнате напротив.

Комната Нетано оказалась почти такой же, как у Ингрей, только постель была свернута, а сама она устроилась на мягкой скамеечке. На стене справа светилось изображение неди Лак, которое сидело на стуле в какой-то голубой комнате.

— Ты хотела меня видеть, мама?

— Ингрей, милая, сядь. — Нетано указала на место рядом с собой. Ингрей присела. — Ты уже видела новости? Ты — настоящая героиня!

Ингрей чувствовала себя совсем не по-герой-ски.

— Похоже на то.

— Кажется, мне нужно извиниться перед тобой, — сказала Нетано и взглянула на недю Лак, хотя оно молчало и даже не шевелилось. — Твое недя считает, что мне нужно извиниться. Я всегда говорила своим детям, что любой из них может стать моим наследником, что я выберу лучшего.

— Да все в порядке, — ответила Ингрей совершенно искренне. — Я всегда знала, что это будет Данак. Все знают.

Нетано язвительно улыбнулась.

— Даже в детстве он был… каким-то особенным. А если затевал что-то, то добивался цели любыми

способами. Он всегда понимал, что интересы семьи — это и его интересы. Даже в ситуации с мехом-копателем он сообразил, что нужно изменить курс, и мгновенно среагировал.

Да уж, подумала Ингрей. Конечно, Данак особенный. Он родился в хорошей семье, с древними именами и традициями. Он не был безвестным приемышем из общественного приюта. Не стоит сердиться и обижаться на это. У нее своя жизнь, она может сделать все, что захочет, пусть даже она и не особенная. «Ты себя недооцениваешь», — только что сказал ей Тик. Больше недооценивать себя она не будет. Поэтому не стоит беспокоиться ни о Нетано, ни о Данаке.

— Твоя мать считает себя поборницей равноправия и очень демократичным человеком, — сказало недя Лак. — Она хотела дать детям из общественных приютов, то есть тебе и Ваор, пока оно не ушло из семьи, равные шансы на получение наследства. Только вот «особенными» вы никогда не были.

К удивлению, Ингрей удалось сохранить безучастное выражение лица. Недя Лак никогда не говорило о Нетано подобного ни в ее присутствии, ни за спиной. Да и вообще не обсуждало эту тему.

— Сейчас не время, Лак, — резко сказала Нетано.

— Может, и так, — согласилось недя Лак. — Но время летит очень быстро.

Нетано вздохнула.

— Менее часа назад я получила сообщение от пролокутора Дикат, оно считает, что я собираюсь назначить наследником не того человека. И я с ним согласна. Думаю, мне следует передать свое имя тебе.

Ингрей вдруг показалось, что твердый пол под ее ногами дрогнул и превратился в бездонную пропасть.

— Мне… Что?

— Твоя мать хочет назначить тебя наследницей, — сухо сказало недя Лак.

— Меня… но…

— Ты думаешь, что у тебя не получится, но это не так, — продолжило Лак. — Кроме того, тебе не придется исполнять обязанности самой. Особенно прямо сейчас, да и долго еще не придется.

— Ты — героиня, — сказала Нетано. — Я уверена, что в новостях описывают события… не совсем точно. Обычно так и бывает. Силы обороны системы, без сомнения, скрывают детали операции. Но ты пошла на это добровольно, решила спасти

детей и Хвай. Более того, ты преуспела, а детали не так уж и важны.

— А еще у пролокутора Дикат сложилось о тебе очень хорошее мнение, — добавило недя Лак. — Уверено, ты понимаешь, что добиться такого совсем не легко. В будущем это может нам помочь. Пролокутор Будраким поставил себя в очень тяжелое положение прямо перед выборами. И появился огромный шанс, что через год, в это же время, ты станешь Третьим пролокутором.

Данак! Данак знал или подозревал, что это случится. Поэтому он так дружелюбно вел себя в госпитале. Поэтому он с обидой сказал: «Ты всегда была любимицей неди Лак».

— Власти Тира осознают, что они в долгу перед тобой, — продолжила Нетано. — Они предлагают тебе право на бессрочное проживание там. Бесплатно.

— Правда, гражданства не предоставляют и жилье не оплачивают, — ввернуло недя Лак. — Тир всегда остается Тиром.

— И народы Бейта тоже выражают тебе свою благодарность. Кроме того, у тебя личные контакты с послом Гек.

— Короче, — сказало недя Лак. — Учитывая

все это, твоя мать поступит просто глупо, если назначит своим наследником кого-то другого.

Она это сделала! Она победила Данака. Окончательно и неопровержимо. Такой удачи Ингрей никогда себе не представляла, даже в самых невероятных фантазиях. У нее получилось!

Она станет представителем Аскольд. А может, даже пролокутором Аскольд. И дом в Арсамоле с фасадом из прекрасного цветного стекла и цветочными клумбами в саду будет принадлежать ей. Конечно, она щедро и милостиво позволит Данаку жить там.

Ингрей глубоко вздохнула и вдруг сказала:

— Нет. Нет, ты всегда хотела назначить своим наследником Данака.

— Боишься, что мое решение поспешно? — спросила Нетано. — Или считаешь, что я не хочу назначать тебя наследницей? Я поступаю обдуманно, и я действительно хочу, чтобы ты стала следующей Нетано.

— А я не хочу, — сказала Ингрей, и ощущение, что она летит в пропасть, которое сопровождало ее с самого детства, вдруг исчезло. Почти. — Я не лучший кандидат. У меня не получится. Что бы там ни говорили обо мне в новостях, скоро все забудется, а политика из меня не выйдет. Нет, ты

должна передать имя Данаку.

Она взяла себя в руки, чтобы смело принять последствия отказа. К ее удивлению, недя Лак засмеялось.

— А я предупреждало тебя, сестренка. Еще тогда. — Нетано лишь вздохнула, а недя Лак продолжило: — Полагаю, просить тебя стать моей наследницей тоже бессмысленно? Дело не в том, что я этого не хочу, но тебе ведь придется тесно работать с Данаком, а я знаю, каково это. В любом другом случае я бы давно тебе предложило.

— Ингрей, милая, — начала Нетано, воспользовавшись ее молчанием. — Я думаю…

— Не спорь с ней, сестренка, — сказало недя Лак. — Она знает, чего хочет. А если тебе это не нравится, то, что ж… Дети не всегда оправдывают наши ожидания. Полагаю, для нее это наилучшее решение, хотя ты и не одобряешь.

— Нет, мама, — сказала Ингрей. — Выбери Данака. Он всю жизнь к этому стремился.

— Хотя это не значит, что он годится на эту роль, — заметило недя Лак. — Но мы сейчас обсуждаем не его слабые стороны. — Нетано снова вздохнула. — Неважно, насколько он подходит, уверено, Данак сделает все возможное, чтобы стать достойным имени Нетано.

— Да, — согласилась мать. — Он такой.

— Недя Лак, а что насчет моей работы? — спросила Ингрей.

Когда она вернулась к себе, Тик и Токрис хохотали над историей, которую Гарал только что закончило рассказывать. Ингрей, не успевшая отойти от напряженного разговора, постаралась выглядеть так, словно ничего не произошло, но, увидев ее, они тут же замолчали.

— Что случилось? — тревожно спросила Токрис.

Ингрей попыталась проглотить стоявший в горле комок, но не смогла.

— Мама сказала, что хочет передать мне свое имя.

— Поздравляю! — воскликнул Тик. — Знаю, здесь это важно, особенно если с сегодняшнего дня тебя будут звать Нетано Аскольд.

Обеспокоенная Токрис нахмурилась. Гарал сказало:

— Надо же, я ошибалось. Выходит, ты в самом деле сможешь изменить ситуацию в «Милосердном устранении». Или хотя бы постараешься.

Ингрей хотела ему ответить и разрыдалась. Токрис вскочила с кровати, обняла ее, и Ингрей благодарно приникла к ее плечу. Спустя пару

минут она смогла выговорить:

— Я отказалась.

Повисла тишина. Ингрей не видела ничего, кроме зеленого шелка рубашки Токрис, и надеялась, что не испортит ее своими слезами. Потом она услышала голос Тика:

— Хвала небесам! Трудно было вообразить тебя в роли представителя Аскольд, но я молчал, потому что считал, что ты этого хочешь.

— Я тоже так думала, — призналась Ингрей, прижимаясь к плечу Токрис. — Когда она мне об этом сообщила, я собиралась сказать «да, спасибо» или что-то подобное, но отчего-то сказала «нет».

— Присядь, — предложила Токрис. — Я налью тебе шербета.

— Прости, — попросило Гарал, когда она села.

— За что?

— Ты начала плакать, когда я упомянуло «Милосердное устранение». Не хочу, чтобы ты чувствовала ответственность. Для меня это очень важно, но ведь ты не единственная, кто способен помочь. Хорошо, что ты отказалась, ведь могла бы всю жизнь чувствовать себя очень несчастной.

— Ох! — Ингрей утерла глаза и взяла чашку с шербетом из рук Токрис. — Не уверена, что даже

услышала твои слова. Просто…

Слезы снова накатили. Она, конечно же, услышала его и на какой-то миг даже подумала о том, как сильно подвела Палад, поэтому и не сдержалась.

— А с работы тебя не уволили? — спросила Токрис.

— Нет, а еще мама сказала, что, даже если я уеду от них, моя комната навсегда останется моей.

— Родители всегда так говорят, — улыбнулась Токрис.

— Неужели? — спросил Тик. — Мне такого не говорили.

— И мне, — сухо добавило Гарал.

Ингрей икнула.

— Только вот морских червей не предложили.

— Ну не всем же так везет, как мне, — усмехнулся Тик.

На следующее утро Ингрей коротко переговорила с недей Лак.

— Жаль, что ты больше не будешь работать в офисе, — сказало оно со стены в комнате Ингрей. Рядом с ней на постели, поджав ноги, сидела Токрис. — Но думаю, что это правильное решение. Реформа «Милосердного устранения» сейчас гораздо важнее, чем поддержка избирательной

кампании Нетано, так что будет лучше, если ты займешься этим сама официально. Ну и, конечно же, благотворительность, особенно среди общественных приютов, принесет пользу всем, даже если ты будешь заниматься ею не от имени Нетано. — Оно вздохнуло. — Я бы хотело, чтобы ты осталась и дала интервью крупным новостным агентствам, но понимаю, что тебе хочется поскорее домой. Будь я на твоем месте, поступило бы точно так же.

— «Голос округа Арсамол» получит эксклюзивный репортаж, — заметила Токрис.

Недя Лак улыбнулось.

— Конечно, и Нетано от этого польза. Когда она проснется, я ей сообщу. Вчера вечером мы поговорили с Данаком, и он, конечно же, очень счастлив, хотя и удивлен. Он слишком умен и наверняка понял, что ты отказалась, Ингрей. Мы решили подождать с объявлением. Не хотим, чтобы люди подумали, будто мы тебя проигнорировали. Так что это очень даже хорошо, что у тебя появились собственные планы.

— Так будет лучше, — согласилась Ингрей. Она была уверена, что недя Лак пришло к тем же выводам, что и она, и все-таки почувствовала облегчение. Если бы Данака объявили наследником

Нетано немедленно, то ей пришлось бы остаться здесь еще на несколько дней, чтобы поздравить его. Лишь для того, чтобы никто не подумал, что она обижена этим решением.

— Нужно устроить большой праздник и там объявить его наследником.

Данаку это точно понравится.

— Да, — согласилось недя Лак. — И Данаку вовсе необязательно все время быть в центре внимания. Ты же приедешь? Скорее всего, мы проведем церемонию лишь через несколько месяцев.

— Конечно, приеду.

Как только недя Лак отключилось, Ингрей и Токрис покинули мотель через запасной выход, чтобы не столкнуться с мехами-репортерами. Девушкам пришлось долго ехать на переполненных лифтах и трамваях, чтобы добраться до челнока, идущего к подъемнику. Делегация Гек улетала послезавтра, Ингрей узнала об этом, просматривая новости, когда они с Токрис сидели в трамвае. Гарал упомянули лишь мельком, да и то где-то ближе к концу статьи. Тика и его пауков-мехов вообще не упомянули.

«Бой у шлюза Энтена» — так была озаглавлена следующая новость. «Один корабль Федерации захвачен, остальным трем удалось уйти». Ингрей

просмотрела статью и узнала, что командор Хатквебан все еще находится в руках сил обороны системы Хвай. Светлость Ченнс не упоминался. Пролокутор Дикат вместе с другими представителями Первой ассамблеи встретился с послами Тира и Бейта. Молодой пролокутор Дикат. «Мы не хотим войны, — сказал он новостным агентствам. — Но, так и быть, сделаем одолжение Федерации, если они ее развяжут». Омкемская Канцелярия так и не выступила с заявлением, как ее ни просили.

Новостные агентства округов Третьей ассамблеи обсуждали возможность скорой отставки Этьята Будракима и дальнейшего судебного разбирательства. Ни он, ни его дочь не давали комментариев по этому поводу.

Ингрей моргнула, отключив новости. Нашла черновик письма, которое она собиралась послать молодой Этьят Будраким. Гарал вроде доверяло своей сестре, и Ингрей считала, что вряд ли она была замешана в том, что случилось с ним, или в событиях прошлой недели. Ее политическая карьера, видимо, закончилась, хоть и не по ее вине. По крайней мере, на ближайшее будущее. Может, благодаря этому она благосклонно отнесется к реформам «Милосердного

устранения»?

Сидевшая рядом Токрис сказала:

— Данак проснулся. Только что получила сообщение от него.

— Я тоже, — призналась Ингрей. — Но не хочу отвечать ему прямо сейчас.

Они вышли на станции челнока. Потратили немного времени на то, чтобы переодеться. Ингрей все еще носила ту же одежду, что и на подъемнике, казалось, она не снимала ее много дней подряд. В гостинице, да и во время путешествия до округа Арсамол можно было обойтись и так, пару недель назад Ингрей бы так и поступила. Но сейчас ей очень хотелось переодеться. Она выбрала новый комплект одежды из мягкой синтетической ткани синего и оранжевого цветов, вспомнила о потерянных шпильках и взяла еще синий шарф для волос. Подумала, что шпильки все равно потеряются прежде, чем она ступит на Хвай, даже заплести ее волосы трудно, а уж тем более самостоятельно сделать прическу.

Когда она зашла в вестибюль, куда прибывал челнок, ей вдруг показалось, что минувшей недели не было или, даже еще хуже, что она повторится прямо сейчас. Все вокруг выглядело слишком знакомо, даже приютские дети в форме

сидели здесь в ожидании челнока. На стенах мелькали, меняясь, картины из истории Хвай.

Архипролокутор снова вносил последнюю плату в счет долга Тиру и собирался зачитать «Отказ от дальнейших обязательств». Картинка, знакомая с детства всем хвайцам, сейчас воспринималась по-другому. Может, из-за того, что Ингрей увидела, как драгоценный раритет, к которому и прикоснуться-то было нельзя, порвали и смяли, сунув его в маленькое отделение на боку меха, словно какую-то никчемную тряпку? Или потому, что теперь она знала, что «Отказ», изображенный на картинке, не был подлинником? А может, потому, что за одну неделю ей довелось пережить так много, что она до сих пор не пришла в себя, чтобы восхищаться изображением, которое как раз сменилось другим?

— Данак здесь, — сказала Токрис.

Братец шел по центру вестибюля, направляясь прямиком к ним.

— Ингрей, — начал он обвиняющим тоном. — Я хотел поговорить с тобой.

— Прости, — ответила она, хотя извиняться ей было не за что. — Просто я хотела успеть на следующий челнок к подъемнику.

Стоявшая рядом Токрис промолчала.

— Я ничего не понимаю, — раздраженно заявил Данак. — Ты отказалась. Знаю, что отказалась, я их спросил, уверен был, что мама передаст свое имя тебе. А еще думал, что, возможно, недя Лак назначит тебя своей наследницей. Но и этого не произошло.

— Ты же не хочешь, чтобы я стала Лак Аскольд.

— Нет. Не хочу. Но мне все равно понадобится Лак, тот, кому я смогу доверять. — Он мельком взглянул на изображения на стене. — Недя Лак сказало, что ты не возьмешь его имя и что в этом виноват тоже я и мне придется с этим жить. Это несправедливо! Лак всегда выделяло тебя.

— Может, и так. — Ингрей начала думать, что тут Данак прав. — Но это неважно. Мама предложила мне взять ее имя, но я отказалась. Потому что я не хочу быть представителем Ассамблеи. Не хочу быть пролокутором.

Пусть Данак запомнит, что у нее была такая возможность, но она ее отвергла.

— Я не хочу быть начальником штаба и правой рукой представителя или пролокутора. Я хочу быть просто Ингрей Аскольд.

Он смотрел на нее и не верил.

— Уже объявили посадку, — сказала Токрис.

Дети в форме начали подниматься в вагон.

— Погоди.

Ингрей подошла к киоску и купила открытку «Экскурсия на станцию Хвай». Вернулась к Данаку, за которым внимательно наблюдала Токрис.

— У тебя есть кисть?

Он достал ее из внутреннего кармана куртки. Рука еще не очень слушалась Ингрей, поэтому открытку пришлось держать Токрис. Ингрей написала: «Поздравления новому Нетано от сестры Ингрей». Она проставила дату и отдала карточку Данаку вместе с кистью.

— Я могла бы стать Нетано, но отказалась. Теперь у тебя есть свидетельство того, что я этого не хочу и угрожать твоему положению не стану.

— Вознесшиеся святые угодники! Ингрей, я пришел не для того, чтобы затеять ссору.

— А для чего ты пришел, Данак? — спросила Токрис.

— Чтобы… — Он замолчал, нахмурился еще сильнее. — Что ты хочешь взамен?

Токрис ахнула, но Ингрей сказала:

— Хороший вопрос. А вот тебе ответ — ничего. Но если ты все-таки настаиваешь, то я хочу, чтобы ты расследовал условия содержания в «Милосердном устранении», если вдруг когда-нибудь

все-таки станешь пролокутором.

— Популярности это точно не прибавит. Там же преступники!

— Как знаешь. — Ингрей собралась уходить.

— Слушай, Ингрей, — сердито сказал он. — Когда я об этом думал, зная, что мама выберет тебя, я… Мне было тяжело. Я расстроился. Это ведь несправедливо. Тебе просто повезло! Ты оказалась в нужное время в нужном месте. А еще я знал, что мне придется работать с тобой. И решил, что сделаю все, чтобы у нас получилось. А затем… слушай, просто… Я мечтал об этом всю свою жизнь. Я бы никогда не отказался от наследства ради тебя.

— Знаю.

Если бы он был не членом семьи, а политическим оппонентом ее матери, она бы улыбнулась ему как можно шире. Но Данак знал цену таким улыбкам, в его арсенале имелись не хуже. Да и вообще, он старался, как мог. Почти поблагодарил ее, хотя это стоило ему немалых усилий.

— Я отказалась не ради тебя, но… Пожалуйста, мне жаль…

Он не шелохнулся.

— У тебя сейчас, наверное, куча дел. Ценю, что ты нашел время прийти и поговорить, но нам

пора на челнок.

— Изменить что-либо в «Милосердном устранении» непросто, — сказал он. — Будет лучше, если вопрос перед Ассамблеей подниму не я, а избиратели округа. А еще лучше из нескольких округов.

— Ага, — согласилась Ингрей. — Я уже начала работать над этим. Будет здорово, если ты мне поможешь. Или хотя бы рассмотришь этот вопрос.

Он кивнул:

— Да. Да, ты права. Ты знаешь, что нужно делать, — нехотя проговорил он. — Скажи, если что-то понадобится. Мне нужно идти, слишком много дел. Доброго пути!

Он повернулся и ушел.

— Он сказал, что тебе повезло! — обиделась Токрис. — Оказалась в нужное время в нужном месте!

— Ну, в общем-то, так и случилось.

— Нет, не так! — возмутилась Токрис. — В любом случае, хорошо, что он знает, чем тебе обязан.

— Наверное.

Ингрей пошла ко входу в челнок и увидела группу детей в желто-синих рубашках и брюках. Дети стояли рядом с двумя офицерами Службы безопасности станции и смотрели на нее.

— Мисс Ингрей, — крикнул один малыш. — Вы поедете с нами на подъемнике?

— Похоже на то. А где ваш воспитатель?

— Он бросил нас в ларии и сбежал, — ответил другой.

Остальные расстроенно закивали. Кто-то сказал:

— Пусть теперь ищет другую работу.

— Тихо, нельзя так говорить, — одернул третий.

— Мы сопровождаем детей до приюта, мисс, — объяснил офицер.

— Значит, поедем вместе, — ответила она.

— А у нас взяли интервью! — гордо воскликнул кто-то из ребятишек.

— У мисс Ингрей миллион раз интервью брали. — Первый малыш старался показать свою осведомленность, радуясь тому, что ему удалось познакомиться со знаменитостью.

— Это было настоящее приключение, правда, ребята? Но я уже готова ехать домой, где смогу наконец-то отдохнуть. Вы тоже?

Малыши согласно закивали.

— А это моя подруга, офицер Службы планетарной безопасности Токрис Итеста.

— Здрав-ствуй-те, офицер Итеста!

— Пора на борт, дети, — позвал сопровождающий.

— Если они уедут без нас, мисс Ингрей ударит их своим ботинком! — сказал кто-то. Все засмеялись, но сопровождающие пытались сохранить серьезные лица.

— Это не мои ботинки! — возразила Ингрей.

— Лучше не бить экипаж челнока, — посоветовала Токрис, когда они помогали детям подняться в салон.

— Офицер Итеста права, — сказал сопровождающий. — Идемте, мисс Ингрей. Садитесь рядом с нами.

— Мы постараемся, чтобы они не слишком вам досаждали, но вы же понимаете… — развела руками вторая.

Весело щебеча, дети рассаживались в вагоне.

— Что ж, — сказала Токрис, когда уселся последний ребенок. — По крайней мере, скучно не будет. Ну что, ничего не забыли?

Ингрей посмотрела на опустевший вестибюль, на меняющиеся картинки на стенах, на архипролокутора, внесшего последнюю плату властям Тира.

— Ничего!

Она взяла Токрис за руку, и они, оставив позади

шумную толпу на станции, шагнули в вагон, который должен был отвезти их к подъемнику. Домой!

Благодарности

Я благодарю моих замечательных редакторов Уила Хинтона («Орбит США») и Дженни Хилл («Орбит Великобритания») за то, что они помогли превратить мою рукопись в хорошую книгу. Также благодарю моего прекрасного агента Сета Фишмана.

Отдельное спасибо Кристал Хафф, Марго Лее Гурвиц, Аде Палмер, Анне и Курту Швинд, Рейчел и Майку Свирски, Джулиет Уэйд и Джо Уолтон за полезные советы, комментарии и обсуждения в процессе создания книги.

Также с благодарностью хочу отметить местные библиотеки: библиотеку округа Сент-Луис, библиотечный консорциум округа Сент-Луис, публичную библиотеку Сент-Луиса, библиотеку Вебстерского университета и библиотеку имени Томаса Джефферсона Университета Миссури в Сент-Луисе. А также всем библиотекарям, которые там работают, вы — лучшие.

Библиотеки — это народное достояние. Вы делаете мир лучше.

Пожалуйста, поддержите свои местные биб-

лиотеки, чем можете, хотя бы вовремя сдавайте книги.

И, как всегда, я хочу сказать спасибо своему мужу Дэйву и детям Айдан и Гавэйну. Они всегда поддерживали мой писательский труд, и я благодарна им за постоянную помощь и поддержку.